Олег Игнатьев

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «КАЛЛИСТО»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Записки журналиста об экспедиции на исследовательском судне "Каллисто" по международной программе "Человек и Биосфера". В книге рассказывается о работе ученых и экипажа, о сотрудничестве с учеными жителей молодых островов государств тропической зоны Тихого океана.

- Олег Константинович Игнатьев
  -
  -
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  -
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  -
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
- Примечания
  - 1
  - 2

Олег Константинович Игнатьев
Путешествие на "Каллисто"

Комментарии доктора географических наук профессора Павла Алексеевича Каплина

Памяти замечательного ученого,
профессора Григория Михайловича
Игнатьева посвящаю эту книгу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белое пятно в синем океане

Все кругом скрипело и раскачивалось. Вот мы приняли горизонтальное положение, продержались так ровно две секунды и стали довольно быстро в почти вертикальную позицию. К сожалению, ноги оказались при этом вверху. Спать, сохраняя стойку на голове, мне раньше не доводилось, и, естественно, я не льстил себя надеждой, что освою такой способ за один прием. Но вот мы мягко опрокинулись в противоположную сторону, и какие-то две-три секунды можно было попытаться заснуть, уже опираясь на ноги. И так каждые семь-восемь секунд нас то клали горизонтально, то ставили на голову, то на ноги.

Судно нагнал тайфун. В каюте кромешная темень, и в иллюминатор бьют волны. Не просто волны, а океанские. Того самого океана, которого из-за скудости информации когда-то назвали Тихим.

Нащупываю рукой выключатель, поворачиваю рычажок. В полутьме вижу, как массивный, двухтумбовый письменный стол мягко ложится на бок и, спустя мгновение, принимает обычное положение, впопыхах оставив на полу груду ящиков со всем содержимым. Хочу сползти с койки, но сверху падает что-то большое и тяжелое. Это сосед по каюте выпрыгнул из своего спального места с криком: «Держите его!»

Ничего не понимаю. Кого держать? Оказывается, нужно держать холодильник, тоже пытающийся, если не лечь на бок, то по меньшей мере перевернуться на 180 градусов.

Мы усмиряли взбесившиеся вещи почти до шести часов утра,

пока, как по команде, и стулья, и дверцы шкафов, и холодильник с письменным столом не решили дать людям передышку. Можно было до побудки поспать часок. Как образно выражаются авторы некоторых очерков, «усталые, но довольные», мы прикорнули на своих матрасах. Сон куда-то пропал, я лежал и под мерный рокот, доносившийся из машинного отделения, думал о том, что мне здорово повезло: ни в одном санатории отдыхающим не предоставляют возможность испытать на себе силу тайфуна и они не могут из восьми часов, отпущенных для сна, в общей сложности проспать четыре — два вверх ногами, а два часа стоя.

Об отдыхающих и отпускниках упомянул не случайно. Дабы иметь возможность участвовать в этой поездке, пришлось взять в редакции два неиспользованных за предыдущие годы отпуска.

А началось все это так.

* * *

Началось все с географической карты мира, что висела у меня на стене редакционного кабинета. Я стал наносить на карту маршруты своих командировок. Вернусь из поездки, беру фломастер и провожу линию до Москвы от пункта, где довелось побывать. Так постепенно, год за годом протянулись нити в разные страны.

Первое время даже подсчитывал, сколько тысяч километров пролетел или проехал по нашей планете, а потом бухгалтерию забросил. Правда, некоторые цифры остались в памяти. Например, с 1954 по 1975 год Атлантику пересекал тридцать четыре раза (конечно, если считать и туда и обратно), а в Африку летал пятнадцать раз. Но как-то несколько лет назад, взглянув на карту, обратил внимание, что правый нижний уголок ее не пересекла ни одна линия. А какие загадочные острова маленькими точками разбросаны по синим просторам, где большими буквами выделялись два слова: «Тихий океан»!

Да что там острова! Целый материк незнакомой земли — Австралия — манил и звал. А тут еще друзья-товарищи: «Конечно, побывал ты во многих местах, но вот Австралия тобой еще не освоена, да и Океания, видимо, тебя не интересует».

Сами понимаете, какое у человека может быть настроение после таких разговоров. Между тем, попади я на Новую Гвинею или, скажем, в королевство Тонго, первооткрывателем меня, естественно, никто называть не стал бы, потому что многие

журналисты посещали эти острова и, конечно, писали обо всем увиденном и услышанном. Нет, они не покупали туристских путевок, не слушали заученных объяснений местных гидов, а бороздили моря и океаны на борту советских научно-исследовательских судов и рыболовецких флотилий. Мой коллега правдист Леонид Почивалов, например, участвовал в работе экспедиции научно-исследовательского судна «Витязь». Но безусловно, еще не обо всех островах рассказано, и каждый год из портов Советского Союза отправляются в далекие рейсы новые экспедиции.

И вот однажды мой друг Андрей Петрович Капица, руководивший в то время Дальневосточным научным центром (ДВНЦ), в разговоре упомянул о планах ученых ДВНЦ организовать экспедицию на атоллы и острова Тихого океана. Я в шутку спросил, не намеревается ли руководство экспедиции взять с собой летописца? Ведь в эпоху великих географических открытий одному из членов экипажа обязательно поручали эти функции, дабы потомки знали о славных деяниях первооткрывателей.

Андрей Петрович воспринял вопрос совершенно серьезно.

— Конечно, — сказал он, — как и в большинстве подобных экспедиций, мы тоже предусматриваем создание информационной группы из двух человек: одного пишущего товарища и одного кинооператора. Две таких единицы включены в проект штатного расписания экспедиции.

Тогда, тоже перейдя на серьезный тон, я предложил свою кандидатуру.

Вы думаете, все складывалось без сучка без задоринки: захотел, сел, поехал?

Во-первых, нужно заручиться согласием руководства газеты на такую длительную поездку. Ведь экспедиция, выйдя из Владивостока, должна вернуться в родную гавань лишь через сто двадцать дней. А кто станет за меня дежурить, кто будет править статьи и отвечать на читательские письма? Естественно, рассчитывать на получение согласия на четырехмесячную командировку не приходилось.

— Если вам, — заявило мне руководство,— так хочется писать об Океании, можете потратить на это отпускное время, что же касается нас, то мы с удовольствием будем публиковать присылаемые информации, если, конечно, их содержание подойдет газете.

Но пока экспедиция, выйдя из Владивостока, доберется до места первой стоянки, пройдет определенное количество суток. Закончив работу в Океании, судно из Южного полушария будет

добираться до Владивостока тоже довольно продолжительное время. Логически рассуждая, можно присоединиться к экспедиции на одной из стоянок, прилетев туда прямо из Москвы, минуя Владивосток. Точно так же следовало поступить после окончания научных работ, вылетев с места последней стоянки судна непосредственно в Москву.

Теоретически все выглядело просто...

Прошел еще один год — 1975-й. Для меня он оказался напряженным, особенно последние его месяцы: командировка от газеты в Анголу. В то время страна отражала иностранную интервенцию, организованную империалистическими силами Запада. Забыта Океания, острова, атоллы и научно-исследовательская экспедиция.

Но вот в начале 1976 года узнаю, что руководство ДВНЦ согласно с моей кандидатурой для участия в экспедиции и в ближайшее время пришлет официальное письмо в редакцию «Правды». Такое же письмо ДВНЦ направляет Центральному телевидению и просит выделить оператора для съемки материала об исследованиях на островах и атоллах Океании. Оператору также предоставят возможность отснять киноматериал для использования по усмотрению Центрального телевидения.

Вот тут я почувствовал, что под идею начинает подводиться реальный фундамент. Вскоре из Владивостока сообщили название судна, готовящегося к рейсу. Имя судна было «Каллисто».

«Витязь» — это понятно. «Дмитрий Менделеев» — тоже. А название «Каллисто» казалось каким-то загадочным и нереальным. Пришлось прибегнуть к помощи справочников, и все сразу же встало на свои места. В энциклопедии говорится, что Каллисто — один из четырех ярких спутников Юпитера, открытых Галилеем в 1610 году при помощи первого телескопа. Название спутник Юпитера получил от имени нимфы Каллисто, превращенной Зевсом в созвездие.

Жизнь в редакции шла своим чередом, но все свободное время уходило у меня на подготовку к экспедиции. В первую очередь требовалось расспросить бывалых путешественников-мореходов и уточнить список вещей, необходимых исследователю малоизученных островов и атоллов.

Мало-помалу все же удалось составить довольно подробный перечень вещей, крайне необходимых для любого человека, намеревающегося участвовать в столь ответственной экспедиции.

Чего только не было в этом списке: костюм аквалангиста и фонарик с батарейками, две пары кедов и темные очки для защиты от лучей тропического солнца, пара листов пенопласта и двадцатиметровый крепкий манильский трос! (Пенопласт должен

придать плавучесть ящику, который обязан плавать в лагуне около места, где член информационной группы станет собирать на грунте самые красивые экземпляры раковин, а тросу отводилась роль якорного каната для этого ящика.)

Цветные и черно-белые фотопленки, блокноты, ручки, карандаши тоже вошли в список, хотя смешно было даже предположить, что журналист может не взять с собой орудия своего труда.

И еще в числе крайне необходимых вещей были значки, открытки — обменный фонд, предназначавшийся для пополнения моей коллекции морских раковин.

В редакционной библиотеке попросил подобрать все книги, где упоминалось о районе Океании. Ведь отправляться в путь следовало, имея хотя бы приблизительное представление о каждом из тысяч островов. К тому же уже наступило лето, а никто все еще не знал точно, каков будет маршрут «Каллисто».

Но вот однажды зазвонил телефон.

— Алло, это редакция? Здравствуйте. Это говорит начальник экспедиции «Каллисто-6» Баденков Юрий Петрович. Я нахожусь в Москве, мне хотелось бы встретиться с вами.

Ю. П. Баденков, кандидат геолого-минералогических наук, вот уже несколько лет работал в Тихоокеанском институте географии Дальневосточного научного центра. Во Владивосток переехал из Москвы, где окончил школу, университет. Сейчас считает себя дальневосточником.

«Каллисто» отправится в путь в сентябре — октябре. Предполагалось, что в рейсе примут участие ученые из Владивостока и несколько московских исследователей. Оказалось, один из москвичей — академик Владимир Евгеньевич Соколов, так же как и я, присоединится к каллистянам лишь в Новой Зеландии. Признаться, это была хорошая новость. Вдвоем всегда легче. Баденков обещал информировать меня из Владивостока о ходе подготовки экспедиции. Таким образом, можно будет точно рассчитать, на какое число брать билет из Москвы до Новой Зеландии, потому что для встречи с «Каллисто», видимо, лучше всего выбрать Окленд — крупнейший порт этой страны, куда «Каллисто» зайдет для пополнения запасов пресной воды, топлива и продовольствия в конце декабря. Конечно, очень обидно лишаться части маршрута, ведь до Окленда планируется заход на Папуа — Новую Гвинею, Соломоновы острова и даже на остров Норфолк, но и остальная часть маршрута не менее интересна. Предстояло побывать на архипелаге Кермадек, островах Фиджи, Тонго, Кука. Одни названия чего стоят! Например, остров Ниуафооу или же атолл Пукапука.

Конечно, скажем, Лазарев, или Беллинсгаузен, или даже капитан Джеймс Кук находились в лучшем по сравнению со мной положении. Они совершали себе кругосветное путешествие, возвращались домой и потом не спеша писали отчеты об открытых островах, атоллах и архипелагах. Например, Иван Александрович Гончаров, завершив путешествие в 1854 году, лишь спустя четыре года опубликовал свои очерки «Фрегат «Паллада». Безусловно, такая оперативность редакцию вряд ли устроит.

Оставалась еще одна нерешенная проблема. Кончался сентябрь, а еще не было известно, кто пойдет в рейс в качестве второго члена информационной группы. Наконец на телевидении решили послать в рейс Виктора Павловича Бабаева.

Очень важно, кто у тебя напарник и товарищ в ответственной командировке.

Не знаю, как я Бабаеву, но он мне приглянулся с первого взгляда. Неторопливый, рассудительный, интересный собеседник, обладающий (что немаловажно) чувством юмора, собственного достоинства и ответственности за порученное дело. Такую я бы дал ему характеристику.

Вы и представить себе не можете, сколько проблем встает перед оператором накануне отъезда в длительную командировку. У кинооператора общий вес багажа достигает иногда килограммов пятисот. Две кинокамеры, яуфы с пленками, бесчисленные объективы, аккумуляторы, освещение!

В первых числах декабря от Баденкова пришла телеграмма с координатами «Каллисто». Экспедиция приближалась к порту Лаэ на Папуа — Новой Гвинее.

Я в свою очередь поддерживал связь с отделом флота Академии наук СССР, куда поступали сведения о всех научно-исследовательских судах, в том числе, конечно, и нашем «Каллисто». Мне сообщали самые последние новости, связанные с рейсом: от властей каких государств получено разрешение на работу экспедиции, когда намечается приход в тот или другой порт. По расчетам выходило, что в первых числах января «Каллисто» обязательно достигнет берегов Новой Зеландии.

И вот 30 декабря в аэропорту Шереметьево объявляют посадку на рейс 583 Москва — Сингапур.

До свидания, Москва, до встречи в конце февраля.

* * *

В Веллингтон должен попасть 1 января. Надеюсь, что на аэродроме будет встречать корреспондент ТАСС в Новой Зеландии Сергей Зимин, с которым два дня назад говорил по телефону. На всякий случай захватил несколько адресов. А в Окленд везу записочку к Даше. Даша — новозеландка, и настоящее ее имя Дафния Болдуин. Дафния — ответственный секретарь оклендского отделения Общества Новая Зеландия — СССР, большой друг нашей страны, всегда охотно помогающая всем советским людям, приезжающим в Окленд. Кто-то из наших как-то назвал ее Дашей. Так и пошло — Даша и Даша.

Вероятно, «Каллисто» несколько дней простоит в Окленде, а в сценарии будущего телевизионного фильма одна часть посвящена этому крупнейшему городу Новой Зеландии. При съемках неоценимую помощь может оказать нам Дафния Болдуин.

Но все это впереди. А сейчас ближайшая остановка — Республика Сингапур. Вынимаю чистый блокнот, аккуратно вывожу на обложке: «№ 1», раскрываю первую страницу и пишу: «31 декабря 1976 года».

31 декабря 1976 года

Стрелки часов переводить не стал. Просто потому что не знал, какое сейчас сингапурское время. По московскому было десять часов утра.

Прежде чем совершить посадку, самолет сделал круг над Сингапуром. Запомнилась холмистая местность, зеленые пятна скверов и небоскребы, подступающие к самой бухте.

На аэродроме жарко и влажно. Бетонные плиты блестели от луж, подернутых маслянистой пленкой. Видимо, совсем недавно прошел дождь.

Разыскав в одном из залов аэропорта табличку с надписью «Куантас» — австралийской компании, которой вручал с этого момента свою судьбу на весь период перелета от Сингапура до Сиднея, попросил стюардессу сохранить багаж до момента посадки на самолет, взял фотоаппарат и вышел из здания аэровокзала.

В моем распоряжении всего лишь три часа. Согласитесь, что даже такое маленькое государство, как Сингапур, за три часа осмотреть невозможно.

Метрах в десяти от аэровокзала стояло штук шесть такси. Худощавый, черноволосый водитель с усиками, резко выделявшимися на бледном лице, вопросительно посмотрел на меня и сказал на ломаном английском языке:

— Вам в какую часть города?

— Все равно, — ответил я.— Мне хочется посмотреть с вашей

помощью самые интересные места Сингапура. Я впервые в этой стране.

— А потом я должен вас привезти сюда на аэродром?

— Конечно.

— Садитесь, пожалуйста. Вы не из Скандинавии, случайно?

— А вы сингапурец? — ответил я вопросом на вопрос.

— Нет, я португалец с Тимора. — Видимо, он почувствовал, что его слова доставили пассажиру большое удовольствие, потому что тут же добавил: — Вы бывали у нас в Португалии?

— Да, в последний раз был в вашей стране в прошлом году и долгое время жил в Аргентине.

Сказав, что мне приходилось жить в Аргентине, против истины не погрешил, так как довелось три года работать в этой стране.

Мой португальский язык с испанским акцентом не вызвал у шофера никаких подозрений, и он даже взялся быть моим гидом совершенно бесплатно, просто из одного удовольствия поговорить с пассажиром на родном языке.

— А сейчас мы с вами сначала поедем в индуистский храм Шри-Марьамана, говорят, ему в этом году исполнилось сто пятьдесят лет. Это, конечно, не такой старый храм, у нас в Португалии, вы знаете, есть значительно более древние, но все же посмотреть стоит. Потом мы поедем на набережную, она очень красивая.

— Скажите, — поинтересовался я, — а можно побывать в музее Раффлза?

— Сегодня он, к сожалению, закрыт. По-моему, сегодня все музеи закрыты, ведь завтра Новый год.

— Разве здесь празднуют не лунный Новый год?

— Нет, и наш европейский Новый год и лунный тоже. Чем больше праздников, тем лучше. Откуда вы знаете о музее Раффлза?

— Просто читал о нем.

— А о Тигр-парке что-нибудь знаете?

— Слышал.

— Давайте поедем в Тигр-парк.

Действительно, о Тигр-парке упоминается в каждой книжке о Сингапуре, в каждом туристическом справочнике. Одни его хвалят, другие ругают. Откровенно говоря, мне он не особенно понравился. Парк ухоженный, аккуратный, но гипсовые фигуры мифических животных, воинов, древних героев выполнены довольно аляповато, и, на мой взгляд, если бы не было этих фигур, парк выглядел бы значительно приятнее.

Проехав по европейской части города, водитель свернул в

китайский район. Лабиринт узких улочек, застроенных по обе стороны двухэтажными в основном зданиями. И нет ни одного, где первый этаж был бы занят под жилье. Всюду магазинчики, магазины, мастерские, лавчонки, словно вывернутые всем своим содержимым наружу, прямо на мостовую. Бакалейные лавки соседствуют с теми, где продают пестрые ткани, рядом портные тут же на улице крутят ножные швейные машинки, около тротуара стоят набитые рисом мешки, ящики с утиными, куриными яйцами, под навесами подвешены на веревочках сухая рыба, колбаса; прохожие переступают через разложенные коробки с бобами, фасолью, горохом.

До отлета самолета оставалось часа два. Пора уже возвращаться в аэропорт.

Сингапур — это тропики, а в тропиках темнеет очень быстро. Прошло каких-нибудь десять — пятнадцать минут, и на небоскребах зажглись неоновые рекламы, в магазинах и лавках зажглись цветные фонарики, народу на улицах значительно прибавилось, как будто все население Сингапура вышло из своих домов, чтобы провести новогоднюю ночь на тротуаре. Водителю пришлось снизить скорость. А тут еще длинный, неуклюжий, неизвестно как попавший в этот китайский район черный лимузин, поворачиваясь, сшиб стоявшие друг на друге у обочины ящики с апельсинами, и владелец фруктов вступил в ожесточенную перепалку с водителем лимузина. Я ничего не мог понять из быстрой речи спорщиков и спросил шофера такси, на каком языке они объясняются. Он засмеялся:

— Сразу на трех: одно слово по-малайски, одно — по-китайски и одно — на пиджи-инглиш. Но ничего, они разберутся.

В аэропорт вернулись за час до отлета самолета.

«Боинг-747» австралийской компании стоял в окружении своих меньших собратьев, возвышаясь над ними, словно мамонт над слонами. Пассажиров было человек триста, и моими соседями оказалась семья итальянцев-эмигрантов из Милана. Глава семьи потом рассказал, что подписал какой-то контракт с австралийской фирмой и вместе с женой и семью ребятишками летит на новое место жительства.

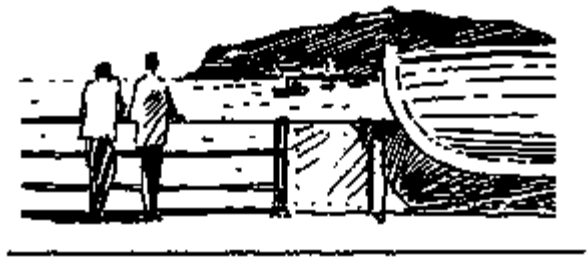
Самолет поднялся в воздух, взяв курс на Сидней. Был вечер 31 декабря. Новый год пришлось встречать в воздухе на высоте десять тысяч метров. В 23 часа 55 минут спросил у стюарда, где мы находимся. «Подлетаем к Арафурскому морю», — вежливо ответил стюард. Признаться, я плохо представлял себе местоположение этого моря, но уточнить постеснялся.

Может быть, читателю интересно, как встречают Новый год над Арафурским морем? В 23 часа 59 минут в салон вошли

стюардессы, неся подносы, уставленные бокалами с сидром. Командир экипажа по радио поздравил всех пассажиров с Новым годом и попросил поднять бокалы. На этом самолетная встреча Нового года завершилась.

Утром, точно по расписанию, самолет совершил посадку в Сиднее. Транзитных пассажиров из здания аэропорта не выпускали, и пришлось томиться несколько часов до объявления посадки на рейс новозеландской авиалинии. Небольшой перелет, и мы приземляемся в аэропорту Веллингтона. Так как именно на новозеландской земле должна произойти первая встреча с «Каллисто», то буду считать, что для меня экспедиция начинается здесь.

ГЛАВА ВТОРАЯ



«Нас 85 миллионов»

1 января

Корреспондент ТАСС по Новой Зеландии Сергей Зимин уже ждал меня в здании аэропорта.

Во время поездок приходилось много встречаться с коллегами, работающими в разных странах мира. И всегда был уверен, что если заранее предупредишь о своем приезде, то помощь и поддержка обеспечены. А это очень важно, особенно если приезжаешь в совершенно незнакомую для тебя страну.

Соблюдены формальности, полицейские и таможенники желают приятного пребывания в Новой Зеландии, мы покидаем аэропорт, и Сережа ведет машину в город. Он спрашивает о моих планах. Право, трудно четко ответить на такой вопрос. Ясно одно: нужно попасть на «Каллисто». Судно должно прийти в Окленд 3-го или 4 января. Видимо, разумнее всего завтра же вылететь из Веллингтона в Окленд и там разыскать нашего представителя Морфлота. А пока прошу Сергея отвезти меня в какую-нибудь недорогую гостиницу, где можно было бы немножко отдохнуть. Как-никак, а в общей сложности перелет занял почти сутки, к тому же сказывается разница во времени. Необходимо адаптироваться.

Зимин предлагает несколько видоизменить программу. Сначала свяжемся по телефону с представителем Морфлота и уже потом решим, как поступать дальше.

Предложение оказалось очень разумным, так как вскоре выяснилось, что никакого представителя Морфлота в Окленде нет, а о продвижении «Каллисто» все досконально известно в

посольстве, куда регулярно поступают радиодепеши с судна. По последним сведениям, оно придет в Окленд 3 января. Таким образом, принимается решение провести оставшиеся два дня в новозеландской столице.

Вероятно, и вам часто приходилось слышать лестные отзывы о новозеландском климате. Дескать, в Новой Зеландии всегда весна и круглый год там цветут деревья. Правда, меня иногда одолевали сомнения. Скажем, если действительно в Новой Зеландии круглый год цветут яблони, то когда же на них вырастают яблоки? И вот сейчас, сидя в машине рядом с Сергеем Зиминым, обратил внимание на его теплый джемпер и тут же почувствовал, что мне почему-то прохладно в легком костюме. Казалось бы, лето в Веллингтоне должно быть в разгаре: как-никак, сейчас январь Южного полушария. Осторожно, чтобы не показать себя полнейшим профаном в вопросах местного климата и рассеянно посмотрев в окошко, так, между прочим, заметил:

— Что-то сегодня необычно холодная для вашей Новой Зеландии погода. Не так ли, Сережа?

Зимин посмотрел на меня с удивлением:

— По-моему, погода хорошая, ветер не такой уж сильный и дождя нет.

— А что, здесь часто бывают дожди и сильные ветры?

— На то и Веллингтон. Сейчас еще ничего, все-таки середина лета, а вообще-то погода здесь, именно в Веллингтоне, отвратительная, и самое неприятное — это ветер. Ребята из группы Гиббона Уэкфилда явно допустили промашку.

С ребятами из группы знакомого Зимину Гиббона Уэкфилда мне никогда не приходилось встречаться, даже не знал, кто они такие, но решил на всякий случай как-то среагировать:

— Да, ребята совершили промашку, но, может быть, не поздно еще ее исправить?

— Что вы — исправить вряд ли сейчас удастся. Раз они основали Веллингтон на этом месте, то теперь можно только предложить перенести столицу куда-нибудь в более уютный уголок.

Оказывается, Гиббон Уэкфилд руководил колонистами, которые в 1839 году высадились с корабля «Тори» на берег пролива Кука и в бухте Порт-Николсон основали в январе следующего года поселение Веллингтон. Спустя тридцать восемь лет Веллингтон стал столицей английской колонии Новая Зеландия.

Но вот отрывок из дневника известного русского мореплавателя Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена (запись от 7 июня 1820 года):

«...В четыре часа утра, когда мы находились в самом выходе из пролива в море, опять задул юго-восточный крепкий противный ветер со снегом, градом и дождем. Мы опять боролись с жестокостью ветра, не допускающего нас столь долгое время выйти из сего дикого и опасного пролива и простирать плавание в благотворные теплые страны.

Крепкий ветер с открытого океана, отражаясь от берегов в устье пролива, стремился с жесточайшею силой; до девяти часов утра мы держались в самой узкости, сделали пять поворотов; волнение развело чрезвычайное. Судя по силе свирепствующей бури, шлюпам надлежало бы остаться без парусов или с оными потерять мачты. Я спустился во внутренность пролива, закрепив марсели, и за мысом Стефенсом под штормовыми такселями привел в бейдевинд. Лейтенант Лазарев сему последовал, но когда спускался, тогда шлюп его, имея великий ход, не слушался руля и шел прямо в берег, доколе не закрепили крюйсель и грот-марсель».

Вот вам и страна, где круглый год — весна.

2 января

Первые дни Нового года в Новой Зеландии — праздничные. Музеи, однако, работали, и не хотелось упускать случая познакомиться поближе со страной, хотя бы с помощью музейных экспонатов, если уж нет возможности совершить путешествие по Новой Зеландии.

Исторический музей Веллингтона находился совсем рядом с мотелем, а неподалеку виднелось оригинальное здание Карильон-мемориала в память о новозеландцах, павших в двух мировых войнах. В музее было немноголюдно, если быть точным, то в первые полчаса я был единственным посетителем.

В нескольких залах размещена экспозиция животного мира страны. Меня буквально ошеломил вид чучела гигантского страуса. В Африке приходилось видеть страусов, но они по сравнению с новозеландскими показались бы цыплятами: тут посредине зала стояла исполинского роста, не меньше трех метров, птица. В сторонке лежало яйцо, может быть, муляж яйца, хотя надпись на табличке гласила, что это настоящее яйцо птицы моа, так назывался этот страус. На всякий случай переписал в блокнот все данные об этой моа. Таких птиц насчитывалось более двадцати видов. Этот экземпляр — «динорнис гигантус». Моа очень быстро бегают и обладают незаурядной силой, причем дерутся ногами. Моа — вегетарианцы, но не брезгуют рыбными блюдами, а также едят раков и моллюсков. Живут по берегам рек

и озер, иногда забредают в леса.

Я уже представил себе, как стану рассказывать, вернувшись в Москву, об одной из своих встреч с моа на берегу Новозеландского озера, но тут обратил внимание на приписку мелким шрифтом. Оказывается, последнего моа уничтожили на Северном острове за два с половиной столетия до моего приезда в Веллингтон. На Южном, правда, немного позже. Таким образом, встреча с моа состоялась только в зале этого музея.

Большой раздел посвящен коренным жителям страны — маори. Здесь можно познакомиться и с первобытным искусством этого народа, жилищами маори, домом собраний, где проводились религиозные церемонии, оружием, предметами быта. Все это давало довольно полное представление о коренных новозеландцах. Вот только о том, как пришельцы из Англии уничтожали коренное население, в экспозиции музея ничего не говорилось. Трагедия маори — трагедия большого народа с древней культурой, обычаями, традициями. Рассказ об истории маори не входит в мою задачу, и излагать содержание многочисленных трудов наших и зарубежных историков не имеет смысла. Но уходил я из музея со сложным чувством. Осмотр оставил горький осадок. Конечно, в отличие, скажем, от австралийцев, новозеландцы сейчас стараются «сохранить лицо» и загладить преступления, совершенные их предками по отношению к местным жителям. На бумаге маори даже пользуются теми же правами, что и белое население страны. Но из песни слова не выкинешь, и никакими памятниками и монументами, музеями и экспозициями не стереть рубцов, оставшихся от ран, нанесенных целому народу.

3 января

Вчера в посольство пришла телеграмма с «Каллисто». Судно войдет в порт Окленд 3 января. Все складывается очень удачно. Уже сегодня вольюсь в коллектив каллистян.

...Сережа Зимин подвез меня до аэродрома, и в иллюминатор я видел, как он стоял у выхода на летное поле.

Вот так прилетаешь, улетаешь, знакомишься с новыми, хорошими, симпатичными людьми... Не успел познакомиться — и приходится прощаться. С большинством из новых знакомых вряд ли когда-либо встречусь вновь, и от этого немножко грустно при расставании.

Самолет взлетел, приближалась встреча с Оклендом. Веллингтон казался уже чем-то далеким, хотя с момента, когда мы оторвались от дорожки аэропорта новозеландской столицы,

прошло всего несколько минут.

Перед отлетом в Окленд, зная о своих ограниченных финансовых возможностях, поинтересовался у Сергея Зимина, во сколько долларов обойдется поездка на такси из аэропорта до морского порта, если даже учесть такую ситуацию, что мне попадется водитель, готовый поживиться за счет неопытности впервые прибывшего в Окленд иностранца. Сергей подумал и сказал: «От тринадцати до пятнадцати долларов». Пятнадцать так пятнадцать.

И вот мы приземляемся на оклендском аэродроме, я беру ручную кладь, бодро выхожу из здания аэропорта на площадь, сажусь в такси и вежливо прошу отвезти меня в порт.

Водитель отчего-то несколько странно поглядел на меня, почему-то переспросил, действительно ли мне нужно в порт, включил счетчик, и мы поехали. Мягко урчал мотор, и мимо проносились аккуратные, ухоженные поля, на них гуляли ухоженные овцы, и вскоре с правой стороны, вдали стали видны городские постройки. По моим данным, в этой части Новой Зеландии должен был находиться всего лишь один город — Окленд. Но водитель почему-то вдруг свернул с шоссе на боковую дорогу, и я сразу же разгадал его желание: видимо, здесь тоже бытовала таксистская поговорка: «На автомобиле 50 километров — не крюк». В подобных ситуациях мысль работает четко. Я протянул руку и деликатно тронул водителя за плечо:

— Вот что, друг, мне нужно в порт Окленда. Если же вы собираетесь вести меня туда через Веллингтон, то я как пассажир от такого путешествия категорически отказываюсь.

Не могу сказать, достаточно ли четко по-английски была выражена эта мысль, но, видимо, водитель почувствовал недовольство клиента. Остановив машину у обочины, он заглушил мотор, и мы приступили к выяснению отношений.

— Там находится Окленд, — произнес я, показав рукой направо, где минуту назад еще виднелись силуэты городских зданий.

— Да, там Окленд, — подтвердил водитель.

— Вход в порт находится рядом с центром города. Не так ли? — задал я провокационный вопрос.

— О нет, — энергично запротестовал шофер. — Порт находится вон там. — И он показал в противоположную сторону.

— Но мое научно-исследовательское судно стоит в порту, в ста метрах от центра города, — возразил я.

— Значит, это не военное судно?

— Конечно, это самое что ни на есть мирное судно, — чуть возбужденно ответил я и тут же понял свою ошибку.

Я просил доставить меня в «нэви-порт», и шофер вез пассажира в «нэви-порт», а нужно было сказать «комэршиал порт», потому что «нэви-порт» означает «военный порт», а танкеры, сухогрузы, туристские лайнеры и прочие суда, включая научно-исследовательские, приходят в «комэршиал порт».

На экзамене по английскому языку за такую ошибку мне поставили бы двойку, а здесь приходилось расплачиваться звонкой монетой. Но я еще легко отделался: представляете, что было бы, если бы шофер вдруг привез советского журналиста на территорию новозеландской военно-морской базы, где его вряд ли приняли бы с распростертыми объятиями.

Водитель повернул машину и, весело посвистывая, покатил в Окленд. Мелькали столбы электропередач, еще быстрее мелькали цифры на счетчике, и, когда мы остановились у массивной ограды, опоясавшей территорию порта, таксометр щелкнул последний раз, дав знать, что содержимое кошелька пассажира должно уменьшиться на 35 долларов. Вот во что обходится пренебрежение к тонкостям английской лексики.

Сторож у проходной показал, как пройти к причалу, куда пришвартовалось судно, и через несколько минут я уже поднимался по трапу на борт «Каллисто», становящегося с этого момента моим домом на ближайшие два месяца.

На верхней ступеньке трапа нового члена экспедиции встречал представитель экипажа «Каллисто». По красной повязке на рукаве можно было догадаться, что это должностное лицо, наделенное особыми полномочиями. Выглядел он, как и полагается лицам с особыми полномочиями, солидно. Шорты с безукоризненной стрелкой, тщательно отутюженная рубашка с короткими рукавами, белые гольфы и ослепительно блестевшие ботинки подчеркивали значимость занимаемого им поста. Первый встреченный мной каллистянин обладал к тому же довольно солидной фигурой, на круглом лице выделялись пышные усы, концы которых опускались вниз, придавая ему сходство с Бальзаком.

— Баранов, — скромно представился он, вопросительно посмотрев на меня.

— Игнатьев, — так же скромно отрекомендовался я и пожал протянутую руку.

На этом диалог был прерван появившимся Баденковым, который тут же пригласил посмотреть отведенную для корреспондента «Правды» каюту номер 5. На дверях висела табличка: «Старший электрик».

— Мы решили поместить вас, — пояснил Юрий Петрович, — в этой каюте старшего электрика Виктора Прондяева. Его —

верхняя койка, ваша — нижняя. Пожалуйста, располагайтесь. А потом пойдем ужинать.

Когда вошел владелец каюты, то показалось, что каюта съежилась. Настолько он был крупного телосложения и обладал к тому же солидным басом. Виктор оказался человеком очень в общежитии приятным, с врожденным чувством такта. Конечно, кому хочется пускать к себе жильца и превращать свою отдельную квартиру в общежитие, но Виктор принял постояльца очень радушно.

— Вот это, — объяснял он, — ваш шкаф для одежды. Эта половина стола — тоже ваша, здесь можно разместить ваши вещи, а если есть что-либо из съестного, то положите в холодильник. Одним словом, чувствуйте себя как дома.

После ужина Баденков предложил совершить небольшую экскурсию по «Каллисто». Длина судна 80 метров, ширина — 16, осадка — 6 метров. У «Каллисто» три палубы и трюмы. На верхней палубе расположены штурманская рубка, радиорубка, капитанская каюта и каюты начальника экспедиции, старпома, первого помощника, второго штурмана, начальника рации и ученого секретаря экспедиции и переводчицы Ольги Гусаковой.

— Остальные, — пояснил Баденков, — шестьдесят с лишним человек разместились в каютах второй и третьей палубы. Там еще теснее, чем у вас с Прондяевым.

— А товарищ Баранов, который встретил меня у трапа, он какой штурман — второй или третий?

— Женя Баранов матрос палубной команды. Толковый человек, — ответил Баденков. — А сейчас, — произнес он, — я расскажу вам о нашем судне...

Юрий Петрович, видимо, решил сообщить мне все технические сведения о «Каллисто», но он не подозревал, что я, готовясь к экспедиции, откопал интересный материал и знал о судне больше, чем он предполагал. Чтобы показать свою компетентность, я предложил Баденкову пройти в лабораторию, а затем осмотреть аквариум и кинозал.

Начальник экспедиции как-то странно посмотрел на меня, но, будучи человеком воспитанным, промолчал и пошел в носовую часть судна. По дороге зашли в помещение столовой.

— Осмотрите наш кинозал, — сказал Юрий Петрович, показав на столы, где были поставлены большие миски с ароматным борщом.

— Но, простите, это же столовая?

— Конечно, столовая, но после ужина здесь показывают фильмы.

— А кинозал?

— Специального кинозала, конечно, на «Каллисто» нет. А сейчас пойдем в лабораторию.

Мы спустились еще на двенадцать ступенек и вошли в большое помещение, похожее на склад, с той, правда, разницей, что к правому и левому борту были прикреплены длинные столы, заставленные какими-то колбами, ретортами, микроскопами, сосудами под марлей, а посредине размещались закрытые шкафы.

— Это и есть наша лаборатория. Раньше здесь был рыбный цех, но рыбу на «Каллисто» ловят удочками, а помещение передано в распоряжение ученых.

В «научном рыбцехе» духота стояла неимоверная, и маленькие вентиляторы, прикрепленные к столам почти у каждого рабочего места, перегоняя жаркий воздух, не приносили никакого облегчения.

— А где же у вас в лаборатории кондиционеры?

— Кондиционер — роскошь, нам пока недоступная. Правда, в каютах они установлены, и, когда выйдем из Окленда и станем приближаться к тропическим районам, их, вероятно, включат.

— Так, — произнес я, — а теперь покажите мне, пожалуйста, аквариум, а потом хотелось бы посмотреть на глубоководный аппарат «Тинро-2».

— Прошу прощения, Олег Константинович, но никакого аквариума и «Тинро-2» у нас нет. Я догадываюсь, что вы черпали сведения о «Каллисто» из источника, знакомого мне. Видимо, вы читали журнал «Техника — молодежи» и видели схематический рисунок нашего судна. На рисунке есть и аквариум, и кинозал, и «Тинро-2». Все очень красиво расписано, но автор приукрасил действительность. Художник нарисовал на корме «Тинро-2», а там у нас из досок сколочен бассейн, мы зовем его «лягушатник». И еще на палубе стоит стол для пинг-понга, и можно повесить волейбольную сетку. Так что между «Каллисто» — рыболовецким судном и «Каллисто» — научно-исследовательским судном разница минимальная, и, по сути дела, в полном смысле научно-исследовательским судном «Каллисто» можно назвать лишь с большой натяжкой. Условия для работы здесь тяжелые. Это понимаем и мы, и иностранные ученые, которые были в предыдущих походах и участвуют в этой экспедиции. Я прошу обязательно писать о «Каллисто» без всяких прикрас и сглаживаний острых углов, а то вдруг какому-нибудь читателю попадется картинка, нарисованная художником в журнале, и он может подумать, что у нас не «Каллисто», а кусочек рая, плывущего по бирюзовым волнам Тихого океана от атолла к атоллу.

Конечно, я тут же постарался заверить Баденкова, что уж из-

под моего пера не выйдет ни одной строки, не отражающей Истины. «Правда, и только правда!» — таков девиз нашей информационной группы.

Я уже собирался подняться на палубу, когда по трапу быстро спустился высокий, черноволосый, с аккуратной бородкой, стройный моряк.

— Познакомьтесь, Олег Константинович, это Арзамасцев — один из двух наших знаменитых водолазов.

— Иван, — протянул руку водолаз, — Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, — искренне произнес я, — потому что мы вроде коллеги. Тоже когда-то во время войны был водолазом и в этой экспедиции надеюсь тряхнуть стариной. Даже костюм с собой прихватил. Правда, не водолазный, а аквалангиста.

— Я с удовольствием посмотрел бы на ваш костюм, а то экипировка у нас, признаться, не высшего класса.

— Нет, — возразил я, — куда мне тягаться с вами, у вас же и беспроволочный телефон вмонтирован в маску, и даже пользуетесь под водой кассетными магнитофонами.

По реакции Арзамасцева понял, что, кажется, опять дал маху. Баденков поспешил на выручку.

— Видишь ли, Иван, Олег Константинович почерпнул сведения о снаряжении аквалангиста из известной всем нам статьи журнала. Помнишь, там есть рисунок, где аквалангист «Каллисто» облачен в костюм посложнее, чем у инопланетянина. Там даже нарисована дубинка для отпугивания акул и еще черт знает что. Вот, — повернулся Юрий Петрович ко мне, — ни кассетного магнитофона, ни двустороннего беспроволочного телефона подводного действия — ничего этого у Ивана Арзамасцева и Саши Нечипоренко, наших аквалангистов-водолазов, нет. То есть пока нет. Может быть, в будущем удастся достать нечто подобное для других экспедиций, а сейчас, несмотря на все наши усилия, приходится довольствоваться малым.

На сей раз я не стал давать еще одну клятву Баденкову, но сам твердо решил ни на йоту не отступать от истины.

Может быть, сейчас кто-нибудь из каллистян читает эту книгу и сообщит, сдержал я слово или нет. Со стороны всегда виднее.

Виктора Бабаева я нашел в каюте третьей палубы, сплошь заставленной чемоданами с аппаратурой, железными коробками с пленкой, аккумуляторами, другими необходимыми вещами, которые обязательно должны быть у него под рукой.

Дойдя до каюты Бабаева, Баденков со вздохом облегчения

произнес:

— С этого момента пусть Виктор Павлович переходит в ваше полное распоряжение, и я возлагаю на вас всю ответственность за его творческую деятельность.

Мне не совсем был ясен смысл этой фразы, но, не желая вдаваться в подробности, решил промолчать, а выяснить потом у Виктора.

Оказалось, что Баденков, имея довольно смутное представление о работе кинооператора и о том, как делается кино, но, считая своим служебным долгом давать какие-то указания и директивы Бабаеву, сам того не подозревая, узурпировал функции режиссера.

— Вы знаете, Олег Константинович, — пожаловался Бабаев, — каждый раз, когда мы сходили на берег, Баденков требовал запечатлеть на пленку деятельность группы Таргульяна, а профессор Таргульян все время копал ямы. И на острове Био копал ямы, и на Соломоновых островах, и на Папуа — Новой Гвинее. Одни ямы и ямы. Сюжета нет, интриги нет. Скажем, если бы кто свалился в выкопанную яму или наткнулся бы на какие-то там черепки, древние осколки, кости мамонта, если бы мамонты водились в этих краях, то это еще куда ни шло. Но ничего такого не происходило, и одна яма была похожа на другую, только глубина разная. Если дать профессору Таргульяну волю, то он все острова Океании перекопал бы.

— Но, — осторожно пытался возразить я, стараясь не подорвать авторитет начальника экспедиции, — может быть, в этом копании ям заключен глубокий внутренний смысл и вам просто не удалось раскрыть психологический образ копающего ямы профессора?

— Почему же не удалось, все зрители увидят, сколько кубометров земли вынуто за столь короткий срок одним человеком. В жизни не видел подобного энергичного профессора, хотя, по правде сказать, они почти все в экспедиции такие неуемные. Если бы в Океании существовали белые ночи, то, дай им волю, и ночью собирали бы свои гербарии и копали ямы. Но, поверьте мне, кино из этого не получится. Однажды на Норфолке меня загнали в самую чащу «снимать науку». А что может получиться на пленке, если снимать пришлось почти в полной темноте?

Пришлось успокаивать Бабаева, обещая неограниченный простор для творчества во время предстоящих стоянок, заодно я пытался убедить, что отснятый материал, где запечатлена выемка грунта, окажется необычайно ценным.

4 января

В кают-компании на маленьком столике — телефон. Связь с внешним миром. Правда, в Москву позвонить нельзя, а соединиться с любым из абонентов оклендской телефонной сети — пожалуйста. Это как нельзя кстати. Сейчас главное для нас с Виктором связаться с Дафнией Болдуин — ответственным секретарем оклендского отделения Общества Новая Зеландия — СССР. Конечно, можно было бы попробовать самим отснять достопримечательности города и его окрестностей, но все же целесообразнее сделать это с помощью Дафнии Болдуин. Во-первых, она покажет нам самые интересные места, во-вторых, у Дафнии есть машина и она сама ее водит.

Несколько раз пытался связаться с Дафнией по телефону, но безуспешно.

Время таяло. Бабаев нервничал, а у нас еще не было отснято ни одного метра пленки об Окленде.

После обеда по селектору объявили: «Желающие могут поехать на экскурсию в местный научно-исследовательский институт». Отказываться неразумно, может, удастся собрать любопытный материал. К тому же, вероятно, завтра ученые института придут на «Каллисто», им покажут судно, лабораторию. Один из сотрудников института — доктор Ватт — пойдет с нами в рейс. К нам присоединится еще один новозеландский ученый — доктор Скоффилд.

Бабаев отправился в город на «свободную охоту». Просто побродить с кинокамерой, авось удастся снять небольшой репортаж на улицах Окленда. А я присоединился к группе ученых, направляющихся в институт.

Расположен он на оклендской окраине, впрочем, может, и не на окраине, так как, кроме центра города, большинство улиц застроено небольшими коттеджами, невысокими, утопающими в зелени зданиями. Город не город, пригород не пригород, так, дачный район.

Принимал нас доктор Хой, директор отдела. Институт принадлежит Департаменту научных и промышленных исследований. На первый взгляд может вызвать недоумение: при чем здесь промышленность? Ведь институт с ярко выраженным естественным уклоном, и два его самых больших отдела занимаются один болезнями растений, а второй — энтомологией. Кроме того, здесь есть почвенное бюро, отдел прикладной математики, отдел диагностики. Но не нужно забывать специфику Новой Зеландии. Недаром жители этой страны не устают повторять, что в Новой Зеландии население — 85

миллионов. И добавляют: «Из них 3 миллиона людей и 82 миллиона овец». Все здесь крутится и вертится вокруг шерсти, мяса, пастбищ и т. п.

Сейчас основные темы, разрабатываемые учеными института, связаны с рекомендациями по борьбе с болезнями трав и по сохранению пастбищ. Институт выращивает новые сорта растений, изучает сопротивляемость трав действию химических препаратов, разрабатывает методы борьбы с засолением почвы. Филиалы института разбросаны по всей стране.

Доктор Хой показал нам замечательную коллекцию насекомых. В ней восемьсот тысяч экземпляров. Я с особым интересом рассматривал раздел, посвященный бабочкам. Меня поразило в новозеландской коллекции обилие тропических бабочек. Но доктор Хой заметил, что институт работает не только в Новой Зеландии, но и в тропиках, на островах Океании.

Руководство института заключает договоры на разработку тем с министерством сельского хозяйства Новой Зеландии и даже с различными фермерскими объединениями. За представленные институтом рекомендации выплачиваются определенные договорами суммы.

Может быть, с одной стороны, это и хорошо, но новозеландские ученые, вздохнув, признались, что завидуют своим советским коллегам, которые могут разрабатывать теоретические темы. «Нам, — говорили они, — довольно сложно заниматься чистой теорией, так как от нас ждут, и как можно быстрее, конкретных результатов. Безусловно, и министерство, и фермеры понимают важность теоретических разработок, но желают, чтобы вложенные ими деньги тут же приносили прибыль от наших разработок и рекомендаций».

Новозеландские ученые пригласили советских коллег совершить небольшую экскурсию и осмотреть ряд живописных уголков недалеко от Окленда. Так сказать, немножко развлечься и отдохнуть.

У наших ученых довольно своеобразное представление об отдыхе. Они не взяли с собой ни волейбольного мяча, ни гитары, ни даже ракеток для бадминтона, а быстренько погрузили в багажники автомашин рюкзаки с полиэтиленовыми пакетами, лопаты, какие-то кирки, рулетки, пустые банки и склянки.

Прибыв на место, они не обратили ни малейшего внимания на пепельного цвета волны, бесшумно катившиеся одна за другой, на песчаный берег пляжа; их почему-то не заинтересовали шустрые, лохматые собаки, деловито командовавшие отарами овец, гулявших на ярко-зеленых пастбищах.

Вместо того чтобы любоваться природой и дышать свежим

воздухом, одна группа ученых тут же рьяно бросилась копать ямы, другие сосредоточенно бродили по песчаной косе, собирая невзрачных моллюсков и любовно заворачивая в полиэтилен мокрые косматые водоросли, валявшиеся у кромки воды. Здесь я еще раз убедился, сколь скудны мои познания в области почвоведения, биологии моря, строения земли и еще многих и многих наук, и с грустью подумал о тех трудностях, которые придется преодолевать во время написания корреспонденций для родной газеты.

5 января

Очень удачный день для нас с Бабаевым. Переводчица экспедиции Ольга Григорьевна Гусакова наконец-то дозвонилась до Дафнии Болдуин, и сегодня мы все съемочное время провели в ее обществе.

Впервые увидал Бабаева в действии. Он жаден до работы. Снимает с удовольствием. Мои функции свелись к одной: смотреть, чтобы он в один присест не израсходовал всю пленку. На Окленд мы могли потратить не больше пятисот метров. Чтобы вы могли отчетливо представить себе, чему они равны, поясню, что пятьсот метров пленки проходят на экране за 16 минут 20 секунд. Конечно, Виктору хотелось отснять все — и старичков-пенсионеров, отдыхающих в жаркий январский день у голубого бассейна, и покрытые шапками красных цветов «рождественские» деревья. А разве мог он оставить за кадром один из самых длинных в мире мостов? Или же несколько необычные правила перехода улиц пешеходами?

Таких правил я не встречал нигде. Представьте себе уличный перекресток. Идет поток машин слева направо и справа налево, из боковой улицы протискивается на главную магистраль, а с главной магистрали вырывается на боковые улочки. А пешеходы скапливаются на всех четырех углах перекрестка и терпеливо ждут. Но вот зажигается красный свет. Машины все разом останавливаются, а люди пересекают перекресток в разных направлениях и идут кому куда вздумается. Через минуту зажигается зеленый свет: «стоп!» для пешеходов, сигнал для начала движения автомашин.

Недалеко от центра, на одной из оживленных магистралей Дафния вышла из машины и показала на два окна пятого этажа дома на противоположной стороне улицы. Там виднелась вывеска: «Общество Новая Зеландия — СССР». Естественно, мы тут же попросили у нашей хозяйки разрешения организовать съемки в помещении Общества.

Представьте себе две небольших комнатки, одна из которых — библиотека, она же читальный зал и приемная. Все стены заняты стеллажами с книгами о Советском Союзе, о нашем народе, нашей жизни. На столике — подшивки советских газет, журналов. Дафния подарила нам по экземпляру книги, написанной новозеландцем Мервином Кулом, где рассказывалось о посещении автором нашей страны.

6 января

Отход назначен на 18 часов. Сегодня мы прощаемся с Новой Зеландией. Вчера вечером из Москвы прилетел последний участник экспедиции академик Владимир Евгеньевич Соколов. Наконец-то все в сборе. В полдень на «Каллисто» в гости к нашим ученым пришли новозеландские коллеги, и Баденков показывал им свое хозяйство.

Доктор Хой дал московскому телевидению исчерпывающее интервью, состоявшее из одной фразы: «О, я очень доволен развивающимся контактом между учеными моей страны и Советского Союза».

К двум часам дня присутствующие уничтожили весь запас приготовленных бутербродов. Новозеландцы пожелали нам счастливого пути и сошли по трапу на свою новозеландскую землю. Как принято говорить, прием прошел в теплой, дружественной обстановке.

До отхода оставалось часа четыре, а к «Каллисто» еще то и дело подъезжали грузовики с какими-то ящиками, картонными коробками, полиэтиленовыми мешками, набитыми картошкой, капустой и морковкой. Хозяйственник Анатолий Таторин вместе с коком Николаем Бендясовым пересчитывали грузы, командовали, в какой трюм что загрузить. Третий штурман Валерий Петров принимал у членов экспедиции остатки неизрасходованной новозеландской валюты. Боцман Юрий Педьков хлопотал возле баковых лебедок. Словом, все были заняты подготовкой к отплытию. Но так как парадный трап еще не убрали, то паломничество местных жителей на «Каллисто» продолжалось. Одним хотелось посмотреть, что это за советское научно-исследовательское судно, о котором писали местные газеты. Другие просто пришли взглянуть на советских людей, пожелать им доброго пути.

Мне запомнился старик, отрекомендовавшийся старым коммунистом. Он сказал, что давно, еще до второй мировой войны, был в Советском Союзе, работал несколько месяцев в Магнитогорске, потом вернулся в Новую Зеландию и в 1941 году

вступил в Общество Новая Зеландия — СССР. Он даже немножко говорил по-русски. Хотя с тех далеких времен прошло уже сорок лет, он хорошо помнил своих советских друзей и все допытывался, нет ли в составе нашей экспедиции магнитогорцев. Магнитогорцев на «Каллисто», к сожалению, не оказалось. Когда же Баденков подарил ему на память значок Дальневосточного пароходства, то наш гость растрогался до слез.

В 17 часов 50 минут по селектору раздался голос Владимира Яковлевича Осинного: «Команде готовиться к отшвартовке, у кого в каютах имеются посторонние лица, просьба проводить их на причал».

Конечно, старпом знал, что никаких посторонних лиц в каютах нет, но порядок есть порядок. Матрос, моторист Володя Демченко, закрепил стропы, и трап подняли лебедкой. В капитанской рубке уже находился лоцман. Свистя, выпуская клубы черного дыма, подошел ярко-красный буксир, носивший странное имя «Один». Прозвучала новая команда: «На корме, отдайте продольный шпринг!» Но почему-то шпринг мы не отдали, а, наоборот, два новозеландца сбросили канат с чугунной тумбы на причале, и если это и был шпринг, то мы взяли шпринг к себе на борт. Последняя, так сказать, ниточка, связывавшая нас с новозеландской землей, оборвана.

Медленно отойдя от причала, «Каллисто» выходит в открытый океан, и, как положено, командование принял на себя капитан Евгений Карпович Микульчик. А все свободные от вахты вышли на верхнюю палубу, прощаясь с Новой Зеландией, с ее тремя миллионами жителей, с доктором Хоем, с учеными из института, с Дафнией Болдуин, откликавшейся на русское имя Даша, и многими другими славными людьми, с которыми довелось познакомиться и подружиться за так быстро пролетевшие четыре дня пребывания на новозеландской земле.

Виктор Бабаев, как всегда не расставававшийся с кинокамерой, еще пытался отснять совершенно уникальные, неповторимые, как ему казалось, кадры оклендского моста, одного из самых длинных мостов в мире, поймать в объектив чаек, паривших над кормой. Одним словом, как-то продлить момент прощания с Новой Зеландией.

Рейс продолжался.

А для меня он начался.

Начиная с этой страницы, в конце каждой главы я стану предоставлять слово для краткого научного комментария профессору Павлу Алексеевичу Каплину.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

Экспедиция на судне «Каллисто», о которой рассказывается в этой книге, не была похожа на обычные океанологические экспедиции. В ее составе были географы, почвоведы, ботаники, зоологи — люди сухопутных профессий. Экспедиция изучала не сам океан, а острова в океане, экологические условия формирования фауны и флоры.

Проблема изучения природы океанических островов настолько важна, что Международная организация по науке и культуре — ЮНЕСКО — включила ее в важнейшую программу международного сотрудничества ученых разных стран «Человек и Биосфера» (МАБ). В этой программе под № 7 значится проект международного сотрудничества «Экология и рациональное использование островных экосистем».

Почему мы выбрали для изучения острова тропической зоны океана? Ведь есть острова, лежащие у берегов нашей страны, для исследования которых нет необходимости организовывать четырехмесячную экспедицию в дальние страны. Во-первых, конечно, острова нетропической зоны, расположенные в Японском, Охотском, Карском и других наших морях, изучаются нашими учеными давно и всесторонне. Во-вторых, к сожалению, все острова, лежащие у берегов нашей страны, строго говоря, не являются настоящими островами. Это — частицы континентов, отделенные от суши, как правило, неширокими проливами. Их геологические структуры не изолированы от континентальных. Значит, для того чтобы изучить проблему всесторонне, в глобальном масштабе, необходимо исследовать природу типичных океанических островов, большинство из которых расположены в тропическом пространстве Тихого океана. В 1971 году впервые было организовано на судне Академии наук СССР «Дмитрий Менделеев» географическое изучение островов тропико-экваториального пространства Тихого океана.

Хотя «Каллисто» гораздо меньше, чем «Дмитрий Менделеев», но в экспедиции на «Каллисто» приняло участие гораздо больше «сухопутных» ученых-естественников. Во время рейса «Дмитрия Менделеева» профессору А. Г. Воронову, например, приходилось совмещать профессии ботаника и зоолога. На «Каллисто» же изучением растительности занималось четыре человека, зоологов было пять человек, среди которых был специалист по птицам, специалист по животным, населяющим почвенный покров, и т. д. Во время рейса «Каллисто» исследования каждого отдельного острова и по длительности были более продолжительны, чем в

период плавания 1971 года.

Очевидно, для того, чтобы был более ясен характер нашей работы, для того, чтобы у читателя не возникали вопросы, зачем профессор везде копает глубокие ямы, я буду в последующих главах рассказывать о том, что конкретно делали наши ученые во время высадок на острова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Точка на карте планеты

7 января

«Судовое время семь часов. Сегодня седьмое января, пятница. Ветер норд-вест, семь баллов. Температура воздуха двадцать три градуса», — слышится по селектору голос старпома Владимира Яковлевича Осинного.

Начался очередной трудовой день. Первый для меня на борту «Каллисто» в открытом океане.

Виктор Прондяев не прочь оттянуть неприятный момент расставания с подушкой и поспать лишнюю минуту. Мы договорились, что первым буду вставать я. Так разумнее — умывальник-то один, а завтрак начинается в восемь утра. К тому же кают-компания — напротив каюты. Перешагнул через коридор — и садись за столик, где уже Наташа Мадзибура успела разложить тарелки с хлебом, маслом, поставить два чайника — с молоком и горячей водой и еще что-нибудь вкусное. Мои соседи по столу — Юрий Петрович Баденков, академик Соколов и профессор Воронов. Начальник экспедиции посадил меня в столь почтенную компанию, видимо, из уважения к возрасту корреспондента. Как-никак, а, к сожалению, лишь один член экипажа — профессор Воронов — старше меня.

Еще в Москве раздобыл листок-памятку: «Табличка пути и времени заходов в порты для работы на островах научно-исследовательского судна «Каллисто». Там сказано: «От порта Окленд до следующей стоянки 505 миль, ходовое время 50 часов», то есть наша скорость — десять миль в час. Если же перевести на сухопутные меры, получится восемнадцать

километров в час, а если пользоваться чисто морскими терминами, то мы можем идти со скоростью десять узлов. Правда, десять узлов — крейсерская скорость, а с учетом встречного ветра, или если океан начнет волноваться сверх меры, то до стоянки идти придется дольше.

Следующая остановка — острова Кермадек. Итак, в лучшем случае мы придем на Кермадек завтра в 20 часов. Времени вполне достаточно, чтобы перечитать всю имеющуюся на «Каллисто» литературу об островах Кермадек (шесть строчек в справочнике «Океания», два абзаца в лоции и английская брошюрка из сорока двух страниц) и, главное, подготовить и отправить в Москву первую корреспонденцию. Написать ее не сложно, а вот как передать? Вы можете сказать — нет ничего проще: отпечатать на машинке текст и вручить радисту. Так-то оно так, но еще во время стоянки в Окленд начальник рации Павел Иванович Чистов, человек на первый взгляд суровый и непреклонный, спокойно сообщил мне, что любая информация, передаваемая с «Каллисто», не должна превышать пятидесяти слов, каждое из которых может состоять не более чем из восьми букв.

Подсчитать легко: 8Х50 = 400. Всего-навсего 400 букв. Попробуйте рассказать об интересном путешествии в корреспонденции из 400 букв. Я сначала попытался было Сослаться на распоряжение председателя «Морсвязьспутника», но Павел Иванович попросил меня пройти в радиорубку, где стояли приемники, передатчики и еще какие-то замысловатые аппараты.

— Вот, посмотрите, товарищ корреспондент, — вздохнул Павел Иванович, — на какой технике приходится работать. Мощность рации 250 ватт. Котлеты на ней поджаривать, а не с Владивостоком связываться. Говоришь, говоришь начальству, как можно с такой рацией отправлять судно в столь дальнее плавание, еще вдали от хоженых дорог! И скоростного передатчика у нас нет, пока достучишься ключом до Владивостока, семь потов сойдет, помимо тех, которым положено сходить в тропиках. Владивосток слышишь прекрасно, а они тебя — нет. Уж не обессудьте, это не моя прихоть или мое нежелание помочь вам.

Узнав о нашем разговоре, капитан Евгений Карпович Микульчик хотел было вызвать к себе Павла Ивановича, видимо намереваясь дать ему самое строгое указание принимать от корреспондента любые, даже самые многословные, радиограммы. Но я почему-то был убежден, что с начальником рации можно найти общий язык. Видимо, потому, что, несмотря на кажущуюся неприступность Чистова, почувствовал в нем добрую душу. Получится или нет — посмотрим. Загадывать вперед не стану, а

напишу небольшой материал, может быть, и удастся переправить его в Москву.

В лаборатории полным ходом идет обработка материалов, собранных научными группами во время стоянок на Папуа — Новой Гвинее, на острове Багоман, что входит в архипелаг Луизиада, на острове Гуадалканал из группы Соломоновых островов и острове Био того же архипелага. А также материалов, добытых на острове Норфолк и в окрестностях Окленда.

Ученые придерживаются четкого плана, выработанного на весь период экспедиции, после стоянки используют время перехода для написания отчета о том, что сделано каждой из научных групп. Групп, считая нашу информационную, всего десять. Постепенно я постараюсь познакомить вас с каждой из них.

8 января

Приходится делать поправку в расписании из-за непредвиденных обстоятельств: мы не прошли и половины пути до Кермадека. Машины работают на полную мощность, но «Каллисто» продвигается вперед чрезвычайно медленно. Виной этому — поведение Тихого океана. С каждым часом он расходится все больше и больше.

На нашей палубе, ближе к корме, поставлена скамеечка. И очень приятно, особенно вечером, усесться там и наблюдать за буревестниками, которые после нашего выхода из Окленда до сих пор летят за кормой судна. Впрочем, они даже не летают, а больше парят, причем всегда почему-то около кормы. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы они пытались обогнать «Каллисто» или лететь впереди судна. Сегодня буревестников уже не видно, видимо, им тоже не понравился или наш тихий ход, или волнение океана и они решили вернуться в Новую Зеландию.

Усилилась качка. Кое-кому из членов экспедиции она не очень пришлась по вкусу. Во время обеда и ужина особенно заметно, как поредели ряды ученых. Зато у тех, кто не обращал внимания ни на бортовую, ни на килевую качку, разыгрался аппетит, однако Наташа Мадзибура на сей раз не ворчала, когда просили добавочную порцию компота.

У Прондяева в каюте можно отыскать почти все: трансформаторы и плоскогубцы, изоляционную ленту и акулью челюсть, но вот пишущей машинки там не оказалось.

Первый помощник капитана Олег Кондратьевич Климчук предложил пользоваться его машинкой. Безусловно, океанский воздух чище, чем, скажем, в Москве на Садовом кольце, но

металл океанского воздуха не переносит. Если старый «Ундервуд» в обычных условиях весит килограммов семь, то климчуковский был, вероятно, на килограмм тяжелее. От ржавчины.

Это наводило на философские размышления: насколько крепче человек, чем сталь и прочие железки, — никакая ржа его не берет.

Сегодня Виктор Бабаев принес магнитофонные кассеты: мой однофамилец профессор Григорий Михайлович Игнатьев надиктовал научные комментарии, подробно описав острова, куда заходило наше судно до прибытия в Окленд. Нужно расшифровать их и потом использовать при работе над фильмом о нашем рейсе. Кроме того, Виктор подготовил полный отчет, сколько пленки и на что израсходовано.

Сегодня во время ужина вручил Чистову первую корреспонденцию для передачи в редакцию. Павел Иванович вздохнул, но сказал: «Попытаюсь». И я ушел из радиорубки, почему-то совершенно уверенный в появлении в печати если не через день, то через два или три первой корреспонденции с «Каллисто». Конечно, очень хотелось спросить, когда отпечатанные на машинке буквы будут трансформироваться в точки и тире, но лишние вопросы задавать не стал. К тому же приближалось время приема радиограмм для каллистян, а в такой момент радистов лучше не беспокоить. Все знают, что в восемь часов утра московского времени из Владивостока передают блинд. Радист Валера Воробьев, взяв у меня депешу, произнес лишь одну фразу: «Сейчас готовлюсь принимать блинд». Я с понимающим видом кивнул, ничего, конечно, не поняв. Оказавшийся вместе со мной в радиорубке фотограф экспедиции Владимир Семенов из группы академика Соколова тут же потянул меня за рукав: «Олег Константинович, у них сейчас блинд начинается. Пойдемте, может быть, и для нас что-нибудь будет». Я солидно поддакнул: «Безусловно, что-нибудь для кого-нибудь будет». Но спрашивать у Семенова, что такое блинд, также не стал, дабы не ронять авторитет журналиста.

9 января

Утром на средней палубе вывесили приказ начальника экспедиции, где перечислялся состав групп, высаживающихся на Рауле. В полдень из информации, переданной по трансляции, стало ясно, что предстоящей ночью «Каллисто» подойдет к острову Рауль — самому крупному из группы островов Кермадек.

На острове Рауль в основном и станет работать экспедиция.

В приказе перечислялись двадцать пять будущих

«островитян», в том числе шесть из команды и я с Бабаевым.

Вчера первый помощник капитана просил меня прочитать личному составу лекцию о международном положении.

А сегодня все, кому завтра предстояло высаживаться на берег, в обязательном порядке прослушали лекцию-инструкцию новозеландского ученого Чарлза Ватта о правилах работы на острове Рауль.

Чарлз, очень спокойный, я бы сказал, флегматичный, высокий, худощавый, пришел в столовую, держа в руках стопочку бумаг. Медленно, как бы пережевывая каждое слово и проглатывая большую часть, видимо, совсем не нужных для него гласных, Ватт стал зачитывать тексты, оказавшиеся инструкциями новозеландских властей, регламентирующими пребывание посетителей на острове Рауль.

Дело в том, что вся территория острова (площадь Рауля чуть больше 29 км2), как и другие, более мелкие островки архипелага, объявлена национальным заповедником с целью «сохранения в неприкосновенности флоры и фауны и недопущения нежелательного вмешательства человека», которое может нанести непоправимый урон животному и растительному миру острова. Перед высадкой требовалось тщательно осмотреть одежду и оборудование, чтобы случайно не занести на остров остатки почвы и семена, застрявшие в обшлагах брюк, складках рюкзаков и палаток, побывавших на других островах Океании. Собирать гербарии разрешается только по заранее утвержденному списку, образцы почв можно брать лишь определенное число раз и в каждом случае не более килограмма. После работы требуется весь мусор, банки, бумагу увезти с острова на корабль. На островах категорически запрещается отстрел птиц.

В зачитанных Ваттом правилах содержалось еще много других, более мелких параграфов и пунктов, показывающих, насколько серьезно относятся в наше время новозеландские власти к проблемам охраны природы своих заповедников.

Инструкции, зачитанные Ваттом, я прослушал с большим интересом, но всему составу научной экспедиции они были хорошо знакомы, потому что во время подготовки рейса «Каллисто» все страны, на чьей территории мы предполагали вести работу, прислали условия, при соблюдении которых разрешалось вести работы.

После лекции доктора Ватта моряки и ученые вытащили на палубу все свои вещички и оборудование, приступив к «генеральной приборке».

Очень приятно убедиться, что на «Каллисто» все работают на равных. Как бы вы ни присматривались, отличить доктора или

кандидата наук от матроса или боцмана было невозможно. Все таскали ящики, мешки, раскладушки. Все энергично выворачивали баулы и рюкзаки. Скоро на корме выросла груда вещей. И это несмотря на категорический приказ Баденкова брать минимальное количество груза, отбирая лишь самое необходимое для работы. Видимо, необходимого было очень много.

До наступления полуночи навели, как нам казалось, стерильную чистоту.

В полночь распространился слух, что на Рауле нельзя курить, и отдельные члены экспедиции заметно приуныли.

10 января

Всю ночь ходили вокруг острова. В семь часов обычная побудка, хотя на этот раз она оказалась лишней, так как все встали значительно раньше положенного и собрались на верхней палубе, вооружившись биноклями и фотоаппаратами.

Примерно в полутора милях от «Каллисто» виднелся укрытый зеленью высокий берег Рауля, окаймленный белой лентой пены от разбивающихся об отвесные скалы океанских волн.

И в московских библиотеках, и на «Каллисто» я не смог найти обстоятельного описания архипелага Кермадек. К счастью, у Скоффилда оказалась небольшая брошюрка Перси Смита «Кермадекские острова», изданная в Веллингтоне в 1887 году. Разрешите привести из нее отдельные выдержки.

«Имя, под которым этот остров широко известен, — Санди или Рауль. Последнее имя было дано ему д`Антркасто, назвавшего так остров по имени своего первого старшины — рулевого Жозефа Рауля. Адмирал д`Антркасто также дал название всей группе островов, назвав ее Кермадек, по имени капитана корабля сопровождения Хуана Кермадека, который впоследствии умер от цинги на Соломоновых островах».

Речь здесь идет о французском вице-адмирале Бруни д`Антркасто, который в 1791 году отплыл от берегов Франции на двух кораблях «Решерш» и «Эсперанс» в поисках пропавшего в 1787 году в южных морях Лаперуза.

«Многие годы Рауль был необитаем. Например, в 1827 году остров посетил французский исследователь, капитан Дюмон Дюрвиль на судне «Астролябия» и не встретил там ни одного жителя. Необитаемым островом Рауль оставался вплоть до 1878 года, когда сюда переселился с островов Самоа новозеландец мистер Томас Белл со своей семьей и 16 туземцами, привезенными с острова Ниуэ».

«Девять лет спустя из новозеландского порта Окленд к

острову пришел английский пароход «Стелла». 17 августа 1887 года капитан «Стеллы» Джон Файрчайлд в присутствии Томаса Белла, его жены и девяти детей, а также тринадцати человек экипажа судна поднял на Рауле британский флаг, провозгласив присоединение острова к британской короне». В настоящее время остров принадлежит Новой Зеландии. На том месте, где когда-то стояла хижина Белла, построена метеорологическая станция, работают на ней девять мужчин, к встрече с которыми готовились ученые и команда советского судна «Каллисто».

Теперь вы знаете историю открытия острова Рауль, но архипелаг состоит из четырех островков. Коротко об открытии трех других. 30 июня 1787 года лейтенант Уаттс на корабле «Леди Пенрин» водоизмещением 340 тонн (для сравнения напомню, что водоизмещение нашего небольшого «Каллисто» около 2,5 тысячи тонн) открыл три островка. Один он назвал Макайвлей, в честь члена экспедиции Макайвлея, и два других — Куртис, в честь братьев Тимоти и Уильяма Куртис, которые тоже были в составе экипажа корабля «Леди Пенрин».

Я упомянул о первом жителе острова Рауль мистере Белле. Довольно-таки любопытный человек. Если сейчас мы издали видели на Рауле пышную растительность, а в бинокль можно даже разглядеть покрывающие горы густые леса, то, когда мистер Белл прибыл на Рауль, ничего этого не существовало, потому что шестью годами ранее почти всю растительность уничтожила при извержении вулкана раскаленная лава. В кратере после извержения возникли два озера: малое озеро называется Зеленое, а большое — Синее. Место, где сейчас Зеленое озеро, и было центром извержения в 1772 году.

Почему Белл решил обосноваться в таком неуютном месте, где, вероятно, и почва-то за шесть лет еще не успела как следует остыть, непонятно. Белл привез на остров целую отару овец — триста голов. Через пять лет они расплодились, и их стало шестьсот. Видимо, Супруги приехали с детьми. Сколько детей было у Белла в момент высадки, неизвестно, но когда в августе 1887 года англичане подняли на Рауле британский флаг, у Томаса Белла и его жены Фредерики их было уже девять. Одного из них звали Рауль Санди Белл.

Из местных животных на Рауле остались в живых после извержения только серые крысы. И еще небольшая деталь: на острове всего лишь один источник питьевой воды — маленький ключ, примерно в километре от места, где стояла хижина Белла. Семья Беллов выращивала на Рауле ананасы, манго, сахарный тростник, маис, папайю, яблоки. Они ловили рыбу у берега и, надо полагать, имея много баранов, питались и бараниной.

...Согласно графику, высадку планировали начать в восемь, но лишь в десять часов спустили на воду ботик «Дора»: Баденков, Каплин, доктор Ватт, первый помощник капитана, старпом и еще два матроса пошли к Раулю. Баденков захватил с собой карманный передатчик ближней связи, чтобы с твердой земли отдавать распоряжения на борт «Каллисто».

Летописец обязан фиксировать мельчайшие детали. Я сделал запись в блокноте: «10 часов 55 минут. В бинокль видно, как Баденков вступает на причал острова Рауль. Он первый советский человек на этом острове в Тихом океане».

Конечно, летопись летописью, но сейчас-то можно признаться в некоторой неточности. Баденков не вступил на Рауль, а приземлился на Рауле: попросту говоря, в «Дору» краном опустили большую бельевую корзину, Баденков сел в нее, кран поднял «полезный груз» и перенес на причал.

Такова здесь система высадки на остров, и мы все, от академика до оператора Центрального телевидения, испытаем на себе эту процедуру.

Пока Баденков вел с начальником метеостанции межгосударственные переговоры и обсуждал условия высадки, на «Каллисто» происходили незапланированные события. Так как высадку намечали на восемь часов утра, на долю «островитян» обед не готовили. Но отпущенные нам сухим пайком продукты до сих пор лежали в банках и мешках на «Каллисто». А есть-то хотелось! Первым обнаружил непорядок профессор Воронов, большой любитель поесть. Явившись в двенадцать часов в кают-компанию, он на нашем столе вместо благоухающей, наполненной супом кастрюли увидел одинокую пустую тарелку. Отправившись за разъяснениями на камбуз, Анатолий Георгиевич услышал суровые слова: «Ваша группа числится выбывшей с корабля за границу на остров Рауль, и супа вам не положено». Воронов немедленно принес эту ужасную новость на капитанский мостик. Тут же приняли срочные меры по исправлению создавшегося положения. Справедливость была восстановлена.

Мы успели плотно пообедать, не отступая от морских традиций, съели по две порции компота, и когда намеревались попросить добавки, с берега вернулся в сопровождении новозеландца — работника метеостанции — профессор Каплин.

Высаживаться будем так: сначала аквалангисты установят у берега буй, закрепят к нему трос, другой конец которого перекинут на причал. Вдоль троса ботик станет подходить к точке, куда сможет достать стрела с корзиной.

В 15.30 поступило сообщение с «Доры» — отказал насос воздушного охлаждения. Старпом высадил водолазов для

установки буя и малым ходом вернулся на «Каллисто». Вероятно, переброска десанта на Рауль начнется после ритуального чаепития в 16 часов 30 минут. Практически сегодняшний день для работы экспедиции потерян. На «Каллисто» появилось много мух — прилетели с Рауля. До этого ни одной мухи на корабле не было.

Лишь в 16.00 «Дора» отвалила от борта «Каллисто» и направилась, груженная нашим добром, к Раулю. Там кастрюли, раскладушки, а затем и членов экспедиции должны перегружать в корзину и переправлять на причал. Хорошо бы Бабаеву пойти с первым рейсом, потому что скоро зайдет солнце и, когда подойдет наша очередь высаживаться, снимать ему будет чрезвычайно трудно.

И вот в 17 часов 45 минут к острову ушли на «Доре» двенадцать мужчин и четыре женщины. Видим, как на причале орудуют наши ребята, среди них Виктор Прондяев. Волнение балла четыре, и «Дору» основательно подкидывает на волнах. Хорошо, что придумали установить буек с тросом. Старпом — весь внимание. «Дора» то танцует на гребне, то проваливается между двумя водяными валами. Кинет ботик на причал — и поминай как звали. Но в самый нужный момент старпом дает команду мотористу: «Полный назад!» или «Самый малый вперед!». И опять «Дора» танцует на волне, подставляя борта под трос с корзиной.

Слышно, как Прондяев кричит: «Вира!» — и корзина, нелепо раскачиваясь, поднимается в воздух метра на четыре. Стрела крана повернулась и поставила кузовок на покрытый слизью, мокрый бетон причала. Тут же ее подхватили матросы, и два члена экспедиции, как чертики, выскочили из корзины.

— Еще четыре порции. Четыре, понимаешь! — крикнул Прондяев, повернувшись к прилепившейся возле скалы небольшой будочке, откуда велось управление лебедкой.

Манипулировавший рычагами начальник метеостанции Ян Макгрегор, безусловно, ничего не понял из тирады Прондяева, но весело улыбнулся, подмигнул и взялся за рукоятки, чтобы в очередной раз опустить корзину точно в болтавшийся на волнах бот и через несколько секунд поднять ее в тот самый момент, когда очередная пара участников экспедиции сядет в корзину.

Яну Макгрегору необычайно радостно. Еще бы, остров маленький, каждый день одно и то же. Жизнь монотонная, хотя коллектив «зимовщиков» подобрался хороший. Но все равно девять человек на клочке суши, а кругом океан. Корабли сюда не заходят, и точно известно, что единственное судно придет к Раулю лишь к октябрю.

8 октября минувшего года они прибыли на Рауль, 8 октября этого года новый корабль привезет смену.

Вот почему «Каллисто» здесь так ждали. Известие о нашем предполагаемом заходе получили еще в конце прошлого года и, конечно, готовились к нему. Даже на будке с лебедкой прикрепили фанерный щит с надписью: «Добро пожаловать на остров Рауль!»

По крутой тропинке, ведущей от причала вверх по склону горы к небольшой площадке, мы поднялись налегке, так как весь груз переправляли туда же по канатной дороге. Наверху тюки с палатками, раскладушки, оборудование укладывали на грузовик, который отвозил наш багаж к месту, выделенному для устройства лагеря. Одним словом, хозяева все четко организовали и предусмотрели.

Метеостанция, рядом с которой разместились наши палатки, — три одноэтажных здания, очень аккуратные, выкрашенные белой краской. Пешеходные дорожки залиты асфальтом, трава вокруг подстрижена, возле проезжей части установлен деревянный светофор и развешаны дорожные знаки: «Одностороннее движение!», «Поворот влево запрещен!», «Скорость 16 километров в час!».

Неподалеку теннисный корт и лужайка для игры в гольф. Конечно, и подстриженные лужайки, и игрушечный светофор, и даже теннисный корт призваны как-то смягчить чувство ностальгии, неизбежно появляющейся у «зимовщика». Помочь создать иллюзию близости далекой родной земли.

На одной из маленьких лужаек сложен очаг, где новозеландцы жарят иногда мясо. Недалеко от лужайки, впритык к обрыву, средних размеров полянка, отведенная нам для строительства базы.

Уже совсем стемнело, когда поставили последнюю палатку. Палатки сооружали мужчины, каллистянки же занимались приготовлением ужина.

Так прошли первые часы на острове Рауль.

11 января

Режим работы на берегу члены экспедиции утвердили для себя довольно жесткий. Подъем в 6 часов. В 6.30 завтрак. 7.00 — выход группы из лагеря. На сегодня запланировали пройти (с остановками для проведения программы исследований) по гребню кратера до высшей точки острова — пика Маомаокай. Роль проводника взял на себя новозеландец Ян Кьюрифи, поджарый, среднего роста, мужчина лет тридцати, с коротко

подстриженной белокурой бородкой и слегка вьющимися волосами. Одет он был просто и скромно: старые шорты и грубые ботинки, очень удобные при лазании по раульским кручам. Через плечо у Яна перекинута небольшая полевая сумка, а сбоку болтается на ремешке охотничий нож. По профессии Кьюрифи инженер, а на Рауле выполняет обязанности заведующего фермой (на ферме несколько коров, десятка два овец и две пары свиней).

На первый взгляд может показаться странным: инженер и вдруг сменил свою профессию на роль свинопаса. Объяснение оказалось довольно простым. За год пребывания на Рауле каждому рядовому «зимовщику» платят около семи тысяч долларов, которые по возвращении в Новую Зеландию не подвергаются обложению налогами. Кьюрифи завербовался, решив собрать деньги, нужные ему для организации одной экспедиции. Какой — не рассказал. Можно лишь предположить, что интересной, если судить по прежним его путешествиям. Ян прошел пешком через Индию, Непал и Пакистан, два года работал в Антарктиде. Там с двумя товарищами три месяца путешествовал на собачьих упряжках по континенту.

Вообще большинство из девяти сотрудников станции на Рауле подписали контракт из-за материальных соображений. Один паренек зарабатывал деньги на свадьбу, второй мечтал приобрести машину, третьему нужна была определенная сумма для учебы в университете. Кроме Яна Макгрегора, начальника метеостанции, остальные восемь были еще людьми холостыми.

Высшая точка острова — Маомаокай — возвышается над уровнем океана приблизительно на 574 метра. Отправляясь в путь, мы прикинули и решили, что преодолеть такой подъем не представит для нас значительной трудности. До Маомаокай около десяти километров, и наше восхождение, будучи постепенным, превратится в легкую прогулку. К сожалению, таковой не получилось. Тропинка то круто лезла вверх, то снова опускалась на пару сотен метров, потому что гребень кратера рассекался глубокими ущельями и тропинка пунктуально придерживалась конфигурации верхней части хребта, опоясывавшего кратер. Порой деревья и кустарники расступались, и тогда открывался изумительный вид на два озера — Синее и Зеленое.

На третий час перехода, после бесконечных подъемов и спусков, мои спутники стали все чаще вспоминать, что, как нам рассказывали, где-то на дороге на одном из перевалов сооружена цементная яма, в которую стекает дождевая вода. Яма закрыта крышкой, и вода вполне пригодна для питья. Я забыл сказать, что хотя вышли мы все одновременно, но потом наша

информационная группа вырвалась вперед. На этот раз, кроме Бабаева и меня, в группу входил матрос Сергей Козлов, которому поручили нести рюкзак с запасной десятикилограммовой кинокамерой.

Остальные каллистяне шли не торопясь, по пути беря пробы почв, делая разрезы, словом, употребляя не научную терминологию, рвали травку и копали ямы. С полдороги Ян решил вернуться, посмотреть, не сбились ли ученые с тропки, хотя двигаться по ней удобно, так как через каждые двадцать — тридцать метров метка: на стволе очередного дерева прикреплен красный пластмассовый квадратик. И так пробираешься по лесу от метки к метке.

Нестерпимо хочется пить. И вот мы выходим прямо к столь желанной кринице. Сергей Козлов снимает с пояса флягу, становится на колени, поднимает крышку, заглядывает внутрь и вдруг, не набрав воду, быстро вскакивает на ноги. Я даже подумал, уж не змея ли забралась в водоем, хотя прекрасно знал, что на Рауле, как, впрочем, и на других островах Океании, ядовитые змеи не водятся.

Оказалось, что не только нас привлекла пресная вода. Резервуар облюбовали крысы, превратив его в маленький бассейн. Одна из них, по словам Козлова, утонула. Проверять достоверность его показаний я не стал.

Несколько ранее на одном из промежуточных пиков, откуда открывался с левой стороны вид на Зеленое озеро, а с правой — на спокойный в тот день Тихий океан, мы заметили небольшую, полуразвалившуюся избушку, около которой, под кроной развесистого дерева, виднелась наблюдательная вышка, тоже полуразрушенная, почерневшая от времени.

— Здесь,— пояснил Ян, — во время второй мировой войны находился наблюдательный пост новозеландской армии, откуда следили за японскими и немецкими военными судами, самолетами и подводными лодками, которые, как мне рассказывали, сюда иногда наведывались.

Военные действия, к счастью, не затронули этого района, но было приятно отметить про себя, что три с лишним десятилетия назад, на этом затерянном клочке земли, находились люди, готовые сражаться против общего с нами врага — фашизма и японского милитаризма. И вот много лет спустя новозеландцы, работающие на Рауле, помогают нашим ученым в другом гуманном деле — изучить способы охраны окружающей среды, чтобы сберечь для человечества, для науки такие уникальные уголки, как остров Рауль.

Завершив после очередного спуска в котловину очередной

подъем, Сережа Козлов посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас полдень.

— Очень хорошо, — отозвался я. — Значит, мы вернемся на базу засветло.

— Сейчас полдень, значит, время обеда, — пояснил Сергей.

Что ж, порядок есть порядок. Для моряка корабельный распорядок действует и на суше.

Примостившись на упавшем стволе дерева, мы открыли банку консервов, разрезали полбуханки хлеба на толстые куски, и скоро от выданного нам сухого пайка ничего не осталось, даже крошек не нужно было подбирать. Сергей завернул пустую банку в газету и положил в рюкзак.

Часам к двум добрались до вершины Маомаокай. Вдали, на синем-пресинем океане виднелось белое, красивое судно — «Каллисто». Сверху оно казалось очень маленьким и очень симпатичным. У Виктора осталось еще немного пленки, и он «добил» ее, исчерпав суточную норму.

Трава на вершине выросла какая-то необычная для этих мест: мягкая, ласковая, совсем как дома. И что удивительно, в небольшом углублении бил родничок. На самой высокой точке острова!

Мы лежали на траве и смотрели на проплывающие вверху пушистые облака.

— Да, — заметил Сергей, — а наши друзья-ученые немного отстали. Правда, они по дороге работали, а мы только шли. Наверное, доберутся до Маомаокай часика через два.

Представьте себе, только он произнес последнее слово, как над обрывом возникла рука, схватилась за куст, и вот уже на площадку взбирается не кто иной, как профессор Воронов. Энергичный, как всегда в прекрасном расположении духа.

— А, вы уже здесь! — воскликнул Анатолий Георгиевич, расстегивая лямки и сбрасывая на траву тяжелый рюкзак. — Прогулочка была хорошая, воздух здесь очень чистый, надеюсь, что и оставшийся переход будет такой же интересный.

Не успели мы оглянуться, как на площадку вышли остальные товарищи вместе с замыкавшим группу Яном Кьюрифи.

Анатолий Георгиевич Воронов назвал переход до вершины Маомаокай прогулочкой, но во время этой прогулочки ученые выполнили почти всю намеченную на сегодняшний день программу.

Вторая половина пути проходила с несравненно меньшими трудностями. Мы просто спустились к дороге, которая вела прямо к лагерю.

Думая о будущей корреспонденции, я старался использовать

любую возможность, чтобы пополнить свои более чем скудные познания в вулканологии, орнитологии, ботанике и других уважаемых науках. Так как с нашей группой шел Ян Кьюрифи, а других сведущих людей рядом не было, то именно к нему были обращены мои вопросы. Ян, по своей натуре человек немногословный, отвечал довольно однообразно. На вопрос, как называется кустарник, заросли которого встречались повсюду, Ян, пожав плечами, ответил:

— Пахутакава.

— А как, — спросил я, — называются те стелющиеся деревья?

— Пахутакава, — произнес Кьюрифи.

— А деревья метров в пять в обхвате, вон те, которые стоят на искривленных воздушных корнях?

— Пахутакава, — лаконично повторил сопровождающий.

Или Ян не понимал, о чем его спрашивают, или я неправильно задавал вопросы. Не может же и невзрачный кустарник, и могучее дерево иметь одно и то же название. Нужно потом осторожно расспросить кого-нибудь из ботаников. Или блестящего знатока всех растений Леню Созинова, или же самого профессора Воронова.

12 января

Баденков предоставил Бабаеву и мне возможность по нашему желанию присоединяться к любой из групп ученых.

Группа академика Соколова предпочла отправиться бродить по самым густым зарослям склона вулкана. Дело в том, что новозеландцы разрешили ему отстрелять для научных целей двух диких козлов. Они нужны Владимиру Евгеньевичу ради нескольких квадратных сантиметров шкуры, и еще его интересует череп животного. Бабаев вспомнил, что вчера за весь день мы лишь один раз в течение нескольких секунд видали этих козлов, и очень сомневался не столько в вероятности новой встречи с ними, сколько в возможности успеть снять ее на кинопленку.

Решили пойти с группой Надежды Константиновны Христофоровой на литораль бухты Денжем Бэй. С Надеждой Христофоровой идут два Виктора — четвертый механик Виктор Пленник и старший моторист Виктор Шанин. А нам в помощь придали матроса Сергея Алимова.

Надежда — кандидат наук, интересуется морскими водорослями. Шанин и Пленник прихватили с собой маски, трубки, ласты. Их задача — добыча водорослей на дне бухты, доставка их Христофоровой и описание места, где их сорвали. Бабаев также захватил с собой маску и ласты: «Немножко

поснимаю, а потом, когда кончится пленка, хочу понырять; посмотреть, нет ли интересных раковин». Я возражать не стал и выразил надежду, что смогу пополнить и свою коллекцию за счет его улова.

Сопровождает нас Кейт Роджерс, двадцатилетний юноша с волосами до плеч и такой же, как у Кьюрифи, курчавой бородкой. В прошлом году Кейт окончил лицей, хочет поступить на биологический факультет Оклендского университета. Учеба стоит немалых денег, и Кейт завербовался на Рауль в надежде скопить необходимую сумму.

Спуск на пляж по почти отвесной скале высотой около четырехсот метров. Тропинка вьется по скале серпантином. Неизвестно, как это им удается, но прямо на отвесной стене растут деревья. Чем они держатся на такой крутизне — уму непостижимо. Не знаю, могли бы мы спуститься, не будь этих деревьев и кустарников, порой закрывавших вид на океан. Скорее всего, нет, потому что тропинка очень узкая, местами шириной всего лишь в одну ступню, и приходится, чтобы сделать несколько шагов до места, где тропинка расширяется, то и дело прижиматься к скале, прикидывая, сколько метров придется лететь, ломая кусты, пока падение твое не остановит ствол какого-нибудь попавшегося на пути дерева.

Труднее всего Сереже Алимову. Он тучный, малоподвижный, и передвигаться по отвесным скалам ему трудно даже без рюкзака. Но так как его прикомандировали к Бабаеву с одной определенной целью — нести рюкзак, Сергей, охая и жалуясь на свою судьбу, все же вынужден спускаться все ниже и ниже по тропинке.

Внизу, на берегу бухты, стоит небольшой домик со всеми удобствами. В нем запас продуктов, газовая плитка, две койки и даже стопочка книг и журналов.

Надежда Константиновна выбрала для работы один из уголков бухты, где в океан выдавался с десяток больших валунов, считая, что там наверняка попадутся интереснейшие водоросли.

Бабаев добросовестно запечатлел на пленку сначала ныряльщиков — двух Викторов вместе, потом Виктора Пленника, укладывающего в полиэтиленовый мешочек собранные водоросли.

Затем Бабаев потряс камеру, прищурив глаз, посмотрел на объектив и объявил, что пленка кончилась. Мы и оглянуться не успели, как он уложил камеру в рюкзак, натянул ласты, маску и скрылся в водах лагуны.

Ныряльщик Бабаев оказался отменный. Из воды вытащить его стоило больших трудов. Пока Христофорова промывала и

бережно укладывала свою добычу, Бабаеву удалось найти штук пятнадцать одностворчатых раковин, каждая сантиметров десять в поперечнике. Эти раковины имеют особую ценность для знатоков-коллекционеров. По-латыни они называются «лимпет». В южных морях лимпет водятся во множестве, но размеры их от нескольких миллиметров до одного-двух сантиметров. А гигантские лимпет живут лишь в одном месте — у берегов острова Рауль. По крайней мере, так утверждал доктор Скоффилд.

Подъем оказался неожиданно легким. Мы и не заметили, как за какой-нибудь час добрались до вершины. А там до дома рукой подать. Правда, сделали пятиминутную остановку в роще одичавших апельсиновых деревьев. По своим вкусовым качествам дикие апельсины ничуть не уступали обычным.

13 января

Сегодня ходили на вторую литораль. Она называется Боат Коуф. Почти такой же рискованный спуск, опять богатый улов водорослей у группы Надежды Константиновны и новые раковины, добытые Бабаевым. В Боат Коуф лимпет не попадались, но зато Бабаев вытащил дюжину трохус.

Помощники Христофоровой тоже достали несколько раковин. Очистив их, они бросили мясо моллюсков в воду, недалеко от берега неожиданно появилась мурена и стала, извиваясь, глотать мясо. Мурена очень хищная рыба, нередки случаи, когда она нападает на человека.

— Виктор! — закричал я Бабаеву, — Идите сюда, вон там, посмотрите, метрах в трех, справа. Вы знаете, что это за рыба?

— Понятия не имею.

— Это мурена — одна из самых хищных рыб Океании. Говорят, что она пострашнее акулы. Так что очень прошу вас, не увлекайтесь и не заплывайте далеко. Не забывайте, что руководитель информационной группы отвечает за вашу безопасность не только перед руководством телевидения, но и, что самое главное, перед вашей супругой Татьяной.

Бабаев тут же дал клятву никогда больше не нарушать установленный порядок работы в океанских глубинах. Посмотрим, как он выполнит свое обещание.

14 января

«Морская группа», возглавляемая кандидатом наук Евгением Ивановичем Шорниковым, и группа Павла Елпатьевского

работали сегодня на дне кратера, у озер. Бабаев и я присоединились к ним. Елпатьевский на небольшой лодочке вместе с двумя товарищами дошли на веслах до середины Голубого озера, чтобы взять пробы воды.

На дно кратера опускались тоже по очень крутому склону, и все было бы не так сложно, если бы исследователям не приходилось нести много груза (одна надувная лодка весила не меньше двадцати килограммов). Интересно, что вода в Голубом озере и во втором, Зеленом, лежащем рядом за небольшим перевалом, совершенно не годится для питья. Она насыщена сероводородом.

В то время как Елпатьевский возился с приборами на середине озера, аквалангист Иван Арзамасцев в маске и ластах нырял недалеко от берега, доставая для Евгения Ивановича ил с крошечными рачками. Шорников тщательно упаковывал добычу, чтобы потом в лаборатории, во время переходов, сидеть по десять часов, не отрываясь от микроскопа, и делать записи, заметки, вычерчивать различные диаграммы.

Сегодня, в последний вечер нашей лагерной жизни на Рауле, произошел трагикомический случай, к счастью, без серьезных последствий. Случай, который лишний раз напомнил всем, сколь осмотрительно мы должны вести себя при контактах с природой даже таких идиллических островов, как Рауль.

Растительность здесь яркая, пышная, но иногда бывает очень коварная. Шутить с ней не рекомендуется. На второй день нашего пребывания на Рауле я обратил внимание на встречавшиеся повсюду большие вытянутые листья каких-то корнеплодов. Григорий Михайлович Игнатьев на вопрос, что это за растение, сказал: «Вероятнее всего — это таро». Таро — очень распространенное на островах Океании многолетнее растение с клубнями весом до четырех килограммов. Местные жители употребляют таро в жареном или вареном виде. Григорий Михайлович высказал предположение, что этот вид таро завезли сюда в незапамятные времена полинезийцы.

Таро так таро, к вкусовым качествам его я не проявил интереса, но, придя в лагерь, решил щегольнуть своей осведомленностью, заметив, так, между прочим, что на Рауле зря пропадает гигантское количество полинезийского таро. И вот сегодня, когда отряды ученых вернулись в лагерь, все заметили, что профессор Пузаченко пришел мрачнее тучи и даже отказался от вкуснейшего ужина, приготовленного буфетчицей Галей Макраус. Обычно же Пузаченко не мог пожаловаться на отсутствие аппетита.

Вскоре выяснилось, что, работая на профиле, Юрий

Георгиевич наткнулся на заросли растения, которое я, с легкой руки моего однофамильца, назвал таро. Выдернув один из корнеплодов, он аккуратно очистил его и решил попробовать на зуб, разжевал и проглотил малюсенький кусочек. Что тут было! Рот Пузаченко моментально наполнился какой-то, похожей на мыльную, пеной. Он ощутил во рту невыносимую горечь. И попробовал-то он всего лишь крошечный кусочек.

Как оказалось, это был особый вид таро. Крысы и козы, единственные обитающие на Рауле крупные представители животного мира, видимо, знают его коварные свойства, поэтому лжетаро беспрепятственно распространяется по острову.

Владимир Евгеньевич Соколов и Володя Семенов сегодня именинники. Наконец-то им удалось использовать предоставленную новозеландцами «лицензию» на отстрел козлов. Принесли в лагерь две туши. Ну и пришлось им помучиться. Володя оказался прекрасным стрелком. Вообще у него очень много на «Каллисто» разных обязанностей. Так обычно и бывает, когда у человека золотые руки.

Отрезали по кусочку шкуры от убитых животных и взяли для исследования часть одного черепа. Мясо передали повару-новозеландцу Джиму, и тот приготовил отличный ужин для всех.

Вечером провели международные соревнования. Естественно, по футболу. Каллистяне выступали против «зимовщиков». Команды играли в неполных составах, и матч завершился со счетом 5 : 2 в пользу гостей. Победила дружба.

15 января

С утра — свертывание лагеря. Потом ребята из команды стали переправлять грузы на «Каллисто», а ученые ушли завершать последние работы на Рауле.

Группа Шорникова на «Доре» брала пробы воды недалеко от берега. В океане шесть баллов, и мы на спасательном катере около часа ходили вокруг «Доры», подстраховывая водолазов.

Один из новозеландцев, выбирая наиболее удобную точку для съемки кадра переброски советских ученых в корзине от причала до бота, поскользнулся и уронил фотоаппарат в воду. Естественно, очень расстроился, аппарат был дорогой. И здесь на высоте оказался Павел Алексеевич Каплин, проделавший довольно рискованный трюк. Профессор нырнул рядом с причалом (а глубина там метров восемь), нашел на дне фотоаппарат и вынырнул довольно далеко от причальной стенки, чтобы не быть поднятым волной, которая могла, как щепку, бросить профессора на бетонные блоки. Аплодисменты

новозеландцев были наградой поступку Каплина.

Наступил момент расставания с новозеландскими друзьями. Ученые и все свободные от вахты моряки поднялись на палубу, а по селектору передали прощальное послание начальника метеостанции Яна Макгрегора. Приведу из него несколько строчек:

«Когда вы отплывете, мы станем смотреть вслед вашему кораблю, пока он не скроется за горизонтом, и наши сердца будут вместе с вами.

Сегодня на острове Рауль останутся девять очень печальных мужчин. Я заканчиваю свое послание нашей шотландской пословицей: «Большого дыма вашей трубе».

Видно было, как девять «зимовщиков» поднялись на холмик около флагштока, где развевался новозеландский флаг, и выстроились в одну линию лицом к «Каллисто». Мы тоже, стоя на палубе, махали платками до тех пор, пока Рауль совсем не скрылся за горизонтом, пока на «Каллисто» не смолк последний, прощальный гудок.

Впереди нас ждут новые острова, новые высадки, новые исследования и, конечно, новые встречи с хорошими людьми.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

Пять дней мы проработали на маленьком вулканическом острове Рауль. Результаты получились интересные, а некоторые данные были просто необычайными.

Когда Ян Кьюрифи назвал Олегу Константиновичу и кустарник, и большие деревья одним именем — пахутакава, он не ошибался и не проявлял свое невежество. Действительно, и кустарник, и стелющиеся деревья, и деревья-гиганты имеют одно название, принадлежат к одному виду. В этом феномене проявляется одна из интереснейших особенностей развития островных экологических систем: одно и то же растение приспосабливается к различным условиям жизни. Дело в том, что на острове не так уж много видов растений, которые могли бы каждое занять свою экологическую нишу.

На маленьком острове Рауль пахутакава без особенно острой борьбы за жизненное пространство занимает все свободные участки. При этом растение, приспосабливаясь к различным условиям рельефа и почв, меняет свою форму, прикидываясь то кустарником, то деревом.

Подобная экологическая пластичность вообще свойственна многим растениям, хотя пахутакава, очевидно, наиболее приспособляема среди них. На молодых с еще не сформировавшимся почвенным покровом пемзовых площадках вокруг кратерных озер острова Рауль пахутакава развивается как низкий кустарник, первым заселяющий пространство после извержения. На более зрелых почвах и крутых склонах она образует стелющиеся кривоствольные леса, а на сравнительно ровных площадках, защищенных от ветра, предстает перед нами в виде деревьев высотой до тридцати метров, с толстыми корявыми стволами. При этом форма и размеры листьев, особенности цветков различаются мало.

Интересно заметить, что старые, упавшие деревья пахутакавы быстро прорастают многочисленными придаточными корнями и побегами, которые свешиваются от стволов в виде бород, первоначально зеленых, а затем приобретающих бурую окраску. Эти придаточные корни и побеги причудливо переплетаются со стволами, и в целом лесные участки пахутакавы имеют совершенно фантастический вид, чем-то напоминающий декорации к сказкам о Кощее Бессмертном. Нужно сказать, что эта ассоциация возникает у меня не случайно. Благодаря тому, что из упавших, умерших деревьев вырастают придаточные корни, пахутакава оказывается практически бессмертным растением.

Наши ботаники изучали различные формы пахутакавы, открыли много интересных особенностей ее поведения.

Значительные выводы по исследованиям на острове Рауль были сделаны и представителями других специальностей. Однако читателю, очевидно, прежде всего интересны исследования Надежды Константиновны Христофоровой, с которой информационная группа совершала путешествие по берегам острова. На «Каллисто» два отряда изучали прибрежную зону, подступы к островам. Отряд Христофоровой собирал с осушек береговой зоны водоросли и моллюски совсем не для того, чтобы определять их вид и описывать систему. Надежда Константиновна биогеохимик, и ее интересовали не сами водоросли и моллюски, а химические элементы, усваеваемые организмами прибрежной зоны. Известно, что многие из этих организмов способны выборочно усваивать и концентрировать в своих тканях отдельные элементы, такие, как медь, свинец, цинк и другие, то есть элементы, которые являются загрязнителями природной среды и чаще всего привносятся в нее в результате человеческой деятельности. Прибрежные организмы — очень хорошие индикаторы загрязнения природы техногенными элементами. Так

вот, Христофорова и ее сотрудники исследовали степень концентрации этих элементов в различных водорослях и моллюсках на всех изученных островах.

Отряд Евгения Ивановича Шорникова также работал у берегов островов, но в его задачи входило изучение биологических объектов, и в первую очередь коралловых рифов. Последние играют огромную роль в жизни тропических островов. Они окаймляют берега, защищая их от океанского прибоя, часто из них строятся большие участки платформ, которые при поднятии образуют отдельные острова.

Одним из важных выводов, сделанных этим отрядом, был тот, что в настоящее время многие коралловые рифы находятся в стадии отмирания, то есть воспроизводится колоний меньше, чем разрушается. Собственно, это заключение не явилось открытием. Мнение об угнетенном состоянии коралловых колоний в научной печати высказано несколько лет назад. Писалось также и о том, что кораллы уничтожаются хищной морской звездой «терновый венец». Однако в пределах окаймляющего рифа острова Багоман наши подводники звезд и следов их присутствия не обнаружили. Но обнаружили, что риф активно разрушается и новых молодых кораллов не появляется. Видимо, причина более существенна, более глобальна. Мы при обсуждении этого вопроса решили, что дело или в общей повышающейся загрязненности океана, или в том, что происходит постепенное похолодание его вод. Для подтверждения той или иной догадки необходимы более широкие специальные исследования на многих коралловых постройках.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Летающие лисицы Фиджи

16 января

От острова Кермадек до столицы Фиджи порта Сува — 630 миль. По графику должны пройти их за шестьдесят три часа. Но «Каллисто» не железнодорожный экспресс, и указанное в графике ходовое время — понятие весьма растяжимое и относительное. Сегодня океан — шесть с половиной баллов, где-то слева не то зарождается, не то уже начал действовать циклон. Есть надежда уйти от него, хотя с нашим ходом...

Завхоз Таторин объявил по селектору, что после обеда начнет раздавать апельсины. По «пол-ящика на брата». Сначала все удивились такой щедрости, но скоро выяснили ее причину. Просто апельсины начали портиться, а так как большинство кают с холодильником, то завхоз решил: пусть каждый сам хранит полагающиеся ему на месяц фрукты.

Штук десять, слегка попорченных, выбросили за борт. А в это время рядом с правым бортом «Каллисто» появилась акула. Одно мгновение — и газетный сверток с апельсинами исчез в акульей пасти. Никогда не приходилось слышать, чтобы акулы интересовались цитрусовыми. Может быть, пригодится этот неизвестный доселе научный факт кому-нибудь из ученых.

Сегодня перед ужином первый помощник капитана попросил меня рассказать коллективу о событиях в Анголе, последней командировке в эту страну и о том, как МПЛА сражалась в то время против империалистической интервенции. Слушали очень внимательно и, кажется, с интересом.

После ужина нанес визит в радиорубку. Начальник рации еще днем сообщил приятную новость: первую корреспонденцию удалось передать во Владивосток. Завтра собираюсь вручить Павлу Ивановичу второй материал, а сейчас нужно подготовить почву. И еще — хотелось посмотреть, как принимают блинд.

Блинд — так называется «передача корреспонденту без его согласия». В восемь часов утра московского времени радиоцентр Владивостока начинает блинд для судов Дальневосточного пароходства, или находящихся в рейсе, или стоящих в иностранных портах. Готовясь к приему блинда, Валерий или Павел Иванович подключают к передатчику магнитофон, устанавливая рычажок записи на самую большую скорость.

Сначала радист Владивостока сообщает, в какой последовательности он будет передавать радиограммы. Например, сегодня очередь «Каллисто» восемнадцатая. Значит, наш блинд начнем записывать минут через сорок. Приготовив аппаратуру, Валерий на всякий случай каждые десять — пятнадцать минут подключается и слушает, не подошла ли его очередь. И вот сигнал из Владивостока: «Блинд для УМПП». УМПП — это позывные «Каллисто». Закрутились катушки магнитофона, и прием начался. Обычно нам поступает очень много радиограмм, и на этот раз Валерий истратил почти целую пленку. В основном — радиограммы от родственников и друзей участников экспедиции.

Завершив расшифровку, Валера зарегистрировал каждую радиограмму в книге приема, затем отстукал список получателей и по селектору объявил, кому зайти в радиорубку. Такого объявления все ждали с большим нетерпением, надеясь услышать свою фамилию. И вот уже по коридору доносятся торопливые шаги первых счастливчиков. На этот раз мой сосед Виктор Прондяев получил очередную телеграмму от жены Вали. В каюте, рядом с дверью, Виктор приладил к полке гвоздик и аккуратно накалывает на него послания из дома.

— У нас в радиорубке, вы, наверное, видели, стоит факсимильный аппарат, который принимает для нас карты погоды, — Микульчик раскрыл судовой журнал и пробежал глазами старые записи. — В первый раз засекли тайфун на карте тринадцатого числа, но тогда он еще не назывался тропическим и находился от «Каллисто» далеко на северо-западе. Четырнадцатого января тайфун можно было наблюдать на том же месте, но так как нас окружала область высокого давления, прикинув, мы решили, что тайфун будет двигаться на восток. Пятнадцатого, когда область высокого давления медленно стала смещаться на восток, между центром циклона и нами расстояние

стало уменьшаться... По расчетам, ночью с ним встретимся. Вы меня поняли?

Суть я понял: спать нам сегодня ночью не придется. Из-за болтанки.

18 января

Минувшей ночью, как и предполагали, произошла встреча с «Марионой». Судно шло, меняя галсы, пытаясь уменьшить качку. О том, какая это качка, я рассказывал в самом начале своего повествования.

Утром штурманы подсчитали пройденное за сутки расстояние. Всего лишь около восьмидесяти миль. В общей сложности «Мариона» отбросила нас от графика на двое суток.

Боцман доложил о последствиях встречи с «Марионой». Волнами разрушен «лягушатник» — бассейн для купания. На слипе полный разгром; «Дору» сорвало с кильблоков, но ботик укрепили, и волнам не удалось смыть «Дору» в океан. У Наташи Мадзибуры в шкафу побились стаканы, в лаборатории разбито несколько колб и банок. Вот и все шалости тайфуна.

В 12 часов по селектору передали информацию: «Продолжает штормить, ветер 9 баллов, море 7 баллов». И без информации чувствуем, что продолжает штормить, но это уже не так неприятно по сравнению с ночной болтанкой. До Сувы осталось 250 миль. Хорошо, если придем завтра к вечеру.

Пока еще не можем определиться по курсу, нужно ждать солнца.

19 января

Идем полным ходом к Суве. Утром 20-го будем уже на рейде. Вечером Григорий Михайлович Игнатьев сделал сообщение о Фиджи. После доклада в столовой показывали фильм «Дочки-матери». Но все разговоры — о Фиджи. Все ждут встречи с землей.

20 января

Как и на всех судах, на «Каллисто» старшего помощника — старпома — зовут чиф и, конечно, старшего механика почтительно величают «дедом». Дед — Борис Иванович Смолин и его команда заслужили самые высокие похвалы во время единоборства с «Марионой».

Машины работали безотказно.

На судне вахту несут по четыре часа. Самая тяжелая вахта с 4 до 8 утра. Естественно, ее должен нести самый опытный штурман. На «Каллисто» эту вахту всегда стоит чиф. Поэтому момент побудки всегда приходится на дежурство Владимира Яковлевича. Был бы радиоприемник, выключил его — и дело с концом. Но громкость селектора в каюте уменьшить невозможно, и голос старпома выполняет роль коллективного будильника.

Сегодня, вскоре после подъема, по селектору прозвучала команда чифа: «Боцману прибыть на бак». Значит, уже подошли к Суве и, раз вызывают боцмана, к причалу не потащут, а придется становиться на якорь.

Действительно, вскоре раздались очередные команды: «Отдать правый якорь!», «Пять смычек в воду!».

Слышно, как загрохотала якорная цепь. Пять смычек (это сто двадцать пять метров якорной цепи) ушли под воду. Когда все стихло, старпом дал последнее распоряжение: «На баке поднять шар». Увидят с проходящих судов черный шар на «Каллисто» и будут знать, что судно стоит на якоре.

Цель захода в столицу Фиджи город Суву — пополнить запасы продовольствия, питьевой воды, топлива и получить разрешение от местных властей провести работы на принадлежащем Фиджи острове Тотойя, до которого от Сувы всего двенадцать часов хода.

Температура двадцать пять градусов, пасмурно. На горизонте виден берег Вити-Леву, крупнейшего острова Фиджи. Остров гористый, покрытый лесом. Почти весь научный состав экспедиции собрался на верхней палубе, вглядываясь в видневшиеся километрах в трех от нас берега.

В составе экспедиции несколько человек, в частности профессора П. А. Каплин и Г. М. Игнатьев, бывали здесь раньше и сейчас рассказывали обступившим их новичкам, что можно интересного посмотреть в фиджийской столице за короткие часы стоянки.

На гафеле, как положено по протоколу, поднят государственный флаг Фиджи. В восемь утра подошел катер с лоцманом-фиджийцем. Потом прибыли карантинные власти, и мы подняли на мачте желтый флаг. Убедившись в стерильности судна и увидя, что каллистяне не собираются контрабандой провозить на Фиджи саженцы березок и сибирских елей, карантинные власти ушли, и желтый флаг с мачты спустили.

В бинокль можно рассмотреть стоящие у причала два судна. Сколько же нам придется болтаться на рейде? Второй штурман Станислав Скороходов предсказывает:

— Подойдем сразу же после обеда.

На верхней палубе ученые нервничают.

— Это же формализм, — слышится голос заместителя начальника экспедиции Александра Петровича Васильева. — Видно же, что у них целый причал свободен, неужели нельзя нас там поставить!

— Но мы же пришли с опозданием почти на двое суток, — резонно замечает Баденков, — А портовые власти, вероятно, ждут судно, прибывающее точно по расписанию.

Конечно, обидно. Не так уж много времени отводится нам на стоянку в Суве, и терять драгоценные часы никому не хочется. Мне с Бабаевым особенно. У нас по плану съемки на Вити-Леву десятиминутного сюжета для «Клуба кинопутешествий».

На палубе ко мне подошел Вадим Скулкин, отвечающий в экспедиции за исправность всех научных приборов. Вчера он получил из дома телеграмму, где упоминалось о моей корреспонденции с «Каллисто», опубликованной в «Правде». Значит, не зря старались и Павел Иванович и Валера, пробиваясь на связь с Владивостоком «ради нескольких строчек в газете».

Пока стоим на рейде, разрешите коротко познакомить вас с Фиджи. Государство Фиджи — это архипелаг из 350 островов, не считая атоллов и рифов, которых великое множество. На Вити-Леву приходится больше половины всей территории государства — около 10 400 км2. В столице Суве сосредоточены основные правительственные учреждения, здесь находится Сувинский университет Южной Пасифики, гостями которого будут наши ученые.

От Новой Зеландии с нами идет фиджийский ученый доктор Прасад, о котором я еще ни разу не упоминал. Доктор Прасад все эти дни вынужден был отсиживаться в каюте, так как ему в Окленде попала в глаз какая-то инфекция, причинявшая сильную боль. Врач экспедиции Валентина Петровна Князева применила все свое умение, чтобы доктор Прасад вступил на землю Фиджи здоровым. К счастью, ей это удалось. Доктор Прасад работает в фиджийском университете, и он обещал советским коллегам организовать насыщенную программу во время стоянки в порту Сува.

Среди полученных вчера радиограмм одна была адресована доктору Ватту. В телеграмме сообщали, что среди мошкары, пойманной на Рауле после нашего ухода поваром Джимом, обнаружено несколько ранее неизвестных ни на Рауле, ни в Новой Зеландии видов. Составители депеши прескверно отредактировали текст и поленились расставить в нем знаки препинания. Никто из нас так и не смог понять, то ли с «Каллисто» залетели какие-то букашки, то ли повар Джим, сам

того не ведая, сделал важное научное открытие. Доктор Ватт решил сохранить бланк с текстом телеграммы для будущих поколений ученых и популяризаторов науки.

Незадолго до обеда к борту «Каллисто» подошел на лодочке старый фиджиец. Бывалые моряки сразу же распознали в нем местного коммерсанта. На корме лодки разложены корзинки, наполненные кораллами, причем большинство кораллов аляповато раскрашены в зеленые, красные, фиолетовые цвета. Старик вынул из туго набитого мешка деревянный меч с надписью: «Фиджи». По кораблю разнесся клич: «Ченч притопал!» Русский перевод с этого немыслимого жаргона должен был означать: «Меняла приехал!»

Коммерсант за деревянный меч и раскрашенный коралл просил акулью челюсть. Конечно, никто меняться не стал.

После обеда нас никто не подумал поставить к причалу, и руководство экспедиции решило взять инициативу в свои руки. Прозвучала команда: «Отправляющиеся на берег пойдут на катере. Первой группе приготовиться».

Само собой разумеется, информационная группа попала в первую партию отъезжающих. Мы взяли с собой Александра Петровича Васильева. Человек он компанейский, веселый, к тому же обещал не мешать нам работать и довольствоваться маршрутом, выбранным по нашему усмотрению.

Центр Сувы, примыкающий к району порта, прямо-таки распирает масса магазинчиков и лавчонок, заполнивших любую щелку, даже просветы между домами. Почти на всех вывесках: «Фри шоп» («Свободная торговля»). Значит, здесь продают товары без пошлины. В центре нашелся уголок и для местной Венеции: на небольшой улочке домики с балюстрадами выходят на канал, в котором плавают удивительные по красоте рыбки — нежно-голубые, зеленые и ярко-красные.

Половина магазинчиков завалена различной бытовой техникой, в основном японского производства: радиоприемники, проигрыватели, миниатюрные счетные машинки.

Впритык к территории порта раскинулся знаменитый базар Сувы. Длинные ряды, где продают только овощи, а рядом — рыбный ряд. Около забора, прямо на земле — горы кокосовых орехов, ветки с зелеными бананами, поставленные на попа, связанные в пучки таро.

Та часть базара, где расположены ряды торговцев местными сувенирами, пожалуй, одно из самых посещаемых туристами мест фиджийской столицы. Уже на подступах к этим рядам нас встречали сидящие у лотков под большими зонтами мелкие коммерсанты, предлагающие купить отливающие всеми цветами

радуги раковины, покрашенные темной краской деревянные маски с непременной, вырезанной ножом надписью: «Фиджи».

На базаре можно приобрести по-настоящему редкие экземпляры раковин. Например, золотую каури. Среди коллекционеров она ценится очень дорого.

На базаре продают изделия из панциря черепахи, искусно сплетенные из соломки сумки и шляпы, и опять-таки каждая вещь подписана: «Фиджи» или даже «Привет с Фиджи», чтобы турист имел неопровержимое подтверждение своего пребывания на этом далеком тихоокеанском архипелаге.

Продают здесь из-под полы и раковины моллюска тритон. Добыча и продажа их запрещена законом, так как эти моллюски уничтожают морские звезды, известные под названием «терновый венец». За последние годы «терновый венец» превратился в бич коралловых островов. Не могу сказать, каким образом, но «терновые венцы» вдруг стали размножаться с необычайной быстротой, и многие тысячи этих морских звезд, естественно, отправились добывать себе пищу. Наиболее же для себя лакомым блюдом они считают кораллы. Когда полчища «терновых венцов» достигают кораллового рифа, то на другой день там, где на небольшой глубине еще вчера можно было видеть живые колонии кораллов, просматриваются лишь их белые скелеты. Мертвый коралловый риф легко разбивается океанским прибоем, незащищенный берег размывается водой, и остров обрекается на гибель. Вы знаете, что в районе Океании множество коралловых островов, большинство из которых обитаемы. И вот из-за «терновых венцов» над населением Океании нависла в полном смысле слова смертельная угроза.

Теперь вам понятно, почему на Вити-Леву и в других местах запрещено вылавливать красивые раковины, известные под названием «тритон», в которых живут моллюски, поедающие «терновые венцы».

Когда мы вышли с территории базара, вся свободная возле него площадь оказалась запруженной такси. Всего лишь полчаса назад их здесь не было. Васильев высказал предположение, что таксисты каким-то образом пронюхали о посещении базара тремя членами экспедиции «Каллисто» и сейчас, заявил он, все наперебой станут предлагать нам свои услуги. Его прогноз не оправдался: на нас никто даже не обратил внимания. Оказывается, таксисты ожидали прибытия теплохода с туристами.

Не успели оглянуться, как подошло время возвращения в порт: к 18.00 нам обещали подать местный катер, который должен доставить большинство каллистян на борт нашего судна.

Большинство, так как фиджийские ученые пригласили

нескольких человек на прием в университет. Поехали семь человек: Баденков, Каплин, Соколов, Григорий Михайлович Игнатьев, Ольга Григорьевна, наш доктор и я. Как представитель информационной группы я не мог не присутствовать во время первых контактов научных работников экспедиции с руководством и преподавателями дружественного нам университета.

Сувинский университет Южной Пасифики занимает на окраине столицы территорию в несколько десятков гектаров. Содержится учебное заведение на взносы десяти независимых островных государств региона. Юноши и девушки этих стран составляют полуторатысячный контингент студентов университета. Преподаватели в основном новозеландцы, австралийцы, фиджийцы. Есть канадцы, американцы и даже один итальянец.

Поводом для приема, как нам пояснили, было не то начало, не то окончание учебного года. Но я подозреваю, это служило лишь предлогом. Просто хозяевам хотелось, чтобы мы чувствовали себя раскованно и непринужденно среди незнакомых людей. А если тебе говорят, что все собрались не для того, чтобы поглазеть на тебя, а совсем по другой причине, то ты и ведешь себя соответственно. Скромно и просто. Если так было задумано, то наши любезные хозяева достигли желаемого результата. Вечер, проведенный в университетской среде, оказался очень приятным, домашним, что ли.

Прием проходил в помещении, сооруженном в стиле фиджийской хижины, крытом пальмовыми листьями. У входа водрузили на столе большую деревянную чашу, наполненную желтоватой жидкостью. Всем входящим деревянным черпаком наливали стакан напитка, напоминающего по вкусу сильно разбавленный яблочный сок с примесью какой-то горчинки.

Позднее, когда доктор Прасад и его коллега доктор Радж повезли нас ужинать в ресторанчик «Утлегарь мотель», там тоже все прошли через церемонию угощения этим лимонадом. И только услышав слово «яггона», произнесенное кем-то из сувинских ученых, я понял, что мне удалось попробовать овеянный легендами, наделенный мифической силой знаменитейший полинезийский напиток.

Яггона, его еще называют «кава», «ава» или «кауа», уже на протяжении многих веков обязательно подается во время религиозных и других церемоний на островах Южной Пасифики. В «Гавайском медицинском журнале» за январь — февраль 1966 года до поездки в Океанию я прочитал статью, где рассматривалось влияние яггоны на человеческий организм.

Авторы писали, что принятие 15 граммов яггоны, растворенной в половине литра воды, «ведет к приятной скованности корпуса тела с обострением органов чувств».

Авторы статьи указывали, что яггона широко используется в Новой Гвинее как обезболивающее средство при накалывании татуировок. Сейчас ведутся клинические исследования свойств этого напитка.

Зная, что завтра нам с Бабаевым предстоит совершить путешествие вверх по реке Реве к коренным жителям Фиджи, я надеялся увидеть своими глазами весь ритуал приготовления яггоны.

21 января

Наконец-то сегодня, в десять часов утра, нас поставили в порту вплотную к японскому научно-исследовательскому судну. Конечно, наши ученые тут же договорились с японскими коллегами об обмене визитами.

Мы и «японец», словно бедные родственники, примостились у торца причала, а парадное место оккупировал теплоход «Файрскай», плавающий под либерийским флагом. На борту «Файрская» четыре тысячи туристов.

Индустрия туризма поставлена в столице Фиджи на широкую ногу. Это вполне объяснимо, так как от иностранного туризма поступает довольно солидная сумма доходов в государственный бюджет молодой страны.

Мне приходилось видеть красочные проспекты, рекламирующие достопримечательности Фиджи, и в агентствах авиакомпаний и латиноамериканских стран, и Новой Зеландии, и столиц европейских государств. В них приглашали посетить «рай в Океании, где сервис несравним ни с каким другим уголком земли». И вот сейчас я могу наблюдать, так сказать, вплотную, фиджийский сервис. К причалу Кингс-уэйр, так называется порт Сувы, подходит очередной океанский лайнер, совершающий круиз по островам Океании. Духовой оркестр местной полиции, расположившись под громадным тентом, повинуясь взмаху дирижерской палочки, грянул приветственный марш. Музыкантская команда одета в парадную форму: красные камзолы с позолоченными пуговицами и белые юбочки до колен. И перед отходом туристских судов также приезжает оркестр и исполняет марши прощания. «Каллисто» так в Суве не встречали. Напротив, администрация порта даже заявила: «Не исключено, что «Каллисто» через несколько часов снова выведем на рейд, так как ожидаем еще одно судно с туристами».

Не знаю, что за встречи ожидают нас впереди, но во время предыдущих остановок до моего приезда, а также в Окленде и на Рауле наши высадки были начисто лишены туристского сервиса, как, впрочем, и положено судам, занимающимся серьезным делом.

Еще на подходе к стенке мы увидали два автобуса, стоящие около причала. На кузовах выведено: «Университет Южной Пасифики». Это за нами. На одном автобусе группа во главе с Владимиром Сергеевичем Соколовым отправится в полуторасуточное путешествие вокруг острова Вити-Леву. На втором автобусе группа Юрия Георгиевича Пузаченко отправится в район километров за шестьдесят от Сувы, чтобы в лесу взять образцы почв и собрать материал для гербария. Их автобус подвезет и нашу — третью группу до причала на берегу Ревы, самой крупной реки острова. Вместе с нами отправятся заместитель начальника экспедиции Васильев и еще два представителя науки: Павел Валерьянович Елпатьевский и Алексей Петрович Копцев — два спокойных, молчаливых, уравновешенных владивостокца.

По дороге к пристани водитель остановился на окраине Сувы, чтобы прихватить переводчика. Им оказался мужчина лет шестидесяти пяти, с седой бородкой и приятным добродушным лицом. Широко улыбаясь, переводчик представился:

— Дмитрий Николаевич Оболенский, очень приятно познакомиться.

Оболенский? Оболенский? В дореволюционной России фамилия Оболенских была довольно известна.

— Дмитрий Николаевич, — обратился я к нему, — вы, случаем, не относитесь к семейству князей Оболенских, связанных родственными узами с Львом Николаевичем Толстым?

— Совершенно справедливо изволили заметить, — подтвердил Дмитрий Николаевич, — Только я не могу причислить себя к прямым родственникам нашего великого писателя, а так, как говорится, седьмая вода на киселе.

Вторая дочка Льва Николаевича Толстого — Маша была замужем за одним из князей Оболенских — Николаем Леонидовичем. В 1906 году Мария Львовна умерла, Оболенский женился второй раз на Наталье Михайловне Сухотиной, падчерице другой дочки Толстого — Татьяны. Так вот, наш переводчик, Дмитрий Николаевич, был сыном князя Николая Оболенского и Натальи Сухотиной.

Пока мы ехали до пристани, Дмитрий Николаевич рассказал кое-что из своей биографии.

Родился он в 1916 году в поместье Пирогово,

принадлежавшем семье Толстого, а когда мальчику было девять лет, его отец, забрав семью, выехал из Советского Союза. Лет тридцать назад Дмитрий Оболенский добрался до Австралии, а затем поселился в Океании, где преподавал на разных островах в сельских школах. Потом подготовил курс лекций по русской литературе и несколько лет читал их в Сувинском университете, рассказывая о Чехове, Достоевском и, конечно, о Толстом: как-никак, а он все же косвенно причастен к судьбе семьи Толстого, хотя бы по месту рождения.

— Хотя формально я и не имею советского гражданства, — рассказывал Дмитрий Николаевич, — но считаю себя советским. Несколько лет назад мне, когда пришла пора похлопотать о пенсии, потребовалась метрика. Я пошел в советское посольство в Австралии, и консул обещал сделать запрос в село Пирогово, сказав мне при этом, что если в Пирогово сохранились церковные книги, то можно с уверенностью гарантировать получение копии документа о рождении. Признаться, я не испытывал подобной уверенности, и каково же было мое изумление, когда довольно скоро меня попросили зайти в консульство за пересланным из Пирогова документом.

Вот какие неожиданные встречи бывают иногда в самых далеких уголках нашей планеты.

Доехав до пристани, автобус высадил нас и проехал дальше с группой Пузаченко, а мы отправились искать наш катер. Катер арендовал Виктор Бабаев, так как только у представителя советского телевидения была графа в смете, предусматривающая расходы на наем транспорта в местах стоянок. К сожалению, ученые экспедиции таких возможностей почему-то были лишены, хотя я очень сомневаюсь, что десятикилограммовый рюкзак доктора наук Таргульяна весил меньше, чем десятикилограммовая кинокамера оператора Бабаева.

Договариваясь об аренде, мы рассчитывали получить в свое распоряжение пусть не очень комфортабельный, но все же катер, хотя бы с небольшой каютой или просто навесом (местные синоптики обещали на сегодняшний день кратковременные дожди и грозы).

Дойдя до берега реки (причала как такового здесь в действительности не существовало), мы увидали привязанную к колышку обычную лодку с подвесным мотором.

— Может быть, — высказал предположение Елпатьевский, — мы попали в другое место и причал находится ниже или выше по течению?

Но нет, наш сопровождающий, ученый университета Южной Пасифики микробиолог Джо Витинавулани подошел к сидевшему

в лодке малому, о чем-то спросил его на местном наречии, а потом, повернувшись к нам, пригласил занимать места, согласно, как говорится, купленным билетам.

А мы-то намеревались заплыть от Сувы миль за сто вверх по Реве! Видимо, на такой тихоходной посудине от первоначального плана придется отказаться. После небольшого совещания с Джо решили сделать остановку у первой попавшейся деревушки на исходе второго часа путешествия. Руководствовались, принимая такое решение, простой арифметической раскладкой имеющегося у нас времени. Главное — добраться до любого населенного пункта, не посещаемого туристами. Второе — успеть вернуться в Суву к согласованному с Пузаченко часу. И третье — самое важное — успеть отснять на кинопленку жизнь деревни.

Почему именно до пункта, не посещаемого туристами? Объяснение простое — хотелось увидеть не зрелище, подготовленное для праздношатающихся иностранцев, а такую, какая она есть на самом деле, деревню, посмотреть, как живут люди в обычной фиджийской деревне, без экзотических декораций туристического бизнеса.

Отлаженный туристический конвейер упомянул не случайно. Дело в том, что в сувинской программе мероприятия для туристов один из пунктов такой: «Посещение типичной фиджийской деревни Тамавуа. Три мили от Сувы. Осмотр хижин фиджийцев. Участие в обряде приготовления яггоны. Исполнение в честь гостей национальных фиджийских песен и танцев». Далее указывалась цена билетов для участников экскурсий. Конечно, если представится возможность, мы с Бабаевым обязательно побываем в показательной фиджийской деревне Тамавуа, но для нашего фильма, для советских телезрителей нам интересней снять не эту «клюкву».

Моторист, он же хозяин лодки, дернул за шнур, мотор взревел, и путешествие началось.

Вдоль левого берега, миль на двадцать, параллельно реке шла шоссейная дорога. Иногда видели, как по шоссе пролетали автобусы с туристами. Но мы-то знаем, что самый дальний туристский маршрут этого района кончался как раз в месте, куда было проведено шоссе, то есть всего лишь в двадцати километрах от Сувы. Мы же намеревались идти дальше, чтобы быть вне досягаемости потока экскурсий.

Река довольно широкая: около места нашего старта, возле крупнейшего моста Фиджи — Тамавуа Хейгтс, примерно метров шестьсот от одного берега до другого. При выходе из города обратили внимание на стоящее высоко на холме красивое, похожее на средневековый замок здание. Спросили у Джо, как

называется этот замок. Он удивленно посмотрел и, улыбнувшись, ответил, что это не замок, а водонапорная башня города Сувы.

Вскоре по берегам потянулись плантации бананов, сахарного тростника, кокосовых пальм. Далеко впереди виднелись чуть прикрытые облаками синеватые, заросшие лесами горы.

Пейзаж был довольно однообразный, и, чтобы занять время, решил порасспросить Джо о его жизни. Джо родился в крестьянской семье. Отец отдал его учиться, и мальчику удалось блестяще закончить сначала школу, потом лицей и получить право на государственную стипендию для продолжения образования в Лондоне. Четыре года назад он вернулся на родину и с тех пор преподает в местном университете. У Джо большая, по нашим понятиям, семья: жена и четверо детей.

Движение по Реве небольшое. Изредка проплывет лодка, нагруженная кокосовыми орехами, а однажды прямо перед нами пересекла дорогу моторка, перевозившая на другой берег группу школьников. В этом районе, пояснил Джо, имеется одна школа, и дети, которые живут в деревнях на противоположном берегу, должны до и после занятий совершать путешествия на лодке.

То в одном, то в другом месте мы видели женщин, стоявших по пояс в реке и при нашем приближении с визгом и смехом окунавшихся с головой в воду. Бабаев, решив снять несколько планов сельских купальщиц, попросил моториста подойти к ним поближе. Но когда тот выполнил просьбу, Виктор в растерянности опустил аппарат, так поразил его вид ныряльщиц. Лица их были вымазаны толстым слоем серой краски, на фоне которой выделялись лишь белки глаз да белоснежные зубы. Женщины стояли в воде не в купальниках, а в платьях. Оказалось, они собирали моллюсков, напоминающих наши черноморские мидии. Простоять несколько часов у воды под палящими лучами солнца довольно рискованно — солнечных ожогов не избежать. Вот женщины и обмазывают лицо глиной, как бы закрывая его косметической маской. За три-четыре часа работы одна женщина собирает корзину моллюсков, а это — существенное дополнение к рациону фиджийского крестьянина, заменяющее столь редкое в его меню мясо.

Два часа путешествия пролетели незаметно. Пора было приставать к берегу для запланированной экскурсии в деревню. Решили высадиться в первой, которая попадется на пути.

Заметив двух мальчишек, удивших рыбу, Джо спросил, далеко ли до ближайшей деревни и как она называется. Мальчуганы, испуганно посматривая на киноаппарат Бабаева, ответили, что за поворотом реки есть деревня и называется она Накини.

Джо попросил нас подождать у лодки, а сам отправился на розыски старосты, чтобы получить у него разрешение на посещение деревни. По местным обычаям, незнакомым людям неприлично входить в чужую деревню без согласия хозяев.

Староста, как и следовало ожидать, ничего не имел против нашего визита. В сопровождении ватаги ребятишек мы стали подниматься по крутому берегу.

Накини — деревня небольшая, живет в ней около четырехсот человек. Значительная часть взрослого мужского населения работает в Суве и домой приезжает лишь на субботу и воскресенье. Есть здесь начальная школа и, как водится, своя церковь — самое большое здание Накини, правда отличающееся от остальных деревенских домов лишь размерами.

Староста провел нас по деревне, показал небольшие участки полей, огороды. На деревенской площади мы с удивлением увидели несколько сотен пустых пивных бутылок, аккуратно сложенных в штабель. Оказывается, бутылки остались после празднования Нового года, но катер, который должен был забрать стеклотару, так и не пришел, а пустая бутылка стоит денег, и никто не станет выбрасывать ее. У крестьянина каждая копейка на счету.

Хотя многие жители деревни работают в городе, сельское хозяйство все же остается главным источником средств к существованию для жителей Накини.

Почва здесь очень плодородная. Недалеко от дома старосты нам показали сотку земли, огороженную прутиками. Это опытный участок, где выращивают лимонные деревца. Хотите верьте, хотите нет, но вот что нам рассказали: в землю сажают лимонное семечко и уже к концу пятого месяца из него вырастет деревце, которое начинает плодоносить. В это трудно поверить, но мы видели своими глазами тонкий, всего лишь в метр высотой, стволик с несколькими веточками, на одной из которых покачивался золотистый лимон.

Большая часть огородов выделена под выращивание таро. Участки окружены кокосовыми пальмами, но доход от копры не главное поступление в семейный бюджет крестьянина Накини. Прибыль от продажи копры идет в общий котел и расходуется на общественные нужды. Например, недавно в Накини совместными усилиями построили водозаборную колонку, купили мотор, трубы, и теперь жители пользуются собственным водопроводом, которым очень гордятся, хотя кран один на всю деревню.

В деревне поддерживается чистота и порядок, газоны между домами аккуратно подстрижены, и всюду виден хозяйский глаз. То же самое можно сказать и о крестьянских домах. Помещения

очень аккуратные.

Когда подошло время обеда, староста пригласил гостей в его дом перекусить, а уж потом трогаться в обратный путь. Жена старосты уже «накрыла на стол» — постелила скатерть на разложенную на полу циновку и расставила тарелки с таро, вареной маниокой и моллюсками. Мы вспомнили о нашем сухом пайке, и Елпатьевский притащил рюкзак, добавив к традиционному крестьянскому меню полбуханки белого хлеба и две банки свиной тушенки. Сидели мы «у стола» на полу, поджав ноги. Прежде чем войти в дом, каждый снимал у входа ботинки, и по жилому помещению хозяева ходили босиком, а мы в носках. Так принято в большинстве стран Востока, так принято и здесь, на островах Фиджи.

Подражая гостям, мы расселись поджав ноги, на циновке, по периметру скатерти. Первые несколько минут поза показалась нам удобной, затем, лично у меня, затекла правая нога. Незаметно оглянулся по сторонам. Самочувствие Елпатьевского, как мне показалось, не многим отличалось от моего, и мне почему-то стало от этого чуть легче. Прошло еще минут пять. Начала ныть левая нога. Повернулся в сторону Копцева и встретил его взгляд, в котором читалось страдание.

— А вы, — пришел на помощь Джо, — не стесняйтесь, устраивайтесь, как вам удобно.

Все моментально последовали вовремя поданному совету и с большим аппетитом принялись уплетать моллюски и отварную маниоку, закусывая плодами папайи и запивая обычным чаем.

Обед продолжался около часа, и Елпатьевский с Копцевым забеспокоились: удастся ли выполнить план намеченных на сегодня работ?

Однако на обратном пути они были вознаграждены. Когда моторка задержалась у обрывистого, заросшего густой растительностью берега, Копцев разглядел в чащобе шестиметровый экземпляр древовидного папоротника. Получив согласие Джо, Елпатьевский и Копцев срубили папоротник и доставили ствол облюбованного дерева на борт лодки, значительно ухудшив этим ее остойчивость. До так называемого причала дошли благополучно.

Только мы успели выгрузить имущество, как подошел автобус с группой профессора Пузаченко. Сначала нашли место в автобусе для драгоценного ствола древовидного папоротника, затем кое-как уселись сами и в порт приехали ровно в 19.00, когда на «Каллисто» уже поднимали трап. Внезапно начался тропический ливень. Разгружались и прыгали с причала через борт при проливном дожде. Капитан должен был выполнить

просьбу начальника порта — уйти на рейд не позднее 19.00. Если бы наш автобус задержался в пути еще минут на десять, то, кто знает, когда бы нам удалось добраться до своих кают.

И вот «Каллисто» снова на рейде, а группа Шорникова опоздала. Лишь поздно вечером, продрогших, промокших до нитки членов «морской группы» доставили попутным катером на «Каллисто». Ох уж и досталось Евгению Ивановичу Шорникову от Баденкова!

22 января

Вместо обещанных одиннадцати часов утра лишь в час дня разрешили снова подойти к стоянке. А Баденков еще вчера пригласил посетить «Каллисто» руководителей Сувинского университета и представителей местных властей. Гости приехали вовремя, как их просили, ровно в полдень, походили-походили по причалу, посмотрели на стоявшее далеко-далеко на рейде судно и разошлись по домам. Дипломатический прием сорвался. Когда опустили трап, по нему поднялся лишь один смущенный и расстроенный доктор Прасад. Конечно, вины нашей не было, но чувствовал себя Баденков прескверно.

Доктор Прасад, выслушав рассказ о вчерашней поездке, огорчил меня, указав на существенную промашку в нашем поведении. Оказывается, мы должны были бы привезти с собой в деревню корень яггоны и преподнести его старосте деревни. Нечто вроде нашего хлеба-соли наоборот, когда не гостям, а гости подносят хлеб-соль (яггону).

К вечеру в гости на «Каллисто» пришел переводчик Оболенский. «Князь» с удовольствием поужинал вместе со всеми в столовой, особенно налегая на окрошку. Рассказывал о своих планах: надеется получить место учителя на одном из островов Фиджи и поработать там, пока хватит сил. Лекций в университете сейчас он уже не читает, а зарабатывать нужно, так как пенсия мизерная, на нее не проживешь, и к тому же, сказал он, привык всю жизнь трудиться.

Поздно вечером прибыла из путешествия вокруг острова группа академика Соколова. Им удалось увидеть гигантскую стаю летучих лисиц рукокрылых. Ряд особей достигал в размахе крыльев метровой величины. День животные проводят на деревьях, повиснув на ветках вниз головой, причем ведут себя довольно шумно, а ночью вереницей тянутся на фруктовые плантации, потому что крылатые лисицы — убежденные вегетарианцы и круглый год питаются исключительно свежими фруктами. Обнаружив присутствие наших ученых, вся стая,

покинув дневку, поднялась в воздух. Это было неописуемое зрелище, когда сотни животных, покрытых темно-бурого цвета мехом, тяжело взмахивая крыльями, летели над головой. Вероятно, наши далекие предки испытывали то же, наблюдая за стаями круживших над ними птеродактилей.

23 января

Сегодня воскресенье, четвертый день пребывания в порту Сувы. На двое суток больше запланированного срока. И воду, и продукты, и топливо давным-давно погрузили, но до сих пор нет разрешения местных властей на работы в районе острова Тотойя. Если и в понедельник не получим разрешения, то во вторник уйдем из Сувы на один из островов государства Тонга.

Пришло еще одно судно с туристами, под английским флагом. Когда вчера мы с Виктором возвращались на «Каллисто», то волновались, опасаясь, как бы «наш дом» опять не увели на рейд. Успокоились, лишь когда увидели за пакгаузом развевающийся на гафеле вымпел Академии наук СССР.

Доктор Ватт пригласил Баденкова, Ольгу Григорьевну и меня провести вечер у его друга — работника одной, из организаций ЮНЕСКО доктора Джорджа Страйда.

Доктор Страйд англичанин, а его жена — фиджийка. Живут они с сынишкой лет семи в небольшой квартире на третьем этаже малогабаритного дома. В семье поддерживается английский уклад жизни, по крайней мере, я заметил только одно фиджийское правило: прежде чем войти в комнату, все снимают туфли и ботинки. Посидели, поговорили, прослушали отличные пластинки классической музыки. Было по-английски скучновато, но все же очень приятно почувствовать домашний уют. И мы были благодарны Джорджу Страйду и Джеймсу Ватту за этот вечер.

24 января

Доктор Прасад выполнил обещание и прислал в наше распоряжение университетскую машину. Виктор получил возможность завершить программу: снять все намеченные объекты.

Мне очень хотелось посмотреть, что же из себя представляет «посещение типичной фиджийской деревни Тамавуа». По карте нашли место, где находится деревня, сели в машину и поехали, зная, что за час до нас туда же отправилась на трех автобусах партия туристов.

Выехав за город, мы увидели справа от дороги несколько

крытых пальмовыми листьями хижин, выстроенных по периметру небольшой площади — продолговатого четырехугольника. Чуть в стороне стояла длинная постройка — помещение для собраний жителей деревни. Оттуда доносились звуки барабана и мелодия ритмичной песни. Так как билетов у нас никто не спрашивал, подошли поближе и заглянули внутрь. Там на скамейках сидели туристы, а в глубине сарая на небольшом возвышении танцевала под аккомпанемент ударных инструментов группа типичных деревенских жителей Фиджи, облаченных в национальные костюмы. Время от времени самые восторженные из зрителей вскакивали с мест, выбегали на сцену и тоже пускались в пляс, неумело подражая местным артистам. Веселье выглядело каким-то нарочитым, искусственным. Казалось, туристы поставили перед собой цель во что бы то ни стало полностью отвеселиться на всю, до последнего цента уплаченную за билет, сумму.

Выйдя из помещения, прошли на деревенскую площадь, не ожидая встретить в хижинах жителей. Каково же было наше изумление, когда, заглянув в одну из них, увидели женщин, занимавшихся приготовлением пищи, и ребятишек, ползавших по циновкам. Одним словом, хижины оказались обитаемыми. Там по-настоящему жили люди.

Впрочем, слово «по-настоящему» к данной ситуации не совсем подходит. Люди действительно жили в деревне Тамавуа, но в этом и заключалась их работа. Они жили в этих хижинах специально для того, чтобы ежедневно, в течение целого рабочего дня давать возможность туристам ходить от одного дома к другому, заглядывать в окна и глазеть на типичную жизнь фиджийского крестьянина. Когда мы заглянули в одну из хижин, то находившиеся там две женщины ни разу не обернулись в нашу сторону. И я понял, что если на площадке появляются обвешанные фотоаппаратами туристы, эти женщины считают, что к ним прибыла очередная группа, и не обращают на нее ни малейшего внимания. Однообразие всегда навевает скуку, а праздные туристы ничем не отличаются друг от друга.

Мы все же засняли деревню на пленку, сказав себе: «Это мы покажем на экране, но не как «типичную фиджийскую деревню», а как туристский аттракцион.

Баденков с Ваттом и Ольгой Григорьевной были в фиджийском министерстве иностранных дел и там обещали завтра ответить, дадут нам разрешение для проведения работ на Тотойе или нет. В любом случае завтра уйдем из Сувы.

25 января

К причалу подошел «Шота Руставели». Наш пароход вместе с командой и обслуживающим персоналом арендован австралийской туристической фирмой на несколько месяцев. Одним словом, выполняет роль океанского извозчика. У моряков с «Каллисто» на «Шота Руставели» много знакомых и друзей. Боцман попросил у коллеги с «Шота Руставели» два бочонка белил. За время переходов краска на наших палубных надстройках пожелтела, местами облупилась, необходимо привести судно в порядок.

К сожалению, Тотойю нам не дали, хотя до конца рабочего дня ждали разрешения из министерства иностранных дел.

В 19.30 по селектору голос Владимира Яковлевича Осинного: «Палубной команде приготовиться к отшвартовке». И затем: «Палубной команде к местам швартовки стоять». И уже хорошо знакомые мне: «Отдать носовой продольный!», «Отдать кормовой продольный!».

И наконец: «Отдать шпринг!»

Медленно разворачиваясь, корабль наш выходил из Сувинского порта. Все мы опять собрались на верхней палубе, говоря «до свидания!» доктору Прасаду, «до свидания!» фиджийской земле!

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

В планы исследований на «Каллисто» не входило изучение острова Вити-Леву, так как он не укладывался в нашу концепцию «остров-модель», да и, чтобы изучить такой большой остров, потребовалось бы несколько месяцев. Однако во время вынужденной стоянки ученые не могли сидеть сложа руки, на острове можно было собрать хороший сравнительный материал по тропической природе.

Нужно сказать, что наши исследования проводились на каждом острове по нескольким линиям. Например, мне, как геологу, специалисту по рельефу, важно было получить общее представление о геологическом строении и рельефе каждого острова. Эти представления, особенно данные о возрасте поверхности островов, служили базой, точкой отсчета для других специалистов экспедиции. Я стремился осмотреть на каждом острове каждый уголок, забраться на его вершину и осмотреть все окрестности, при этом, конечно, отбирал всюду образцы горных пород, материал для определения в дальнейшем абсолютного

возраста геологических образований. Часто мне приходилось присоединяться к отряду Шорникова и опускаться в акваланге под воду, чтобы осмотреть «подножье» острова.

Нередко ко мне присоединялись другие специалисты, и чаще других — Григорий Михайлович Игнатьев. Он ландшафтовед, его задачей было составление общей ландшафтной карты острова. Если с моих исследований как бы начиналось изучение острова, то ему предстояло синтезировать результаты работы всех специалистов, выразить многообразие данных по природе островов в ландшафтной карте и описаниях.

По-другому строилась основная работа Виктора Оганесовича Таргульяна. На основании предварительных материалов он выбирал наиболее типичные, ключевые участки и изучал в их пределах почвенный разрез. В строении почв отражаются многие особенности природы: климат, характер растительности, материнские породы, рельеф. Великий русский географ В. В. Докучаев говорил: «Почва — зеркало ландшафта». Поэтому в экспедиции придавалось большое значение почвенным исследованиям.

Подобная же тактика исследования ключевых участков территории применялась ботаниками и зоологами.

Наиболее подробные и трудоемкие работы проводила группа Юрия Георгиевича Пузаченко. На каждом острове они закладывали так называемый профиль, то есть шли с исследованиями по прямой линии, пересекающей или весь остров, или хотя бы большую его часть. На профиле через каждые десять метров проводилось описание почв, определялась их влажность, плотность, кислотность. В этих же точках измеряли климатические характеристики, специальным фотоаппаратом с земли фотографировали кроны деревьев (оценивалась густота полога деревьев), подсчитывали количество различного типа деревьев.

Это была трудоемкая работа: она велась в густом, влажном тропическом лесу. Очень тяжело было на каменистых склонах рыть почвенные ямы. Однако работа вознаграждалась сторицей. Благодаря тому, что все измерения проводились по стандартной методике, по каждому из островов Пузаченко и его товарищи получали сравнимый набор данных. В дальнейшем эти данные обрабатываются методами математической статистики.

Я рассказал здесь, конечно, об общих принципах построения наших исследований, которые дополняли друг друга. В зависимости от природной обстановки наша методика видоизменялась, и мы меняли тактику.

На Вити-Леву мы, так же как и на других островах,

разделились на несколько групп: Пузаченко выбрал участок тропического леса и провел там детальные исследования. Для почвоведа Таргульяна очень важными были наблюдения за красными, богатыми железом почвами, которые образуются в различных условиях тропиков и которые широко распространены на Вити-Леву. У многих исследователей тропической зоны возникает вопрос, каким образом накапливается железо на карбонатных атоллах? Подсчитано: для того чтобы сформировался метровый слой краснозема, должен быть переработан слой известняка в несколько сот метров. Однако по целому ряду признаков мы знаем, что такой мощной переработки в большинстве случаев не происходит. Высказывалось предположение, что железо заносится в почвы при вулканических извержениях. Но все вулканы на островах Фиджи потухли до возникновения современного слоя почв. Словом, красноземы — сложная научная загадка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наикокосовейший из всех кокосовых островов

26 января

Именно так переводится на русский язык название острова Ниуафооу, входящего в состав королевства Тонга, острова, к которому сейчас направляемся. Не на всех картах можно найти Ниуафооу, поэтому для тех, кто вздумает отправиться в самостоятельное плавание до Ниуафооу, сообщу его координаты: 15 градусов 36 минут южной широты, 175 градусов 38 минут восточной долготы. А кто не очень хорошо разбирается в градусах и минутах, пусть ищет его примерно в двухстах километрах к северу от крайнего из островов группы Вавау.

А вообще, если поискать на карте юго-западной части Тихого океана, то можно легко обнаружить королевство Тонга, состоящее из трех групп островов — Тонга-тапу, Хаапай, Вавау и нескольких других, разбросанных на значительном расстоянии от трех упомянутых групп. В число этих других и входит Ниуафооу.

Откровенно говоря, в этих названиях запутаться очень просто. Особенно если вы вздумаете выяснять, как же называется тот или иной остров у местных жителей. Возьмем, к примеру, Ниуафооу. Тонганцы часто называют его просто «Ниуа». Но есть в этом районе остров Ниуэ, никакого отношения к королевству Тонга не имеющий. А еще есть остров Ниуатопутапу, который тонганцы тоже называют «Ниуа». Покупает, скажем, пассажир билет до Ниуэ, а его доставляют на остров Ниуатопутапу! Хорошо, что штурманы на «Каллисто» ведут наше судно, пользуясь официальными картами, а каково было древним мореплавателям, полагавшимся на сведения, сообщенные им

местными жителями!

Ниуафооу — островок небольшой, довольно необычный по форме. Представьте себе бублик, диаметром десять километров и толщиной примерно два километра. Дырка бублика заполнена пресным озером Ваи-Лахи, на ровной глади которого лежат два островка, и на одном из них, в свою очередь, находится небольшое озеро.

Возник Ниуафооу на вершине гигантского вулкана, поднявшегося с двухкилометровой глубины Тихого океана. За последнее столетие вулкан трижды просыпался и буйствовал. Последнее мощное извержение лавы наблюдалось в 1946 году, а последнее землетрясение — лет десять назад.

Несколько слов о королевстве Тонга в целом. Как в любом королевстве, на Тонга есть король — глава государства. Генеалогическое дерево династии современного короля прослеживается до десятого века нашей эры, то есть согласно вполне достоверным и подтвержденным сведениям десять веков королевству уже исполнилось.

Хода от Сувы до Ниуафооу около двух с половиной суток. Пока океан спокоен, и жизнь на «Каллисто» течет тоже размеренно, без каких-либо происшествий. В такой обстановке люди несколько расслабляются (по крайней мере, так считает судовое начальство), и чиф решил немного встряхнуть команду, напомнить ей, что мы не в доме отдыха и даже не на теплоходе с туристами, который ходит, как поезд по железнодорожной колее, от одного порта к другому. Не мешало напомнить, что «Каллисто» вынужден брести по нехоженым дорогам и ни штурманы, ни капитан не знают, какие сюрпризы ожидают их впереди. Так что расслабляться никак нельзя.

И вот перед ужином неожиданно прозвучали один за другим сигналы тревоги. Сначала пожарной, потом водяной и напоследок аммиачной. Все отдыхавшие от вахты члены экипажа бежали к своим постам, разворачивали пожарные шланги, надевали спасательные пояса, готовые в любую минуту спустить на воду все ботики, шлюпки, катера. К счастью, ничего спускать не потребовалось, рубить пожарными топорами стальные мачты не стали и прыгать в спасательных поясах за борт не собирались, так как все три тревоги были учебные.

После отбоя старпом провел тщательный разбор ошибок каждого из членов экипажа. Разбор получился лаконичный, так как, на мой взгляд, все действовали слаженно, четко и безошибочно. Что такое пожарная и водяная тревоги, я полагаю, читателям ясно. А вот об аммиачной тревоге, вероятно, мало кто слышал. Попробую коротко объяснить, что это за штука. На

«Каллисто» есть холодильные установки — рефрижераторы. Их обслуживает даже специальный механик, и его должность так и называется — рефмеханик. Важная роль в холодильном хозяйстве отведена аммиаку. Если какая-то из труб, по которой течет аммиак, лопнет, то запах по судну разносится отвратный, к тому же пользы человеческому организму аммиак не приносит. «Аммиачная тревога» объявляется при утечке аммиака. Теперь вам понятно, как важно в таких случаях действовать слаженно, четко и безошибочно?

Около семи часов направился в радиорубку отдавать очередную корреспонденцию. Дежурил Валера. Он уже вытащил магнитофон, наладил его, готовясь принимать блинд. Я вошел как раз в «минуту молчания». Это просто название «минута молчания», а на самом деле не минута, а три минуты. В определенный отрезок времени дважды в час радиостанции на всех судах и кораблях, бороздящих океаны и моря земного шара, прекращают работу. В это время в эфир могут выходить только радиостанции, передающие сигналы бедствия. Так с 15 до 18 минут и от 45 до 48 минут каждого часа проходит «минута молчания». Если вам придется побывать в корабельной радиорубке, обратите внимание на циферблат часов, там два сегмента, по три минуты каждый, отмечены красной краской. Это и есть «минута молчания».

Сегодня радиограмм поступило не так уж много, и мне, как всегда, никто ничего не написал. Конечно, бывает каждый раз чуточку обидно, особенно если по рации, зачитывая список счастливчиков, на чье имя получены радиограммы, произнося фамилию «Игнатьев», добавляют: «Григорию Михайловичу». Естественно, как и везде у нас, тайна переписки на «Каллисто» охраняется законом, но иногда Павел Иванович не выдерживает и, принимая какую-нибудь радиограмму, нет-нет да и начинает ворчливо комментировать ее. Причем ворчание его добродушное, даже когда принимает депеши, адресованные одной из наших девушек, которой кто-то шлет, причем почти ежедневно, большие радиограммы... в стихах. Может быть, Чистов предпочитает прозу, а может быть, литературное качество стихов не вызывает у него восторга, но Павел Иванович, упорно выстукивая на машинке расшифрованные точки и тире, сознательно идет на нарушение законов стихосложения и печатает, так сказать, белым стихом, помещая в одну строчку телеграфного бланка две, а то и три рифмованных стихотворных строчки.

В сегодняшнем блинде в нескольких радиограммах упоминалось о тайфуне «Мариона». Значит, мой материал о тайфуне газета опубликовала.

Только успел вернуться в каюту, как вошла младший научный сотрудник Наташа Богданова, очень славная девчушка с косичками. На «Каллисто» Наташу ее коллеги- ученые называют ласково «муха-цокотуха». Богданова недавно окончила Владивостокский университет, и это ее первый рейс. Наташа пригласила меня прийти вечером на верхнюю палубу, где она будет отмечать свой день рождения. Ей исполнилось двадцать пять лет!

Все приглашенные собрались в 21.00 по судовому времени. Над нами звездное небо, воздух теплый, чуть дует легкий ветерок, волны фосфоресцируют, а посмотришь вверх — мачты уходят в темноту. На палубе звучит музыка и кружатся танцующие пары. Необычно и по-настоящему красиво.

Имениннице преподнесли подарки. Наташа работает в группе Евгения Ивановича Шорникова, и от его группы Иван Арзамасцев подарил Наташе прекрасный коралл, укрепленный на подставке из кокосового ореха.

Вчера, заглянув на кормовую палубу, видел, как Иван вместе с Сашей Нечипоренко над чем-то сосредоточенно трудился, что-то подчищал, выпиливал. Оказывается, готовили подарок для Наташи.

Очень трогательное внимание. Доктор Чарлз Ватт, также приглашенный на праздник, сказал:

— Прекрасно, разве можно сравнить подобный вечер с вечерами на туристских пароходах? Здесь же настоящий вечер из сказки.

Безусловно, воспоминания об этом дне рождения останутся у Наташи на всю жизнь.

27 января

Погода стоит хорошая. Океан необычайно спокоен, и боцман Юрий Педьков решил, что грешно было бы упускать такой момент. Все свободные от вахты матросы палубной команды получили задание: приступить к покраске. Сейчас полным ходом красят коридоры жилых помещений.

Утром Сергей Алимов повел меня в свою каюту показать добытую им у острова Багоман тридакну. Он целый месяц выдерживал раковину в каустике и снял с нее весь нарост известняка. Сейчас раковина аккуратная, матовой белизны. Сережа собирается во время отпуска отвезти ее на родину, в город Славянск, и подарить местному музею.

Зайдя на капитанский мостик, обратил внимание, что эхолот почему-то отключили. Оказывается, наш эхолот «Кальмар»

способен регистрировать глубины лишь до двух тысяч метров. Сейчас же под нами значительно глубже, так что включать эхолот бесполезно. Подошел Баденков и пригласил зайти к нему в каюту. У нас уже вошло в привычку: раз или два в день Баденков готовит кофе по-турецки.

Во время сегодняшней кофейной церемонии зашел старпом Владимир Яковлевич, принес Баденкову рапорт с просьбой объявить благодарность за работу по высадке на Рауль группе членов экипажа, а также профессору Каплину и водолазу Ивану Арзамасцеву. Благодарности получили оба Сергея, Алимов и Козлов, помогавшие нам, и Виктор Прондяев. Между прочим, Баденков уже составил группу по высадке для работы на Ниуафооу. Высаживаюсь с первой группой вместе с Баденковым и Ольгой Григорьевной Гусаковой. Уже по установившейся традиции утверждена информационная группа. На этот раз в помощь Бабаеву выделили матроса Бронислава Ткачука.

Первый помощник скрупулезно следует составленным им планам. Сегодня пришлось выступить с третьей лекцией. На этот раз рассказал о работе «Правды»: как делается газета, о сотрудниках, как «Правда» печатается, какие у редакции планы на этот год. Уже под конец лекции в зал вошел плотник Саша Носков. Носков человек очень исполнительный и работящий. Пока не закончит работу — с палубы не уйдет. Сегодня с утра Носков возился на корме — ремонтировал наш «лягушатник», поврежденный тайфуном. Раз Носков пришел в зал, значит, работа закончена и можно опять принимать морские ванны. Жаль только, что после купания нельзя ополоснуться пресной водой. Пресной воды на «Каллисто» мало. Пресная вода — дефицит. Вероятно, с завтрашнего дня на умывание будут давать один раз в сутки лишь по графину воды. Надежды же на пополнение запасов пресной воды на острове Ниуафооу очень слабые, если не сказать призрачные.

После ужина зашел на мостик посмотреть по карте, сколько миль осталось до Ниуафооу. Определение места судна для штурмана задача простая. Можно определиться по солнцу, можно определиться по звездам (конечно, когда солнце и звезды не закрыты облаками). Каждый штурман заполняет свою тетрадь, которая называется «Бланк астрономических вычислений по ТВА-57». «ТВА-57» — это таблица для вычисления высоты и азимута. А для непосвященного таблицы сложны и абсолютно непонятны.

При определении места судна еще используют Морской астрономический ежегодник, который издается Институтом теоретической астрономии Академии наук СССР больше

полувека.

Третий штурман Валерий Петров объяснил мне, что отклонение при определении места судна допустимо примерно до трех с половиной миль. На обжитых морских дорогах отклониться на три — три с половиной мили не так уж страшно. Каждая банка, каждый риф нанесены на карту, обмерены и изучены.

Но мы же почти первопроходцы, и у наших штурманов забот хватает.

Днем с мостика ведут визуальные наблюдения, а когда стемнеет, включается радиолокационная система. Вот так и идет «Каллисто» к острову Ниуафооу. По карте видно — до острова осталось миль восемьдесят. Значит, завтра утром предстоит, очередная высадка. То, что на берегу не будет оркестра, все знают наверняка. Но вот есть ли там причал — этого никому знать не дано. Вот что говорится в лоции про Ниуафооу: «Административным центром является селение Ангаха на северном берегу. У низкого скалистого мыса, являющегося северной оконечностью острова, построен небольшой причал, на котором установлен кран. В тихую погоду на причал удобно высаживаться. Против причала на берегу стоит склад с красной крышей для хранения копры, вблизи которого находится дом управляющего островом. Малые суда становятся на якорь в 185 метрах от берега против селения Алелеута».

Но «Каллисто» нельзя считать малым судном, значит, якорь придется бросить не в 185 метрах от берега, а значительно дальше. И притом сохранился ли причал — неизвестно. Впрочем, как говорится, утро вечера мудренее. Завтра все прояснится.

28 января

«Каллисто» — в дрейфе, и машины работали на холостом ходу. Примерно в миле от левого борта виднелись высокие, покрытые ярко-зелеными кокосовыми пальмами берега острова. А на капитанском мостике склонился в раздумье над картой наш кормчий Евгений Карпович Микульчик. Рядом молча стояли старпом Владимир Осинный и третий штурман Валерий Петров.

— Если лоция не врет, то высадку можно производить только здесь, у северного побережья острова. — Капитан выпрямился, взял бинокль и вышел с помощниками на палубу.

— Белые домики на берегу, — заметил старпом, — видимо, и есть селение Ангаха, а вот причала не вижу, хотя, судя по лоции, на восток от селения должен находиться причальчик с краном. Впрочем, что гадать-то, спустим «Дору» и проведем разведку.

Минут тридцать спустя корабельный ботик, прыгая по волнам, уже шел к берегу Ниуафооу.

Причала не оказалось, и волны непрерывно бились о скалистый берег, подойти к которому, не говоря уж о высадке, не представлялось никакой возможности. Несколько местных жителей, появившихся на крутом обрыве, стали показывать знаками, что попасть на остров можно, подойдя к его противоположной стороне. Вернувшись, старпом доложил обстановку. Решили попытать счастья у южного берега, и, дабы не терять времени, начальник экспедиции распорядился заодно произвести высадку первой группы.

Было два часа дня, когда мы обогнули Ниуафооу и по селектору был отдан приказ первой группе спуститься на «Дору». Баденков, Ольга Григорьевна и я перебрались по штормтрапу на ботик, и «Дора» опять пошла к берегу. Там уже собралась толпа человек тридцать, причем среди встречавших нас не было ни одной женщины. Через причал — выступавший на два десятка метров в море прямоугольник, сложенный из камней,— перекатывались волны, и от экипажа бота требовалось большое искусство, чтобы очередной массой воды нашу посудину не швырнуло на очень неприветливо торчащие камни. Видя затруднительное положение гостей и правильно оценив обстановку, прямо с причала, как были в одежде, прыгнули в воду несколько человек. Один миг, и трое из них уже перевалились через борт. Что делать? Судя по всему, на «Дору» пожаловало все местное начальство. Значит, вопросы, связанные с высадкой ученых, можно решить с ними на «Каллисто». И мы решили вернуться с гостями на судно.

— Ниу Тауфа, офицер полиции острова, — представился самый солидный из них.

— Саймон Кенете Ката, — назвал свое имя молодой, стройный парень лет двадцати, полицейский острова.

Третий, юноша атлетического сложения, с вьющимися волосами, ниспадавшими на плечи, одетый лишь в немыслимо рваные штаны до колен, не сказал, как его зовут, а только молча улыбнулся и протянул бронзовую мускулистую руку. Видимо, он не говорил по-английски, а мы, как догадываетесь, не знали ни одного слова на языке тонга.

Когда на корабле Ниу Тауфа представлял всем своих спутников, то, махнув рукой в сторону юноши, пренебрежительным тоном произнес: «А это — местный житель», давая понять, что он-то — Ниу Тауфа — стоит, в отличие от «местного жителя», на какой-то другой, более высокой ступеньке иерархической лестницы острова Ниуафооу.

Пригласили всех троих гостей в кают-компанию, собрали оперативное совещание, на котором руководство экспедиции предложило на одобрение Ниу Тауфа наш план высадки на остров.

Водолазы должны были укрепить метрах в двадцати от берега два буя, перебросить от них на остров канат, вдоль которого станет ходить пластмассовая шлюпка, которую все на судне называли «мыльница». Часть команды и научный состав, включенные в состав группы для работы на острове, будут доставляться ботиком до буйков, затем по одному станут пересаживаться в «мыльницу», и, улучив момент, когда набежавшая очередная волна поднимет «мыльницу» на гребень, стоящие на берегу местные жители потащат за трос скорлупку вместе с сидящим в ней пассажиром. Таким же образом на берег переправят весь багаж.

Мы думали, что Ниу Тауфа главный начальник острова, но, оказывается, на Ниуафооу штатное расписание было раздуто в соответствии с океанскими масштабами и выработанный план требовалось согласовать с самым большим начальником. Он, и только он, мог разрешить и установку буйков и выделить на подмогу местных жителей. Поэтому первую группу в составе Баденкова, Гусаковой и меня решили высаживать без помощи «мыльницы». Конечно, операция «Дора» — причал» содержала определенный элемент авантюризма, но что поделаешь.

Как и следовало ожидать, все обошлось как нельзя удачно. На берегу нас встретил сам главный администратор острова. Он сразу же сказал нам: «Называйте меня просто Джек». Ему, оказывается, еще неделю назад сообщили по радио о нашем предстоящем прибытии и просили оказывать всяческое содействие. Джек заверил Баденкова, что для выполнения программы научных исследований он выделит людей, которым поручит доставку в лагерь воды и топлива, обеспечит ученых транспортом (на Ниуафооу есть три небольших трактора и один грузовик) и безусловно завтра утром пришлет самых ловких и сильных парней для переброски людей и грузов с «Каллисто».

— Советую вам, — сказал Джек, — высадку начать примерно часов в девять утра. Лагерь можете разбить вот здесь, на территории, принадлежащей сельскохозяйственному департаменту Тонга на нашем острове.

Я обратил внимание на обгорелый остов какого-то здания метрах в двадцати от берега.

— Это, — пояснил Джек, — все, что осталось от церкви. Тридцать лет назад рядом с ней прополз поток лавы во время последнего извержения. Церковь сгорела. Всех жителей острова

эвакуировали тогда, и вернулись они в свои родные места лишь около десяти лет назад. Так что очень многие жители провели большую часть своей жизни не на острове. Но они все вернулись домой, считая, что прекраснее жизни, чем на Ниуафооу, не существует.

Джек поинтересовался, сколько времени мы пробудем на острове.

— У нас, — ответил Баденков, — по программе лишь четыре дня работы. Так что придется трудиться и в субботу, и в воскресенье.

Джек почему-то смутился и переспросил:

— Вы предполагаете работать в субботу и в воскресенье?

— Да, — подтвердил Юрий Петрович.

— Но это невозможно! — воскликнул администратор. — По обычаям королевства Тонга, в субботу и в воскресенье всем, кто находится на островах, заниматься какой бы то ни было работой запрещено. И исключение может быть сделано только с разрешения самого короля, а он, как вы знаете, находится в столице королевства в городе Нукуалофа на острове Тонгатапу.

— Может быть, не стоит беспокоить его величество, — заметил Баденков, — а попросить разрешение у премьер-министра?

— Премьер-министр, его высочество принц Фатафехи Туипелехаке, все равно передаст вопрос на рассмотрение его величеству.

— А может быть, — сказал я, — не станем утруждать премьер-министра, пошлем сегодня радиограмму министру иностранных дел? Кажется, наше Министерство иностранных дел связывалось непосредственно с вашим министерством иностранных дел, обговаривая программу работ «Каллисто»?

— Министр иностранных дел, его высочество принц Фатафехи Туипелехаке непременно согласует свое решение с его величеством, — ответил Джек.

— Но так как цель нашего визита, — деликатно перебил Баденков, — изучение природы на островах Океании для наиболее рационального использования местных ресурсов и защиты окружающей среды, то, может быть, обратиться лучше за разрешением к министру сельского хозяйства?

— Министр сельского хозяйства, принц Фатафехи Туипелехаке не может принять единоличного решения по такому важному вопросу, — уже несколько сухо произнес Джек.

— Видите ли, мистер Джек, — снова вмешался я в разговор, придумав, казалось бы, неопровержимый аргумент, — а нельзя ли нас рассматривать как туристов, интересующихся природой и

коллекционированием гербариев, а другие виды нашей деятельности не называть работой, а считать их активным отдыхом? Тогда мы сможем попасть под категорию туристов и обратиться к министру по туризму за разрешением совершать прогулки в субботу и воскресенье.

— Может быть, так и сделаем, — обрадовался Джек этому предложению. — Я сообщу министру по туризму, его высочеству принцу Фатафехи Туипелехаке, о том, что на нашем острове находится группа советских туристов, копающих ямки и собирающих цветочки.

На том и порешили.

Улучив момент, я отвел администратора в сторону и спросил:

— Скажите, мистер Джек, они что, однофамильцы — премьер-министр, министр иностранных дел и другие министры?

— Нет, принц Фатафехи Туипелехаке занимает несколько постов: он и премьер-министр, и министр иностранных дел, и министр сельского хозяйства, и министр по туризму, и еще министр связи. Только за все эти должности зарплаты он не получает. Ему выделяются лишь определенные средства как принцу, наследнику престола.

Вероятно, принц от этого в накладе не остается. Но это нас не касается, не будем вмешиваться во внутренние тонганские проблемы. К тому же Джек обещал к утру следующего дня дать ответ, сможем ли мы «активно отдыхать» в субботу и в воскресенье.

— А теперь, — улыбаясь произнес Джек, — хочу сообщить вам приятную новость: послезавтра вечером в деревне Эсиа состоится праздник по случаю закладки новой церкви, и мы приглашаем всех наших дорогих гостей, ученых экспедиции и экипаж, прибыть для участия в торжестве к четырем часам вечера. А накануне вашего отъезда все жители острова ждут вас на специально приготовленный для каллистян факаафе — фестиваль с угощением. Жители каждой деревни покажут на факаафе свои музыкальные программы. Надеемся, что большинство членов экипажа «Каллисто» сойдет по этому случаю на берег и примет участие в столь большом для нас событии.

Славный Джек даже не подозревал, в какое затруднительное положение поставил он Юрия Петровича: каждый час пребывания на острове необычайно дорог для ученых, а при такой программе сразу выпадали почти полностью два рабочих дня.

Проявив максимум такта, Баденков стал втолковывать Джеку, что, согласно нашим традициям, на особо значительные мероприятия у нас принято посылать самых именитых представителей коллектива. И вот послезавтра на празднике в

деревне Эсиа советскую экспедицию будут представлять несколько таких выдающихся личностей, причем Баденков обещал сам присутствовать на церемонии.

Кажется, Джека это вполне удовлетворило.

Договорившись обо всех деталях, связанных с высадкой, мы вернулись на «Каллисто».

29 января

Утром, до начала высадки, на «Каллисто» пожаловал офицер полиции Ниу Тауфа. Прибыл он с острова на персональной пироге. Пока спускали в ботик пожитки и оборудование, Ниу Тауфа разгуливал по кормовой палубе, преисполненный чувства собственного достоинства. Подойдя к столику для игры в пинг-понг, он взял в руки ракетку. Профессор Таргульян, считавшийся на «Каллисто», наряду с заместителем начальника экспедиции Васильевым, одним из лучших игроков в пинг-понг, предложил Ниу Тауфа сыграть партию. Тот согласился. Профессор намеревался быстро закончить игру в свою пользу. Каково же было его изумление, когда партия осталась за офицером полиции.

Тогда на арену, естественно, выступил наш второй чемпион — Александр Васильев. На его счастье, при счете 21:20 в пользу офицера полиции, раздалась команда: «Отъезжающим на «Доре» занять места». Васильев извинился и развел руками — мол, сами понимаете, рад бы доиграть партию, да долг службы... Ниу Тауфа снисходительно улыбнулся и положил ракетку на стол.

— Считайте, мистер, — сказал он, — что наша партия закончилась вничью.

— Хорошо, — с облегчением вздохнул Васильев, — пусть будет так, хотя, признаюсь, играете вы отменно.

— Что вы, — скромно возразил офицер полиции. — На Ниуафооу я считаюсь средним игроком.

Васильев, будучи воспитанным человеком, проглотил эту пилюлю.

Высадка прошла благополучно. Конечно, кое-кому пришлось принять морской душ, но при тропическом солнце и теплой воде, вреда он никому не причинил, кроме разве Виктора Бабаева. Он сошел с «мыльницы» неудачно и немного замочил аппаратуру, хотя перед высадкой аккуратно завернул ее в пластиковый мешок.

Справившись с переброской на берег багажа за два часа, стали разбивать лагерь, как вы уже знаете, на территории, принадлежащей сельскохозяйственному департаменту Тонга.

На острове живет около семисот человек, а земля острова разделена на пять неравных частей. Одна часть — большая, принадлежит королевской семье. Вторая — государству, остальные три являются собственностью трех семей. Каждое из семейств возглавляет вождь. Два вождя живут на другом острове, а семья третьего — здесь, на Ниуафооу. Сам вождь умер четыре года назад, и теперь формально островом правит его вдова. Администратор же является представителем короля и центрального правительства.

Итак, наш лагерь расположился на участке, относившемся к государственной земле.

До наступления сумерек мужчины устанавливали палатки, а девушки варили ужин.

Джек оказался человеком слова. Вечером несколько раз в лагерь приезжал трактор и привез на прицепе сначала дрова, а потом пару бочек воды. С водой здесь туговато. Правда, жители ходят купаться и стирать белье в кратер на озеро, но оно от нашего лагеря далеко, километров пять, да и спуск нелегкий. Потом мы не знаем, можно ли пить озерную воду. Может быть, там вода такая же, как в озерах кратера на Рауле.

Интересно, что за весь вчерашний и за сегодняшний день мы не видали здесь ни одной женщины. Видимо, сидят по домам в деревнях и не хотят беспокоить гостей.

На территории лагеря стоит небольшой четырехкомнатный домик. В нем разместили двенадцать человек. Вместе со мной в комнате Григорий Михайлович Игнатьев и доктор Ватт.

30 января

Сегодня рано утром наша троица — Виктор Бабаев, Бронислав Ткачук и я — присоединилась к группе, отправившейся к озеру. В нее входили Баденков, Ольга Григорьевна, Алексей Копцев, матрос Цыганков и первый помощник капитана Олег Кондратьевич. С собой группа захватила надувную лодку. Основная задача — взять пробы воды на разных участках озера.

«Плавсредство» довольно громоздкое — это авиационная спасательная лодка, а надувать ее пришлось часа два маленьким насосом, который очень смахивал на обычный, велосипедный, и, голову даю на отсечение, до нас никто не пытался надувать лодку велосипедным насосом.

Пока Копцев и Цыганков качали воздух, я стал просматривать инструкцию по обращению с лодкой. На странице 24 увидел ценное указание: «Во избежание повреждения оболочки днища, прыгать в лодку с самолета не рекомендуется». На всякий случай

сообщил об этом Алексею Копцеву.

Вода в озере очень невкусная, хотя и пресная. На вкус пробовать озерную воду мы не собирались, зато с большим удовольствием выкупались. Удовольствие получили двойное: и вода пресная и акул нет.

На берегу роща кокосовых пальм. Пока Копцев с Цыганковым брали пробы воды, а потом подгребли на расположенный в центре озера островок, мы нашли несколько кокосовых орехов, разбили их, попили кокосового молока, закусили копрой и стали собираться в обратный путь.

Вернувшийся с острова Копцев привез гриб. Обычный наш гриб боровик. Как он сюда попал — науке неизвестно.

На базу мы шли с Олегом Кондратьевичем несколько сзади остальной группы, правда, за нами еще брели, отстав метров на двести, Бабаев с Ткачуком. Наш первый помощник капитана — старый таежник, много лет жил на Дальнем Востоке, и любимое его занятие — бродить по тайге, разыскивая корни женьшеня. Он может без конца рассказывать о найденных сокровищах, о том, какой это корень, как готовить из него целебный напиток.

Рассказывает Олег Кондратьевич увлеченно, и я шел, не обращая внимания, куда мы идем, потому что кто же станет беспокоиться, по той ли тропинке он шагает, если с ним рядом идет опытный таежный следопыт!

Но вот на девятом или десятом рассказе я случайно взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что мы идем уже второй час, хотя утром от базы до кратера ходу было не больше сорока минут.

— Мы, — говорю, — Олег Кондратьевич, идем не по той дороге.

— Что вы! — обиделся таежный волк. — Тут дорога прямая, а я не заблужусь даже в дремучей тайге.

Тут нас догнали Бабаев с Ткачуком, и Бронислав ехидно спросил, правильно ли мы идем. Олег Кондратьевич стал доказывать, что он по мельчайшим приметам может найти дорогу к дому.

— Вот видите, — убеждал Олег Кондратьевич, — здесь следы трактора, до края кратера мы ехали на этом тракторе. А вот отпечаток следа Баденкова, у него кеды сорок шестого размера, а вот его совсем свежий след, значит, мы на верном направлении.

Может быть, в тайге Олег Кондратьевич и выходил всегда к дому, но в джунглях крошечного Ниуафооу он, к сожалению, заблудился. Мы шли еще полтора часа и еще минут пятнадцать, затем вынуждены были пойти обратно. К счастью, навстречу попался наш орнитолог Лео Суренович Степанян. Я еще не

рассказывал вам о нем. Лео Суренович влюблен в своих птичек. У него дома одна из самых больших коллекций чучел птиц со всего мира и блестящая библиотека по его специальности. В этой экспедиции Лео Сурековичу приходилось тяжело, так как на большинстве островов запрещен, отстрел пернатых. Но как раз на Ниуафооу он получил разрешение добыть несколько экземпляров птиц. Правда, на всякий случай в сопровождающие Лео Сурековичу выделили полицейского, брата администратора Джека.

Увидя Лео Сурековича, Олег Кондратьевич попросил, чтобы мы не спрашивали у Степаняна дорогу. Обещал сам исправить свою ошибку, а в крайнем случае узнает о кратчайшей дороге к базе у этого полицейского.

Как разговаривал Олег Кондратьевич с полицейским, не зная ни одного слова по-английски, ни, естественно, на местном языке, осталось для всех тайной, но, вернувшись после переговоров, он бодро заявил, что нужно идти сначала прямо, потом налево.

Короче говоря, вернулись мы в лагерь с противоположной стороны, практически обойдя кругом остров. Примерно километровый отрезок пути шли через лаву. Зрелище впечатляющее: вздыбленные пики застывшей лавы, обгорелые стволы деревьев и змейками разбегающиеся в разные стороны трещины, большие и маленькие. Представляю, что здесь было во время извержения вулкана.

Добрались до лагеря, и вскоре сюда прибыл трактор с прицепом — везти гостей на праздник. Поехали пять человек во главе с Баденковым. Остальные четверо почетных гостей были Ольга Григорьевна, Олег Кондратьевич, Виктор Бабаев и я.

Проселочная дорога проходила по гребню кратера вулкана и частично шла через места, где три десятилетия назад двигался основной поток лавы. Не тот, который мы видели, возвращаясь с озера, а главный поток.

Этот район выглядел даже еще более мрачно, чем участок дороги, по которому мы брели час назад. Застывшие волны черной лавы уходили далеко за горизонт, местами создавая хаотические нагромождения. Казалось, гигантский циклоп долго трудился здесь, создавая абстрактные скульптуры. Лишь в очень немногих местах из трещин робко тянулись к солнечному свету зеленые ростки. Пройдет еще много времени, прежде чем восстановится почва и воссоздадутся условия для жизни трав, кустарников и деревьев.

Путь до деревни Эсиа всего несколько километров, но в кузове прицепа трясло нас страшно, и к месту назначения мы

прибыли в довольно помятом состоянии.

Все участники празднества уже сидели за столами, когда трактор с шиком въехал на деревенскую площадь. Нас посадили за почетный центральный стол, расположенный под навесом, крытым пальмовыми листьями. Сзади каждого гостя стояли девушки в красочных национальных одеждах. В руках они держали легкие веера, которыми слегка помахивали, не давая назойливым мухам садиться на блюда, приготовленные для гостей.

Перед началом церемонии каждому из нас надели на шею сплетенные специально для почетных гостей гирлянды из приятно пахнущих цветов.

Наискосок от меня сидела пожилая женщина в очках, которой все окружающие оказывали знаки особого уважения и внимания. Я шепотом спросил у сидевшего рядом мужчины — кто она?

— Глава нашего острова, — также шепотом ответил сосед. — Ее муж был нашим вождем, а госпожа Писила получила свой титул по наследству.

Стол был накрыт со вкусом, я бы даже сказал, с тонким вкусом. Между разбросанных по скатерти цветов стояли блюда с яствами. Здесь было все, чем богата земля и прибрежные воды острова.

Из напитков гостям предлагалась традиционная для этого района Океании, уже знакомая вам яггона. Она не содержит, как вы знаете, ни грамма алкоголя, но обладает тонизирующим свойством. К сожалению, и здесь, на Ниуафооу, нам не пришлось увидеть красочный традиционный обряд приготовления яггоны, и пили мы ее, как обычный лимонад, из простых граненых стаканов.

Кроме «стола-президиума», перпендикулярно к нему стояли в некотором отдалении еще три стола, каждый длиной больше десяти метров. За первым расположились гости, приглашенные из всех деревень, за вторым — государственные служащие острова и их жены, а за третьим — официальные лица острова со своими женами.

В число официальных лиц острова входили старосты деревень, священники, учителя. Нужно сказать, что на Ниуафооу восемь деревень. В них насчитывается семь церквей, четыре кладбища и три начальных школы.

Время от времени кто-либо из представителей властей, сидевших за главным столом, выходил из-под навеса и через мегафон произносил речь на местном языке. Мой добровольный толмач пояснил, что по традиции должны выступить все наиболее почетные гости.

Джек выступал последним, и мы уловили в его речи знакомые слова: «Каллисто», «Юрий Баденков», «Москва». Правила дипломатического протокола требовали ответного слова с нашей стороны. Баденков говорил по-русски, Ольга Григорьевна переводила его слова на английский, а сам Джек доносил их смысл собравшимся уже на тонганском языке. Судить нам, что в конечном итоге получалось после двойного перевода, трудно, но слушатели остались довольны. Баденкову аплодировали.

На этом праздник завершился, и мы, усевшись в кузове знакомого уже нам прицепа, отправились в лагерь. По тонганскому обычаю, хозяева погрузили в прицеп сплетенную из листьев пальмы корзину, в которую сложили все, что осталось после пиршества.

В лагерь вернулись, когда совсем стемнело. Группы ученых пришли с работы часом раньше, а группа Воронова, как всегда на стоянках, начала раскладывать собранные за день гербарии.

Лео Суренович рассказал, как они с полицейским Ката добывали птиц. После одного из выстрелов Степаняна птица, сидевшая на вершине кокосовой пальмы, застряла в кроне дерева. Орнитолог очень огорчился и уже поставил было крест на добыче. Тогда Ката отстегнул ремень с пистолетом, снял рубашку, сбросил ботинки и пошел на вершину пальмы. Да, да, не полез на пальму, а спокойно пошел по стволу прямой как свеча пальмы. Причем он обхватывал ствол пальмы одной рукой, затем делал два шага, плотно прижимая ступни ног к стволу, рывком приближал тело к дереву, тут же перехватывался этой же рукой на метр выше и снова делал два шага, опять подтягивался к стволу и так, пока не дошел до вершины. Сбросив тушку вниз, он таким же способом спустился на землю. Подъем и спуск занял у Ката меньше минуты. Вот это сноровка!

Возвращаясь в лагерь через участок, покрытый лавой, Лео Суренович увидел стайку каких-то птичек, перелетавших с одной глыбы лавы на другую. Степанян подстрелил одну птичку и был уверен в точности выстрела. Однако добычу не нашли. Лео Суренович чуть ли не ползком обшарил метр за метром большую площадь, но Ката и не думал помогать ему в поиске. Надвинув на глаза широкополую шляпу, он равнодушно следил за усилиями своего подопечного.

— Мистер Ката, — обратился к полицейскому Лео Суренович, — может быть, вы подскажете, где нужно искать птицу, я же попал в нее, я видел.

— Мистер ученый, — ответил полицейский, — напрасно ищет птицу, она ему не принадлежит, и он никогда ее не найдет, сколько бы ни искал.

— Почему же? — удивился Лео Суренович, — Мне очень нужен этот экземпляр. Вы знаете, мне дано официальное разрешение на отстрел нескольких птиц. Мы еще не израсходовали отпущенный нам лимит.

— Разрешение вам дал мой брат, администратор Джек, а птичку забрал бог вулкана, забрал к себе. Видимо, она ему тоже очень нужна.

— Какой бог вулкана? — удивленно переспросил Лео Суренович.

— На острове есть вулкан, бывают извержения, вы это знаете, — объяснил Ката. — Извержение бывает, когда гневается бог вулкана, у него есть там, — полицейский показал рукой себе под ноги, — дом, с садом, с кокосовыми пальмами, и птицы там тоже есть. Вот этот бог и забрал к себе птицу, вероятно, он считает ее своей птицей, она ему тоже нужна. Так что напрасно вы ищете. Когда у нас что-то пропадает, лежащее на земле, мы знаем — это забрал бог вулкана.

Так коллекция Лео Сурeновича лишилась редкой птицы, которая, видимо, в настоящее время поет себе в подземном саду бога вулкана.

31 января

Лишь только рассвело, ученые отправились на свои участки. Некоторые так торопились, что даже не успели позавтракать. Сегодня же укороченный рабочий день и, сегодня же жители Ниуафооу устраивают в честь гостей праздник. Бабаев и Бронислав Ткачук пошли снимать кратер потухшего вулкана, а я остался в лагере, поджидая администратора Джека, который обещал приехать часам к восьми специально, чтобы объяснить мне структуру управления островом и рассказать об экономике Ниуафооу.

Вы уже знаете о пяти владельцах земли острова. Государственная и королевская часть, как я уже рассказал, неприкосновенны, а вот вожди острова наделяют землей жителей подвластных им деревень, и те выращивают на своих участках овощи, держат кур, поросят. Кокосовые же пальмы считаются общественной собственностью, и весь урожай извлеченной из кокосовых орехов копры поступает в общий котел. Раз в год на Ниуафооу за копрой приходит судно. В течение года ее добывают около тысячи тонн. За каждую тонну жителям платят примерно 130 американских долларов наличными или расплачиваются товарами первой необходимости: спичками, сахаром, солью, сигаретами, обувью, тканями. Если разделить полученные деньги

на всех жителей острова, то на одного человека в год придется 185 долларов, или же 50 центов в день (около сорока копеек).

Мне не удалось выяснить, какая часть доходов забирается в государственную или королевскую казну, но даже если вся выручка от продажи копры — единственного источника дохода жителей — остается крестьянам Ниуафооу, то все равно сумма получается ничтожная. Нужно еще учесть взносы крестьян на общественные нужды. Ведь имеющийся на острове транспорт — три трактора, грузовик и несколько лошадей — приобретен на «артельные» деньги. Горючее для тракторов и грузовика — тоже покупают сообща. Жить, конечно, трудно, и торжества, наподобие того, на какое мы сегодня приглашены, устраиваются лишь по случаю больших событий в жизни островитян. И тем трогательней было отношение к советской экспедиции всех, начиная от администратора Джека до любого жителя каждого из селений. Все старались сделать приятным наше пребывание на острове даже ценой абсолютно незапланированных материальных затрат, израсходованных, скажем, на организацию в нашу честь факаафе — фестиваля.

...Грузовик пришел в лагерь в половине седьмого вечера. Бабаев со своей аппаратурой и еще несколько человек забрались в кузов, а ребята из экипажа «Каллисто» и часть ученых пошли к месту праздника пешком.

Началась художественная часть праздника, и нужно было не прозевать, запечатлеть на пленку все выступления.

Под аккомпанемент гитары, нафа (барабана, напоминающего африканский тамтам среднего размера) и каута (двух палочек для отбивания ритма) на площадку вышел первый ансамбль.

Каждая деревня пришла со своим самодеятельным коллективом, в основном состоящим из женщин. Артисты были в национальных полинезийских костюмах, оформленных с большим вкусом.

Выйдя на площадку, женщины уселись в ряд на циновки, поджав ноги, а за ними примостился оркестр из двух барабанщиков, двух ударников и гитариста. Ансамбль выступал без дирижера. Женщины запели «лакалаку», причем песня сопровождалась столь выразительной мимикой и удивительно пластичными синхронными движениями рук, головы и корпуса, что этот первый номер программы вполне можно было бы назвать «песенным танцем». Только танцевали «лакалаку» сидя.

Потом вышел ансамбль следующей деревни, который исполнил танец «маулуулу». Участники ансамбля тоже танцевали сидя, но под аккомпанемент лишь одного барабана-нафа.

Представители следующей деревни также танцевали под

аккомпанемент нафа, а четвертая деревня, видимо, состояла лишь из одного или двух домов, потому что на площадку вышли всего лишь два человека — мужчина и женщина. Они исполнили танец «таолунга». Танцевала женщина, а мужчина аккомпанировал на гитаре.

Так перед нами прошли все восемь художественных коллективов острова Ниуафооу.

На предпоследней песне нам показалось, что мы уже начали понимать тонганский язык. Секрет столь поразительного и неожиданного проявления лингвистических способностей одновременно у всех членов скромного советского коллектива был прост: жители острова пели специально сочиненную песню о каллистянах и, естественно, в песне были слова «Советский Союз», «Каллисто», «Баденков», «Ольга».

Правила хорошего тона диктовали нам исполнение ответной песни. Естественно, мы не спасовали перед трудностями и с честью выдержали испытание, довольно стройно и безголосо исполнив: «Выходила на берег Катюша...»

Вероятно, Ниуафооу до этого момента оставался единственным местом на планете, жители которого ни разу не слышали, как поют «Катюшу». Теперь таких мест на земле не осталось.

Если вы зададите вопрос, как живут люди на Ниуафооу, отвечу — бедно. Это очень трудолюбивый народ, независимый и чрезвычайно приветливый, деликатный в обращении, обладающий мягким, располагающим характером. Возможности для повышения жизненного уровня местного населения крайне ограничены. Посудите сами: семьсот человек живут на островке, затерянном в океане. Доход островитян зависит от одного продукта — копры. Больше с острова вывозить нечего и некуда. Я говорил об урожае в тысячу тонн. В наиболее удачные годы удается собирать до тысячи двухсот тонн копры. Это потолок, бывают и урожаи меньше тысячи тонн. Тогда им совсем плохо.

На Ниуафооу нет ни рек, ни ручьев, ни колодцев с пресной водой, для питья собирают в резервуары дождевую воду. А ведь большую площадь занимает озеро Вай Лахи, суша ограничена широким кольцом гребня вулкана. Я уже рассказывал, что озеро Вай Лахи — гигантское по местным масштабам водохранилище пресной воды. Но пить его воду нельзя, и в глубинах его не встретишь ни одной рыбешки, рачка или краба. Мертвое озеро Вай Лахи. Островитяне купаются в нем, стирают белье, но не могут пить из него воду.

Трудностей у островитян много. Но, несмотря ни на что, жители Ниуафооу по-настоящему любят свой остров.

1 февраля

Последний день пребывания на Ниуафооу. Мы с Виктором вышли из лагеря, поставив перед собой единственную задачу: заснять процесс добычи и обработки копры. Конечно, крупных специализированных предприятий на острове нет, но то тут, то там около дороги виднелись неказистые сооружения, похожие на печи для обжигания гончарных изделий или на печи, где приготавливают древесный уголь. Это и были местные «заводы» по сушке копры. Кстати, посмотрев, как снимают урожай с кокосовых пальм и обрабатывают кокосовые орехи, скажем, здесь, на Ниуафооу, можно было потом не интересоваться этой проблемой, посещая другие острова региона, потому что процесс обработки копры на всех островах Океании одинаковый.

Недалеко от тропинки, ведущей к почти вертикальному спуску на берег Вай Лахи, мы встретили средних лет мужчину с сынишкой. Мужчина держал в руке мачете — непременную принадлежность каждого местного крестьянина, отправляющегося на сбор кокосовых орехов. Недалеко около дороги виднелась довольно солидная куча неочищенных плодов. Мальчик забирался на пальму и сбрасывал вниз созревшие кокосовые орехи. Причем подъем на вертикальное дерево совершался без каких-либо приспособлений: предохраняющих поясов или «кошек». Мальчуган ставил босые ступни на ствол пальмы, руками обхватывал его и спокойно, легко шел по нему вверх, как по асфальту мостовой. Сброшены вниз орехи, мальчик спускается на землю и — подъем на следующую пальму. И так часов по шесть-семь в день.

Мужчина собирал в рогожу орехи, связывал ее узлом и подносил к дороге, где складывал их в кучу. Когда орехов скапливалось несколько сот, мужчина шел за лошадью, запрягал ее в двуколку и доставлял орехи к «заводу». Потом орехи очищали от толстого, примерно в два сантиметра, волокнистого слоя кожуры (койр). Делалось это так: в землю вбивали кол заостренным концом вверх, и, взяв двумя руками плод, мужчина с силой насаживал его на кол, обдирая в несколько приемов койр. Очищенные плоды разрубались затем ударом мачете на две равные половинки, которыми наполняли большой железный куб метра полтора высотой, пять метров длиной и три метра шириной. Над кубом навес от дождя, а под днищем разводили костер. Так высушивали копру.

После завершения операции сушки копры мужчина брал в одну руку нож, в другую — половинку плода и ловким движением

выковыривал копру из скорлупы. Из каждого ореха кокосовой пальмы получают в среднем 200 граммов копры — очень ценного продукта, содержащего до 67 процентов жира, 17 процентов углеводов и 10 процентов белка.

После всех этих операций копру складывали и отвозили в специальное помещение, где она и хранилась до прихода очередного судна. Я произвел несложные подсчеты, желая выяснить, сколько добывает в день копры один крестьянин Ниуафооу, получая так мало за свой труд.

Может быть, вам будет интересно познакомиться с этим подсчетом? Чтобы добыть тысячу тонн копры, нужно обработать пять миллионов орехов, если считать, что из каждого ореха получают 200 граммов копры. Добычей копры на острове занимается сто человек. За один прием с каждой пальмы снимают в среднем десять орехов. Каждому добытчику приходится обрабатывать пять тысяч пальм. В день он обрабатывает до пятидесяти пальм и получает с них сто килограммов копры. Вот за эти сто килограммов ему причитается в день сорок копеек. Здесь, правда, нужно учитывать сезонность работы (сборы копры ведутся в течение примерно ста дней) плюс то, что продукция ста сборщиков раскладывается на все население острова, то есть на семьсот человек.

Так что на прекрасном острове Ниуафооу не текут молочные реки меж кисельных берегов. Остров действительно прекрасный, но жизнь здесь нелегкая.

Когда вернулись в лагерь, там уже сложили все вещи для переброски на судно.

И вот от причала отваливает ботик с последней партией каллистян. Провожавшие нас местные жители поют «Песню прощания с друзьями», а наши машут им и кричат «малоу», что на тонганском языке означает «спасибо».

Спасибо за песню и просто за то, что на маленьком острове мы встретили так много хороших, приветливых людей.

Покидая Ниуафооу, с «Каллисто» дали прощальный гудок. Скоро за кормой остался гостеприимный кусочек суши, который на картах значится как остров Ниуафооу, что на русский язык переводится: «Наикокосовейший из всех кокосовых островов».

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

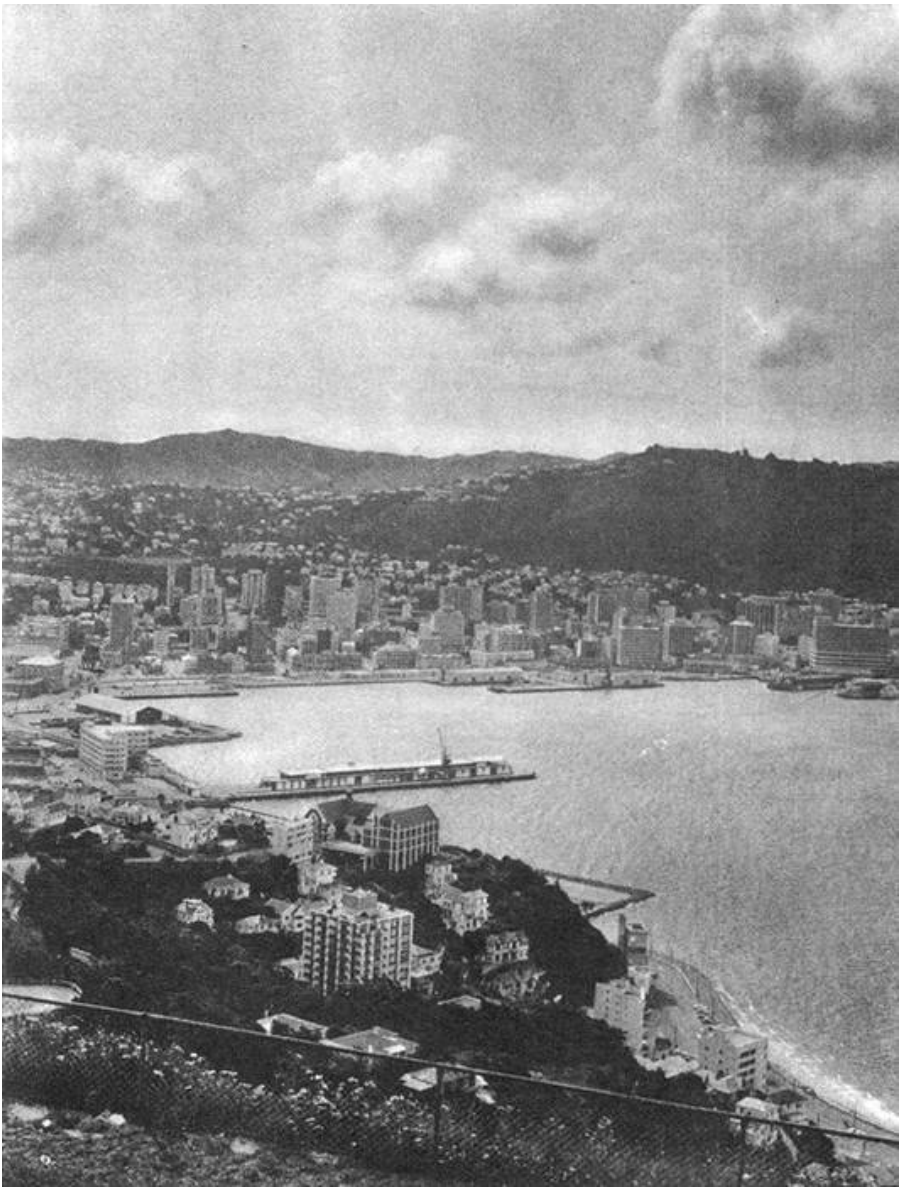
Ниуафооу оказался чрезвычайно интересным островом для всех наших специалистов. Это типичный океанический остров-вулкан, привлекающий внимание не только своеобразной формой (как метко выразился Олег Константинович — остров-бублик), но и своим строением, составом пород, растительностью. Остров расположен в так называемом океаническом бассейне Лау, где, по мнению геологов, происходит расширение океанического дна и образование новой земной коры океанического типа. Вулкан Ниуафооу образовался на разломе около десяти миллионов лет назад и долго существовал как подводный вулкан. Развитие этого вулкана протекало интенсивно вплоть до наших дней, он постоянно обновлялся в результате сильных излияний базальтовой лавы. Видимо, как остров-вулкан Ниуафооу возник совсем недавно. Вначале своего развития остров Ниуафооу имел обычную для вулканов форму классического конуса, подобно вулканам Везувий, Фудзияма и другим. Видимо, лава, извергавшаяся из трещин в склоне основного вулкана, остывала с бурным выделением газов и образованием шлака. Поэтому лавовые поля представляют собой хаотическое нагромождение мелких острых гребней, отдельных остроугольных выступов, окаменевших пузырей, небольших нависающих карнизов и чешуй. Среди этого хаотического рельефа нас поразили стоящие вертикально лавовые столбы высотой до одного метра. Оказалось, что это остатки стволов крупных деревьев, окутанных пеленой лавы. Представьте себе, насколько быстрым было остывание лавы: горячий поток не смог дотла сжечь большие деревья.

Для наших ботаников очень интересными были наблюдения за тем, как растительность осваивает лавовые поля. Все начинается с того, что в понижениях лавового рельефа, по трещинам начинает накапливаться мелкозем, приносимый текучими водами. Первыми в таких местах поселяются злаки, которые подготавливают почву для вселения других растений. Часто на лавовых полях первым появляется дерево казуарина. Постепенно под деревом образуется подстилка из опавших листьев. В подстилке сохраняется влага, размножаются бактерии, грибы, способствующие разложению коренной лавы и образованию почвы. На этой первоначальной, примитивной почве уже начинают селиться другие деревья и кустарники. «Новоселы» нередко ведут себя агрессивно и вытесняют пионера заселения — казуарину. В целом заселение происходит островками, которые, постепенно расширяясь, сливаются в единый лесной массив. Но этот процесс длится десятилетия.

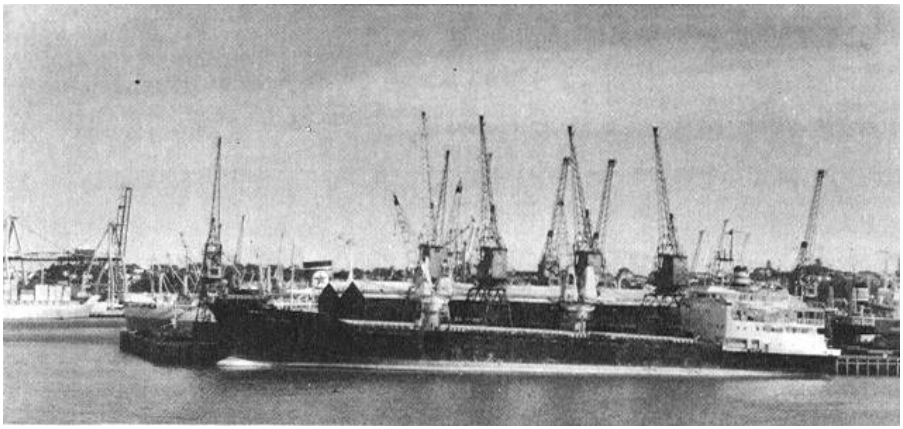
Наблюдения за процессом освоения растительностью и животными новых территорий весьма поучительны. Они

позволяют воспроизводить этапы формирования ландшафтов, помогают понимать, как образуются те сложные сообщества растительности и животных, которые мы чаще всего встречаем в природе.

В этом отношении очень интересны были подводные наблюдения. На многих островах мы исследовали коралловые колонии, которые поражали нас своими мощными постройками, сложными взаимоотношениями между самими кораллами и различными типами водорослей, рыб и других животных. Но вот с чего начинается коралловый риф, удалось посмотреть только на подводном склоне острова Ниуафооу. Остров находится в таком районе океана, где обычно вокруг всех островов возникают барьерные или окаймляющие рифы. На подводном склоне острова Ниуафооу, который сложен молодыми лавами, совершенно нет крупных колоний кораллов, они только начинают зарождаться здесь. Для создания мощного так называемого окаймляющего рифа потребуется еще много времени. Прежде всего океанские волны должны подмыть берег и создать по периметру острова волноприбойные площадки или абразионные платформы, на которых смогли бы свободно поселяться и развиваться кораллы. Поколения кораллов, отмирая и воспроизводясь на «костях» своих предков, создадут мощную колонию, которая займет все подножье острова и образует широкий окаймляющий риф. Такой риф мы встретим у острова Раротонга, о котором рассказ в одной из следующих глав.

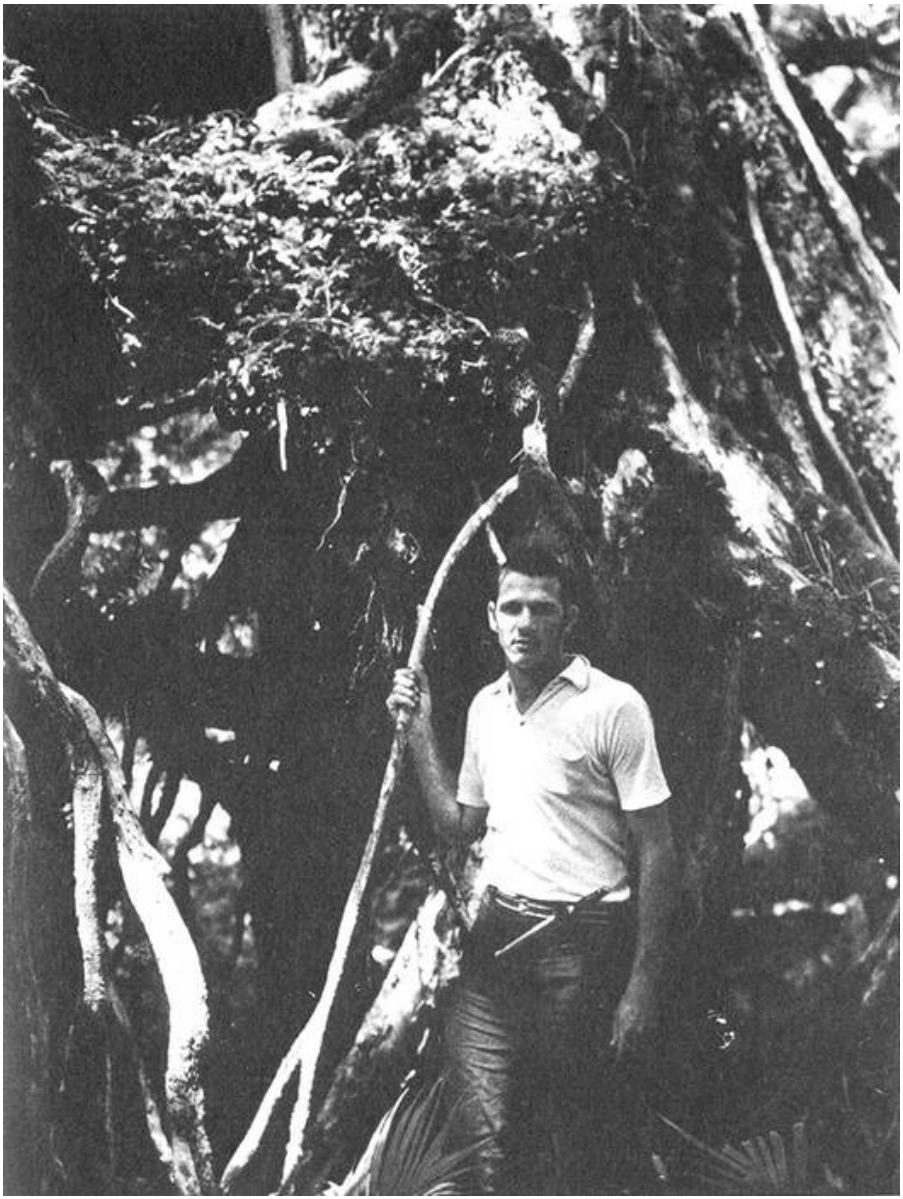


Веллингтон.



"Комэршиал порт".

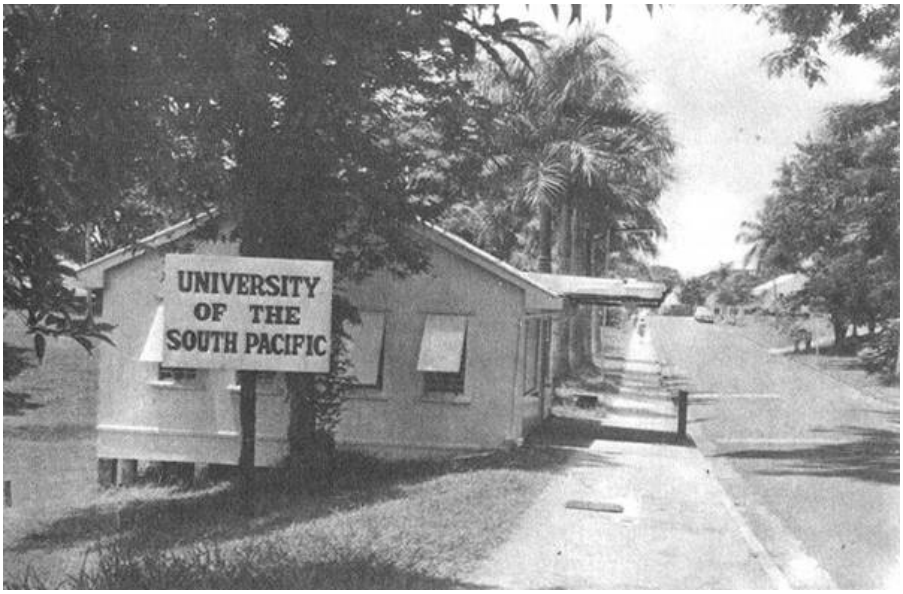
Высадка в корзине.



Деревья на воздушных корнях тоже называются Пахутакава.

В лодке по озеру — для измерения глубин.

В центре Сувы "уголок Венеции".



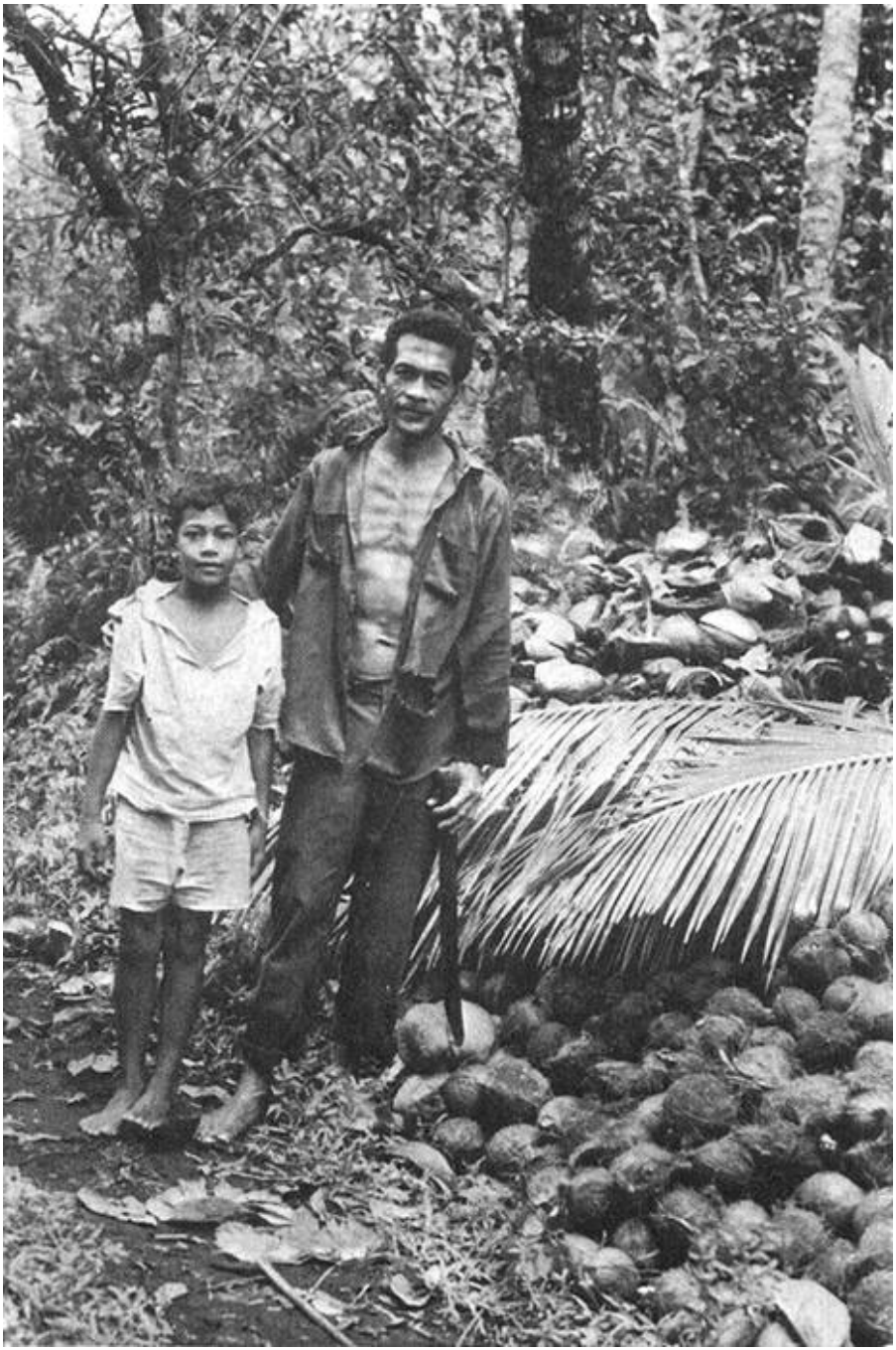
Сувинский университет Южной Пасифики занимает территорию нескольких десятков гектаров.

В деревне Накини поддерживается чистота и порядок.

"Танцы сидя".

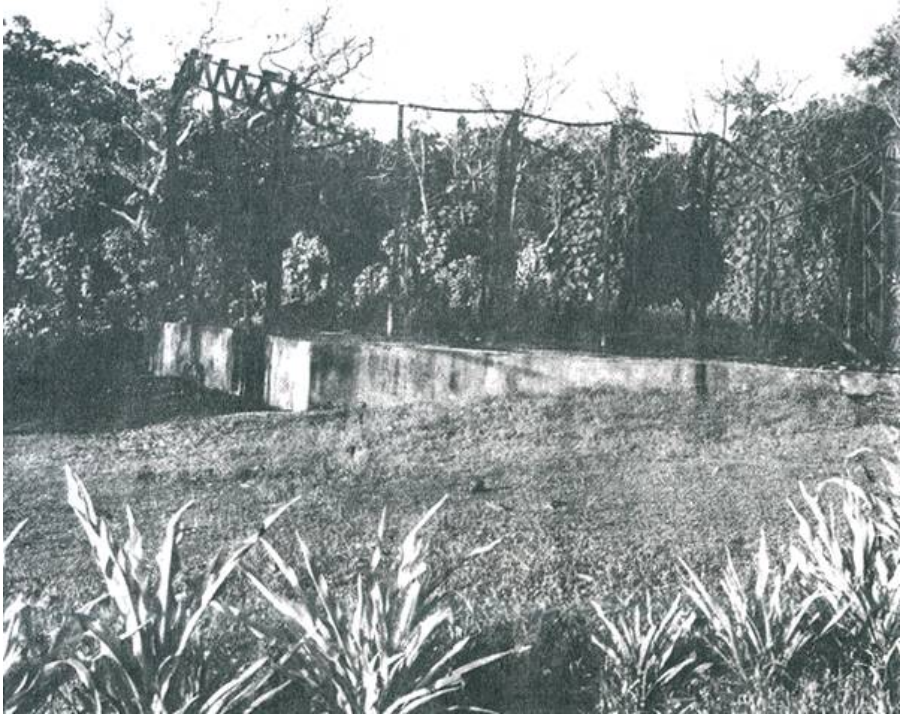
Высадка на остров в "мыльнице".

Базар в Суве.



Мужчина держал в руке мачете, отправляясь с сыном на сбор кокосовых орехов.

Писила Фуситуа — правительница острова.

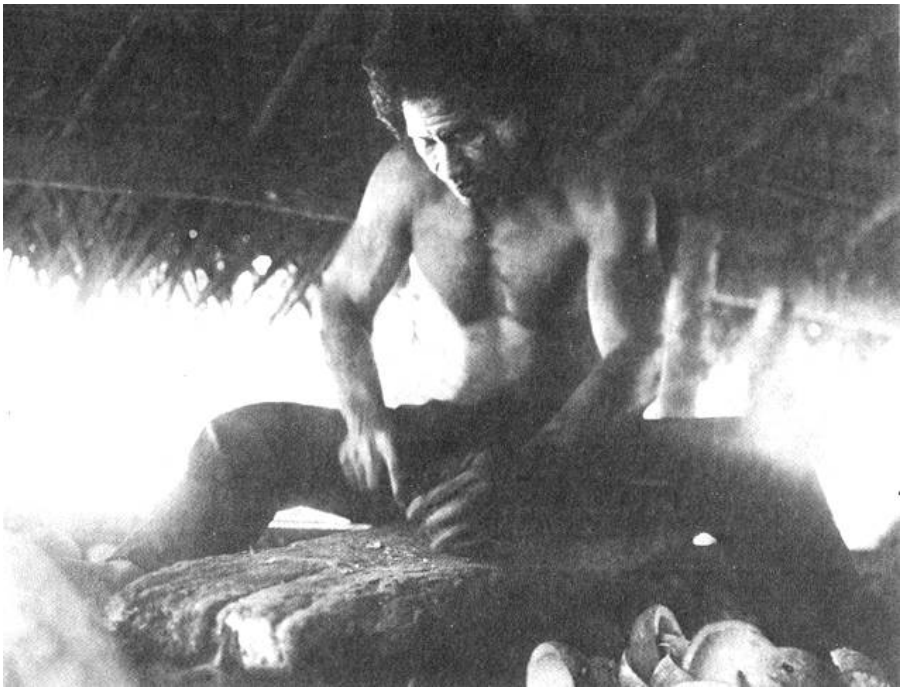


Год назад здесь прошел поток лавы. Это каркас сгоревшей церкви.

Выступление с мегафоном.

Домик на острове Ниуэ.

Лошадь запрягают в двуколку и доставляют орехи к "заводу".



Обработка кокосов.

Берут образцы почвы.

Единственное на острове шоссе идет вдоль побережья Раротонги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Один день в карликовом государстве

2 февраля

Океан спокойный, и мы полным ходом направляемся на остров Раротонга, в Авару́а — столицу государства Острова Кука. Вероятно, завтра пройдем мимо острова Ниуэ без захода на него. А жаль. Программой научных работ предусматривалась остановка на острове Ниуэ в течение трех суток, но, к сожалению, не имея сведений из Москвы, получили ли от Новой Зеландии разрешение на заход в Ниуэ, останавливаться там не можем.

По масштабам Океании Ниуэ островок солидный — 259 км2, хотя жителей на острове немного, что-то около пяти-шести тысяч человек. Так вот, в октябре 1974 года Ниуэ получил внутреннее самоуправление «в рамках свободной ассоциации с Новой Зеландией». На Ниуэ правит новозеландский комиссар-резидент, который возглавляет законодательную ассамблею из четырнадцати членов, избираемых населением сроком на три года, а исполнительная власть представлена премьер-министром и тремя министрами, избираемыми этой ассамблеей.

Но ученым «Каллисто» не легче, что Ниуэ имеет своего премьер-министра, потому что всеми внешними связями острова продолжает заниматься новозеландское правительство, которое имеет право дать разрешение на наш заход. Конечно, обидно проходить рядом с Ниуэ и не побывать на нем. Но ничего не поделаешь. Правила есть правила.

Сегодня обычный день перехода и, как говорится, ничего существенного на «Каллисто» не произошло, кроме двух событий местного значения, — вечером праздновали сразу два дня

рождения: профессору Юрию Георгиевичу Пузаченко исполнилось 37 лет, а Ватту — 41 год. По такому торжественному случаю Ватт облачился в длинную фиджийскую юбку. Когда смотришь на подобное одеяние, скажем, на Суве, то оно выглядит на мужчинах вполне уместным. Когда же доктор Ватт со своими густыми пшеничными усами одет в фиджийскую юбочку, то подобный наряд выглядит несколько нелепо. Но доктор Ватт был выше таких условностей и важно вышагивал в юбке по верхней палубе, то и дело приподнимая кончиками пальцев подол, стараясь не зацепить за привинченные к палубе различные крючки и скобы.

Отдал Павлу Ивановичу очередную корреспонденцию, и сегодня ночью он попытается передать ее через назначенного нам Владивостоком «посредника» — научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев». Что такое «посредник»? Мы сейчас находимся очень далеко от Владивостока, и с нашей рацией любую, даже совсем короткую радиограмму отстукать во Владивосток весьма сложно, если не сказать невозможно. Поэтому владивостокское начальство, выяснив, что между «Каллисто» и Владивостоком есть советское судно с более мощной аппаратурой, дает ему указание принимать от нас радиограммы и переправлять их во Владивосток, служить как бы передаточным пунктом. Такие суда и называются посредниками.

3 февраля

Вчера Павел Иванович в 14.30 по московскому времени пытался передать мой материал во Владивосток через «Менделеев», но их вахтенный радист отказался брать материал. Конечно, люди бывают разные, и хотя хороших намного больше, но встречаются и не очень хорошие. Павел Иванович, расстроенный, сказал о радисте с «Менделеева»: «И среди нашего брата встречаются такие. Разве это радист? Так, случайный человек в нашей среде».

Сегодня день обычного перехода. Все прекрасно, кроме одного — мало воды. Конечно, кругом ее предостаточно: до самого горизонта вода и вода. Но соленая. А пресной не хватает, поэтому приходится экономить. Выдают по графину на каюту. Остается утешать себя тем, что, если бы выдавали по полграфина, было бы в два раза хуже.

Прошли мимо Ниуэ. Все ученые стояли на верхней палубе, смотрели на остров и тяжело вздыхали. В столовой после ужина начали показывать вторую серию картины «Руслан и Людмила». Первую серию коллектив смотрел два раза подряд, потому что вторая серия... сохла. Во время эвакуации лагеря с Ниуафооу две

коробки со второй серией «Руслана и Людмилы» волной смыло со скалы в океан. Наши киноманы не пожелали смириться с такой потерей, и Александр Петрович Васильев надел маску и нырял до тех пор, пока не достал обе коробки. Пленки промыли спиртом, высушили, и вот сейчас, ко всеобщему удовольствию, стрекочет киноаппарат. Правда, купание в морской воде несколько отразилось на качестве звука, несколько изменило цвет пленки, но догадаться, что происходит на экране, можно, особенно если знаешь сюжет. За вчерашние сутки оставили за кормой 170 миль. Ночью шли с пониженной скоростью — проходили район, изобиловавший рифами.

4 февраля

Пошел второй месяц моего плавания на «Каллисто». Поступила телеграмма из Москвы: получено разрешение идти прямо на Ниуэ без захода в Аваруа. Конечно, жалко, что потеряно почти двое суток, но все же это лучше, чем остаться без захода на остров. Сразу же повернули на 180 градусов и пошли к Ниуэ. До острова 145 миль. Настроение у всех прекрасное: хорошо, что программа работ на Ниуэ будет выполнена.

После обеда провели корабельную спартакиаду. В ней участвовали три команды: «Наука», «Палуба» и «Машина». Спартакиада проводилась по четырнадцати видам спорта, причем ни один из них пока еще не включен в программу Олимпийских игр. На мой взгляд, это упущение организаторов Олимпийских игр, так как, например, такой вид спорта, как перетягивание каната, не менее зрелищен, чем, скажем, футбол. Во-первых, здесь не бывает ничьих, во-вторых, участники команд не тянут время и, в-третьих, если в футболе отдельные спортсмены пытаются избежать ответственности за решающий удар, то в соревновании по перетягиванию каната все тянут добросовестно, по мере своих сил и возможностей. Профессор Воронов взял на себя функцию главного судьи соревнования. С точки зрения команды «Наука», судил он добросовестно. В результате «Наука» победила, опередив и «Палубу» и «Машину».

Кок Николай Алексеевич Бендясов приготовил для команды-победительницы специальный торт. Для поддержания дружеских отношений в коллективе решили торт разделить по-братски между всеми командами.

5 февраля

Утром подошли к Ниуэ. Прибыл катер с местными властями

и двумя журналистами — толстым и тонким. Толстяка звали Тофи, а тонкого Сэм. На мой вопрос, сколько журналистов насчитывается в редакции местной газеты, коллеги ответили, что по штатному расписанию всего два журналиста: Сэм и Тофи, причем газета издается на деньги Тофи и раздается бесплатно местному населению. Тираж ее 400 экземпляров, размер газеты две странички, и выходит она раз в неделю, по пятницам. Тофи попросил Баденкова дать интервью о целях и задачах экспедиции «Каллисто», а Сэм, как заправский фотокорреспондент, стал выбирать точку для съемки исторического кадра: первое интервью советского человека журналисту из Ниуэ.

Я спросил у Тофи, какую прибыль имеет он, выпуская свой печатный орган? Оказывается, у газеты есть рекламодатели. Плата за рекламу покрывает расходы Тофи, а прибыли никакой он не получает. Реклама занимает примерно половину одной страницы, а остальные полторы заполняются различными материалами, которые с первой до последней строчки пишутся им и Сэмом. Они рассказывают о местных новостях (которые, впрочем, всем известны и без газеты), а также о важнейших событиях на ближайших от Ниуэ островах Океании. Сэм и Тофи сами вручную набирают газету, сами печатают весь тираж на гектографе и сами развозят по всем деревням острова на мотороллере. Газету охотно берут даже те, кто не умеет читать, может быть, ниуэйцы питают особое уважение к печатному слову, а может быть, просто потому, что газета раздается читателям бесплатно. Почему бы не взять?

Журналисты и местные власти отбыли с «Каллисто», подписав документы на заход судна в территориальные воды Ниуэ и обещав предоставить в распоряжение каллистян автобус для осмотра столицы Ниуэ — города Алофи. А мы, как обычно вооружившись биноклями, собрались на верхней палубе, чтобы сначала хоть издали познакомиться с новым для нас островом. По своей площади он превосходил многие из островов, на которых нам уже пришлось побывать, а по внешнему виду ничем от них не отличался. Та же зеленая шапка из многочисленных кокосовых пальм, тот же прибой, рассыпающийся белыми брызгами об опоясывающий остров коралловый риф. Только если на многих других островах на берегу стояли хижины из тростника, крытые пальмовыми листьями, то здесь, на Ниуэ, виднелись какие-то светлые домики, вероятно сооруженные из железобетонных плит.

Остров Ниуэ имеет еще второе название — Сэвидж, что в переводе на русский язык означает «дикий, необитаемый». По всей вероятности, название в очень далекие времена и соответствовало истине, но уже давно остров заселен.

Наши ученые говорили мне, что Ниуэ — поднимающийся остров. Так это или нет и что означает «поднимающийся остров», об этом расскажет в послесловии к главе Павел Алексеевич Каплин. Я же хочу познакомить вас с другой версией происхождения острова. Жили-были братья, которых звали Мауи, и вот бог Тонга подарил им волшебный крючок. Достаточно было закинуть удочку с таким крючком, чтобы вытащить из моря-океана землю. Бог Тонга, в свободное от других божественных дел время, любил этим заниматься, а потом, видимо, ему это наскучило, и крючок перешел во владение братьев Мауи. Братья энергично принялись за ловлю земель. Закинув удочки в первый раз, они вытащили из океана землю и назвали ее Такелау. Потом поймали еще одну землю и нарекли ее именем Тонга, потом «землеловы» подняли много других земель, в том числе небольшой остров, который сейчас называется Ниуэ.

Старожилы Ниуэ считают такую версию происхождения своего острова достоверной, однако, насколько я понял, она не совпала с гипотезой, которой придерживались ученые «Каллисто». Видимо, для выяснения истины и планировалась остановка у Ниуэ с высадкой научного десанта на остров.

После обеда наша группа сошла на берег, где уже ждал грузовик и две полулегковые машины. Вокруг острова проложена асфальтированная дорога, вдоль которой и пристроились селения. С точки зрения этнографии остров на первый взгляд не представлял большого интереса. Новозеландские власти незадолго до передачи самоуправления местным жителям соорудили на острове маленький заводик железобетонных изделий, отштамповали на нем детали для девятисот одноэтажных домов, в которых и расселили все население Ниуэ. Одинаковые серые коробочки большого эстетического впечатления не оставляют. Таким образом, новозеландцы уничтожили все до единого самобытные деревянные жилища ниуэйцев. Побывали мы и в домах, где живут новозеландские специалисты. Подавляющее большинство их поселилось в Алофи. Дома, где живут «паланги», как называют здесь иностранцев, построены со всеми удобствами, вплоть до горячей воды и кондиционеров.

Когда в 1774 году остров был открыт капитаном Куком, на Ниуэ обитало всего несколько семей туземцев, поэтому и назвали его «Дикий», но к началу нашего века на Ниуэ проживало уже около семи тысяч человек, в основном переселенцев из Самоа. В последнее время наблюдается резкое снижение численности населения за счет отъезда молодежи на заработки в Новую Зеландию, на Фиджи и другие острова Океании. Сейчас же, как

нам сказали, на Ниуэ жили три тысячи триста двадцать человек. Если так будет продолжаться, то лет через тридцать на Ниуэ никого не останется. Кроме, может быть, премьер-министра и его заместителей.

Дабы как-то приостановить этот процесс, местные власти стараются превратить Ниуэ в туристический центр. Недалеко от Алофи уже построен международный аэропорт Ханан. На окраине Алофи возведен солидный отель для иностранных туристов. Приступили к сооружению станции проката яхт и местных лодок-катамаранов. По вечерам в танцзале отеля часто выступает ансамбль, исполняющий полинезийские песни и танцы. Однако эти трансформации, происходящие на острове, не вносят больших изменений в повседневную жизнь ниуэйцев. Основной доход коренные жители получают от копры. Скуден рацион ниуэйцев, и, главное, молодежь не видит для себя перспективы. На Ниуэ введено обязательное начальное обучение. Есть на острове и средняя школа. А что дальше? Где приложить свои силы и полученные знания? Не находя ответа на эти вопросы, молодежь покидает Ниуэ. С каждым рейсом парохода, заглядывающего в этот отдаленный район Тихого океана, с Ниуэ отплывает несколько десятков молодых людей в поисках счастья и лучшей доли. Кое-кто возвращается, помыкавшись несколько лет на чужбине, но покидают остров значительно чаще.

Я поинтересовался у нашего сопровождающего Джо Уоллеса, на что могут надеяться молодые люди из Ниуэ, приезжающие в Новую Зеландию? Мой собеседник пожал плечами:

— Специальности ни у кого из них нет, это — первое. Во-вторых, знание английского языка у наших ребят довольно слабое. Это же не их родной язык. Таким образом, в фактически чужой им стране приходится браться за любую неквалифицированную работу, соглашаясь на мизерную заработную плату. Ничтожно малому числу их удается поступить в университет Сувы, но лишь тем, кому правительство дает государственную стипендию. Число же стипендий ограничено. Для большинства отъезд из Ниуэ оборачивается большой личной трагедией.

Неподалеку группа юношей и девушек стояла около лотка мороженщика. Увидев незнакомого человека, один из пареньков подошел ко мне и спросил, что это за судно стоит на рейде, нельзя ли его приятелю купить билет, чтобы добраться с «Каллисто» до Сувы? Когда я сказал, что «Каллисто» пассажиров не берет, юноша огорченно вздохнул. Паренька звали Роберт.

Между нами произошел следующий разговор.

— В каком ты классе, Роберт?

— В этом году кончаю лицей.

— Думаешь поступать в Сувинский университет?

— Нет, я два последних года немного ленился, и мне стипендии, конечно, не дадут, а у нас есть ребята, которые учатся очень хорошо.

— А какие твои планы, что будешь делать после окончания лицея?

— Вот закончу, стану здесь работать, чтобы накопить денег.

— Наверное, для свадьбы станешь копить деньги?

— Нет, я накоплю деньги на проезд, чтобы заплатить за билет на пароходе, и потом отправлюсь завоевывать мир.

— Ты думаешь, тебе удастся завоевать мир?

— Ну, я так сказал «завоевывать мир», я имел в виду найти свое место в жизни, получить интересную специальность, хорошо зарабатывать. Я настойчивый, если чего-нибудь захочу, то добьюсь своей цели. Вот поэтому я и сказал, что отправлюсь «завоевывать мир».

Да, довольно трудную задачу намеревается решать Роберт, но разубеждать его я не стал, вряд ли он согласился бы с моими доводами.

Представители администрации Ниуэ решили ознакомить нас с достопримечательностями Алофи. Их не так уж много. Нам показали госпиталь, выстроенный новозеландцами. Очень хороший, с новейшим медицинским оборудованием. А потом водитель грузовика, он же местный промышленник, предложил осмотреть фабрику мороженого. Помимо заводиков по обработке копры, видимо, это было одно из крупнейших столичных предприятий. Обойдя пустое помещение (в субботу фабрика не работала) главного и единственного цеха «гиганта» ниуэйской индустрии, каждый из нас получил по сувениру — фруктовое мороженое на палочке.

Автобус с группой ученых поехал по шоссе за город, видимо, чтобы взять образцы почв, а я решил побродить по единственной улочке поселка.

Около одного из железобетонных домиков мое внимание привлекла группа людей, оживленно о чем-то беседующих. Семья, которая проживала в этом домике, праздновала стрижку волос у своего сына. Оказывается, когда на Ниуэ в семье рождается мальчик, то родители могут принять решение не подстригать несколько лет волосы мальчика. Когда тому исполнится лет пять или шесть, то родители рассылают родственникам и друзьям приглашения прийти и стричь мальчику волосы, а также принести подарки. Затем наступает последняя часть празднества:

торжественный обед или ужин. Одна любопытная деталь: каждый гость получает еду пропорционально стоимости подарка или количества денег, которые подарил родителям мальчика.

6 февраля

После завтрака Джо Уоллес повез нас на причал.

Волны то и дело перекатывались через причал, а мы с грустью глядели на силуэт «Каллисто» милях в двух от острова, потому что надежды добраться до судна, как нам казалось, не было никакой. Вдруг Джо, захвативший с собой бинокль, закричал: «Смотрите, они спускают ботик!» Действительно, от «Каллисто» отвалил ботик и направился к причалу. Вел его Владимир Яковлевич Осинный. Конечно, риск был большой, но не зря старпом считается непревзойденным мастером своего дела.

До сих пор не могу понять, как нам удалось перепрыгнуть с заливаемого водой причала в ботик, но факт остается фактом. Сначала Ольга Григорьевна, за ней Баденков и затем я прыгали в ботик в тот момент, когда волна поднимала его на один уровень с причалом, матросы на лету подхватывали нас. Дойдя до «Каллисто», по штормтрапу поднялись на палубу нашего дома. Итак, все на борту. Но уйти от Ниуэ не можем, не оформив документы, разрешающие выход из территориальных вод острова. Таковы правила во всех портах мира, и нарушать их нельзя нигде, даже на таком маленьком острове. Придется подождать, может быть, к вечеру погода улучшится. Обидно, что наши ученые лишаются возможности провести работы на острове и уйдут с пустыми руками, если не считать нескольких образцов, добытых во время вчерашней экскурсии.

Вечером волнение несколько утихло. Но мы остались дрейфовать милях в полутора от острова. Я прошел на кормовую палубу. С наступлением темноты она обычно превращалась в нечто вроде клуба на открытом воздухе. Здесь играли в домино, нарды и шахматы. Обычно кто-нибудь из бывалых моряков принимался рассказывать самые невероятные истории, собирая вокруг себя толпу слушателей, внимавших каждому слову умудренного опытом товарища.

Решив все-таки выяснить, почему же мы не подошли ближе к берегу, пошел к Баденкову. Тот вместо ответа молча вручил мне циркуляр местных властей, в котором капитану предписывалось ежедневно за 15 минут до наступления темноты отводить судно от острова на расстояние не меньше одной морской мили. Вот текст циркуляра: «Карантинная служба Островов Кука согласно правилу от 1955 года предписывает капитанам всех судов,

приходящих на острова Кука (Ниуэ) с любого места, где водятся пальмовые носороги, отводить свой корабль от берега на дистанцию не меньше мили не позже чем за 15 минут до наступления темноты и подходить к берегу ближе одной мили не раньше чем через 15 минут после восхода солнца».

Вы уже знаете, что основное богатство жителей Ниуэ — кокосовая пальма, а злейший враг кокосовых пальм — пальмовый носорог, тропический родич нашего жука-носорога, только размером поболее. До захода на Ниуэ «Каллисто» побывал на других кокосовых островах, и вполне возможно, что на судно могли пробраться несколько таких вредителей. Отсюда и строгости. Носорог проявляет активность лишь ночью, поэтому мы и получили предписание удаляться с наступлением темноты от берега и болтаться в открытом океане на почтительном расстоянии от Ниуэ.

Все объяснялось желанием оградить от нежелательного воздействия окружающую среду.

И команда, и ученые расстроены. Ученым жалко потерянного времени, команде жалко ученых. К тому же есть еще одна общая причина для плохого настроения. Мы так надеялись пополнить запасы пресной воды! За два дня стоянки могли бы забрать ее тонн сорок. Если бы это удалось, то капитан обещал устроить для всего личного состава роскошный банный день. Придется, видимо, до конца месяца довольствоваться для умывания скудной нормой: половиной графина пресной воды в сутки. Лео Суренович со свойственным ему философским спокойствием, попыхивая трубочкой, изрек: «Наука требует жертв».

Все-таки как много легенд рассказывают о маленьких островах Океании! Готовясь к экспедиции, я, естественно, тщательно записывал все сведения об этом районе мира, попадавшиеся мне в изданиях — наших и зарубежных. Среди разных разностей в книге «Эврика» за 1964 год вычитал одно любопытное сообщение. Заметка называлась «Загадки острова Ниуэ».

«...Год назад один ученый послал новозеландскому физику Эрнесту Марсдену пробу почвы острова Ниуэ для исследования. Почва оказалась радиоактивной... Почти в сто раз превышающей нормальную радиоактивность... Свыше ста европейцев — врачей, физиков, живут сейчас на острове. Они питаются только той пищей, которую присылает им новозеландское правительство, а островитяне по-прежнему каждый день поглощают свою порцию радиоактивной снеди и чувствуют себя при этом отлично... Все они высокие, даже многие женщины достигают двухметрового роста... Науке предстоит пролить свет на эту биологическую

загадку».

Заметка в основном состоит из вымысла, лишь слегка припудренного крупицами правды. На Ниуэ обнаружены залежи урановых руд, на острове даже был создан правительством специальный комитет, который, в то время как мы были там, рассматривал вопрос о предоставлении сиднейской компании «Авиан майнинг» права на изыскательские работы. Местные жители называют место, где находятся урановые залежи, «макаухо» («драгоценная скала»). Правительством уже подготовлен проект о добыче урана компанией, который войдет в силу, если предположение «Авиан майнинг» о наличии промышленных запасов урана на Ниуэ подтвердится. В этом случае правительство Ниуэ объявит землю открытой для добычи без согласия владельцев. В проекте предусмотрен налог до пяти процентов рыночной цены на любой минерал, добытый на острове, а также изложены правила, которыми должна руководствоваться администрация компании при разработке и вывозке руды. Каждому взрослому жителю острова была вручена копия проекта.

Что же касается «радиоактивной пищи», употребляемой жителями Ниуэ, и специальных продуктов, привозимых для новозеландцев и других иностранцев, проживающих на острове, то это явный вымысел. Овощи и фрукты, произрастающие на Ниуэ, едят как местные жители, так и приезжие. И блюда из местной копры тоже едят все. И жареная свинина или мясо тех же «пальмовых воров» никаких радиоактивных примесей не содержит.

Конечно, загадки и тайны есть и на Ниуэ (где их не бывает!). Так недавно на острове была раскрыта одна тайна, но она связана с археологией и этнографией и к редкоземельным элементам никакого отношения не имеет. Дело в том, что в разных местах острова с незапамятных времен существуют странные насыпи в форме лодки, сделанные из камней. Длина насыпи тридцать метров, ширина двадцать пять и высота около двух с половиной метров.

Сотрудник новозеландского археологического музея установил, что насыпи были построены около тысячи лет назад. На каменных платформах тогдашние жители острова сооружали свои хижины. Он заявил также, что лодкообразные насыпи напоминают дома новозеландских маори. Являются ли современные жители Ниуэ потомками тех людей, которые жили на острове тысячу лет назад, пока не выяснено, и ученым еще предстоит разрешить этот вопрос.

7 февраля

По-прежнему волнение пять баллов. В бинокль видно, как волны перекатываются через причальчик. Конечно, местные власти рисковать не станут, и бесполезно ждать их на «Каллисто» с документами, разрешающими отплытие. Баденков вспомнил мудрую пословицу о горе и Магомете, рассудив, что если местные власти не идут на «Каллисто», то ему следует идти к местным властям. И вот Баденков, Каплин и Васильев отправились на Ниуэ. Через несколько часов они благополучно возвратились на судно, и мы, дав прощальный гудок, взяли курс на остров Раротонга, где находится столица Островов Кука город Авару а. Там должны получить разрешение на высадку и проведение работ на атоллах Суворова и Пукапука.

Руководство экспедиции, видимо желая смягчить удар, нанесенный ученым на Ниуэ, объявило 8 февраля банным днем, правда, с очень жестким ограничением расхода воды. На каждую помывочную человеко-единицу, независимо от того, доктор наук он или корреспондент, отпускалось 15 минут. Баденков и я сделали широкий жест, вообще отказавшись от своего времени в пользу общества. Сейчас можно признать, что это не было жертвой с нашей стороны, так как накануне мы прекрасно помылись в ванне приютившего нас новозеландца Джо Уоллеса, но в момент объявления такого решения коллектив не подозревал, что среди нечистых находятся двое чистых, и наш поступок произвел великолепный эффект.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

Остров Ниуэ расположен в пределах ложа Тихого океана. Основанием острова служит подводная гора вулканического происхождения. Вершина горы увенчана коралловыми постройками. Когда-то остров Ниуэ был типичным атоллом. Читатель, видимо, представляет себе, что такое атолл. О них много писали и Джек Лондон, и Конрад, и многие путешественники, описывающие тропические острова. Атолл — низкая полоска суши, образующая кольцо, внутри которого располагается лагуна с лазурными водами. Подробнее о современных атоллах я расскажу после нашего посещения атоллов Суворова и Пукапука, сейчас же речь идет об острове Ниуэ, который был атоллом около полумиллиона лет назад. В то

время на подвальном вулкане, вершина которого была очень близка к поверхности океана, поселились колонии кораллов. По краю кратера они образовали кольцо, а на месте кратера вулкана возникла лагуна. Мы еще не знаем в связи с чем, но подводный вулкан стал подниматься. Вместе с ним на семьдесят метров поднялся атолл, образовав современный остров Ниуэ. До сих пор в рельефе острова сохранились признаки строения атолла. Центральная часть острова имеет форму очень полого вогнутой чаши — это бывшее дно лагуны атолла. Чаша окаймляется барьером, возвышающимся над дном бывшей лагуны на тридцать метров. Этот барьер, сложенный коралловым известняком, очень четко выделяется в рельефе. В сторону моря он спускается широкими ступенями-террасами, каждая из которых фиксирует положение уровня моря в различные периоды развития острова.

Для нас изучение острова Ниуэ было очень важно, очень интересно, особенно для меня, геолога, изучающего историю побережий океана. Я все-таки уговорил руководство экспедиции взять меня на остров, когда Баденков и Васильев пошли на берег брать «отход» для «Каллисто». Мне удалось на автомобиле объехать большую часть острова и собрать геологические образцы, которые предназначались для лаборатории Московского университета.

Читателю, конечно, интересно узнать, выявил ли анализ повышенную радиоактивность пород острова Ниуэ, о чем так красочно было написано в книге серии «Эврика»? Образцы, собранные мной, не показали повышенную радиоактивность, это обычный коралловый известняк. Конечно, если бы я собрал образцы непосредственно около месторождения урана, они бы показали повышение радиации.

Между прочим, в бывшей лагуне есть не только уран, здесь найдено, правда не очень богатое, месторождение фосфатов — ценного удобрения для сельскохозяйственных культур. К сожалению, высадка на остров Ниуэ была кратковременной. Мы утешаемся мыслью, что, может быть, в один из рейсов еще вернемся на остров Ниуэ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В гостях у жителей Островов Кука

9 февраля

Так как мы идем к острову Раротонга, где находится столица Островов Кука город Аваруа, то, вероятно, вам будет интересно познакомиться с некоторыми сведениями об этом государстве.

Острова Кука заселены полинезийцами, но до сих пор нет достоверных сведений о том, откуда пришли полинезийцы. А вот первые европейцы пришли к Островам Кука 20 августа 1595 года, когда испанские мореплаватели Альваро де Менданьо и Педро Кейрос открыли атолл Пукапука. Одиннадцать лет спустя тот же Педро Кейрос обнаружил остров Ракаханга, но других открытий в этих местах почему-то не последовало. Только в 1773 году знаменитый Джеймс Кук, продолжая исследования в этом районе земного шара, 23 сентября поднял британский флаг над островом Мануае. Затем им же были открыты еще четыре острова архипелага: Пальмерстон, Мангайа, Атиу и Такутеа. В 1834 году открыт последний, пятнадцатый остров архипелага — Нассау.

В 1883 году Острова Кука стали английским протекторатом. Спустя восемнадцать лет острова аннексировала Новая Зеландия, которая владела ими до 1965 года, когда на островах были проведены всеобщие выборы и принята нынешняя конституция и острова получили право на самоуправление. Жители Островов Кука являются одновременно гражданами Новой Зеландии, и говорят, что в Окленде живет больше выходцев с Островов Кука, чем на Раротонге.

Пока «Каллисто» идет к острову Раротонга, я смогу

рассказать о том, когда был открыт остров, чем он знаменит и что мы сможем там посмотреть. Точная дата его открытия никому не известна, и во всех официальных документах Островов Кука время открытия острова Раротонга указано приблизительно: сентябрь — октябрь 1789 года; фамилии первооткрывателя нет, вместо имени первооткрывателя Раротонги указано название корабля: «Баунти».

Многие из вас наверняка слышали об этом корабле, а может быть, даже читали переведенную на русский язык книгу Бенгта Даниельссона «На «Баунти» в южные моря». Оказывается, Раротонгу открыла мятежная команда английского корабля «Баунти».

Сейчас на Раротонге проживает девять с половиной тысяч человек — половина всего населения Островов Кука.

Никто из каллистян еще не посещал эти интересные острова. Поэтому-то с таким нетерпением все ждали завтрашней высадки.

10 февраля

Большинство участников экспедиции уже восемь суток не имело возможности почувствовать под ногами твердую землю, а главное, вряд ли нашелся бы на судне хотя бы один человек, который не захотел побывать на острове Раротонга и походить по улицам столицы Аваруа. Вот почему, когда сегодня утром мы проснулись и увидели, что «Каллисто» дрейфует около Раротонги, и когда объявили о записи желающих отправиться на экскурсию, у дверей в каюту первого помощника сразу же выстроилась очередь жаждущих приобщиться к столичной жизни...

Написав последнее слово, я, откровенно говоря, запнулся: как правильно называть жителей Островов Кука: куковяне, куканцы, а может быть, кукане?

И вот тяжело нагруженный катер приближается к порту острова Раротонга. По правде сказать, порта как такового не существует. Есть крошечная бухточка с миниатюрным причалом. Наш бот с трудом втиснулся в пространство между берегом и причалом, заполнив его до отказа. На деревянных мостках причала толпа жителей приветствовала нас. Самому старшему из встречавших было лет десять, в массе же своей средний возраст толпившихся на причале народных масс не превышал шести лет.

Оказалось, что наш бот занял место, специально предназначенное для детской купальни, а по правилам подходить к причалу нужно было с левой его стороны. Правда, на другой стороне причала тоже не было ни одного совершеннолетнего

жителя острова.

Научные работы на Раротонге не планировались, и зашли мы сюда лишь для того, чтобы получить у местных властей письменное разрешение на проведение исследований в районе атолла Суворова и на атолле Пукапука. Безусловно, геологам и биологам, географам и океанологам жалко было терять время, но мне!.. Какой журналист откажется посетить столицу Островов Кука! Такое выпадает на нашу долю не часто. К тому же придется ли когда-нибудь еще раз побывать в столице — городе Авару а?

Могу утверждать, что сегодня в Авару а насчитывалось самое большое количество советских людей за всю многовековую историю Островов Кука. В центре города чаще слышалась русская речь, чем английская или маорийский диалект. Правда, нужно учесть, что центр города состоит всего из одной улицы метров триста длиной. Вот что есть на этой улице: несколько магазинчиков, в том числе «Универсам», передвижная лавка на колесах, где двое торговцев продают три сорта мороженого, которое тут же в вашем присутствии приготавливают, один кинотеатр (единственный на все Острова Кука), одна парикмахерская (закрытая в день нашего приезда), переживающая серьезный кризис ввиду докатившейся до Островов Кука моды у молодого поколения мужского пола отращивать длинные, беспорядочно растущие волосы. Недалеко от причала на видном месте — бензозаправочная станция, а рядом на флагштоке поднят государственный флаг Островов Кука — на темно-зеленом полотнище, в дальней от древка половине, пятнадцать (по числу островов) золотых звездочек, расположенных по окружности.

Здесь же, на центральной улице, находятся и все правительственные учреждения, в том числе и резиденция премьер-министра. Около двухэтажного домика, где живет (а может быть, и работает) премьер-министр, на цоколе здания надпись: «Стоянка для премьер-министра». Как я понял, это место у дома было зарезервировано для автомашины, принадлежащей этому высокопоставленному чиновнику. Мне думается, надпись сделана из чисто престижных соображений, потому что обилием машин Авару а похвастаться не может. Автомобилей в Авару а насчитывается от силы две-три дюжины, да и ездить-то на Раротонге, собственно говоря, некуда. В длину остров не превышает восьми километров, а ширина его не более пяти. Шоссейная дорога идет вдоль побережья Раротонги с небольшими ответвлениями в глубину острова.

Мы с Бабаевым решили сделать небольшой киносюжет о столице и в первую очередь отправились искать местную историческую достопримечательность — Дом Такамоа, первое

здание, построенное миссионерами на Островах Кука. Обнаружить его никаких трудностей не представляло, так как массивные высокие каменные стены миссии выделялись среди других построек столицы.

В здании миссии находятся библиотека и музей. В одном из помещений внимание привлекли застекленные витрины, в которых хранились документы, связанные с историей Островов Кука. Особый интерес представлял один из старейших документов, связанный с освоением европейцами этого района земного шара, — путевой журнал миссионерского путешествия по Тихому океану преподобных Джона Уильямса и Роберта Бэрна. Рядом с витриной висели отпечатанные на машинке копии нескольких страниц текста путевого дневника, из которого явствовало, что миссионеры путешествовали в 1823 году на шхуне «Индева» («Попытка»).

Мое внимание в музее привлекла также коллекция морских раковин этого района Тихого океана. К сожалению, сторож музея ничего не смог рассказать, где на Раротонге можно достать такие прекрасные экземпляры раковин.

Снова очутившись на центральной улице Авару а, встретил нескольких наших моряков, с унылым видом прогуливавшихся по асфальтовому шоссе, завершив осмотр столицы. Собственно говоря, Авару а можно осмотреть максимум за час, а так как катер прибывал за нами лишь через несколько часов, то ребята слонялись как неприкаянные по центральной улочке, не зная, куда себя девать. Кинотеатр открывался лишь в восемь часов вечера, а больше подходящих развлечений на острове не нашлось.

В одной из лавок, несколько похожей на наш сельский универмаг, я обнаружил книжный отдел. Выбор литературы не поражал разнообразием: в основном преобладали старые номера австралийских и новозеландских журналов. Но зато на стопку одинаковых книг я сразу же обратил внимание. На титульном листе стояло: «Том Нил. Остров для меня». Вот это удача! Иметь возможность купить книгу Тома Нила, отшельника, который жил на атолле Суворова, куда «Каллисто» отправится, уйдя сегодня вечером с Раротонги! Даже если Том Нил уже не живет на атолле Суворова, все равно очень интересно прочитать его мемуары. Как никак, а человек прожил на атолле в полном одиночестве несколько лет.

Решив прогуляться вдоль побережья, я побрел по шоссе. По обеим сторонам его виднелись небольшие коттеджи, владеют которыми в основном новозеландцы. Местные жители обитали, как правило, в деревушках, раскинутых по берегу, а в Авару а их хижины располагались на окраине.

Неожиданно пошел дождь. Я укрылся под кроной гигантского мангового дерева, где уже стояли двое ребятишек: девочка лет семи и мальчишка чуть постарше. Мальчуган с любопытством посмотрел на незнакомого ему человека, переглянулся с девочкой и, набравшись храбрости, спросил, не с того ли я судна, что стоит на рейде. Услышав утвердительный ответ, мальчик очень вежливо осведомился, нельзя ли ему с сестрой посетить судно, принадлежащее джентльмену?

Джентльмен ответил, что, к сожалению, это вряд ли осуществимо, так как «Каллисто» отплывает через три часа, а сейчас до судна не добраться.

Брат и сестра, как по команде, с сожалением вздохнули и, видимо решив как-то компенсировать себя за неудачу, стали бомбардировать меня вопросами.

Мальчик:

— Прошу прощения, ваше судно, вероятно, самое большое в мире. Мы никогда не видали такого судна. Из какой оно прибыло страны?

— Это советское судно. Оно совсем не такое уж большое. Многие суда, которые ходят через океаны, гораздо больше «Каллисто».

— Что такое «советское»? Это название фирмы?

— Название страны — Советский Союз.

Девочка:

— Никогда не слышала о такой стране. Она меньше Новой Зеландии? Она больше Островов Кука? Наши папа и мама из Веллингтона, мы уже долго живем здесь, целых три года. Папа говорит, что здесь дешевая жизнь для тех, кто умеет устраиваться. А наш папа все умеет.

— Советский Союз гораздо больше Новой Зеландии, наша страна очень-очень далеко от Островов Кука, на другом конце земного шара.

Мальчик:

— Извините, но вы, вероятно, ошиблись. Новая Зеландия — самая большая страна. Даже больше Великобритании. Нам говорили об этом в лицее. А куда потом пойдет ваше судно?

— Нет, я не ошибся. Когда пойдешь в лицей, то посмотри на карту и убедишься в этом. «Каллисто» пойдет отсюда сначала на атолл Суворова, а потом на атолл Пукапука.

Ребята хором:

— О! Не ходите на Пукапука! Нам рассказывали, что там очень голодно, там нет продуктов.

— Ничего, у нас есть продукты на «Каллисто».

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался.

Мы покинули убежище, и мои собеседники выразили желание проводить гостя до конечного пункта путешествия. Я объяснил, что просто гуляю по острову и скоро должен возвращаться на причал, куда подойдет катер с «Каллисто».

— А вы не видали, — спросил мальчик, — наш новый отель? Это недалеко отсюда. Он очень красивый, там живут богатые туристы. Мы можем показать вам туда дорогу.

Я поблагодарил ребят, сказав, что с удовольствием воспользуюсь их любезностью.

Мы пошли по шоссе.

Отель, расположенный в полутора милях от Аваруа, был погружен в послеобеденную дрему, и два лежавших у входа перед стеклянной дверью здоровенных лохматых пса при моем приближении приоткрыли по одному глазу, лениво помахали хвостами и, уткнув морду в лапы, продолжали прерванный сон. Смуглолицый предупредительный портье осведомился, не нужна ли мне комната, и, услышав, что посетитель хочет всего лишь выпить чего-нибудь холодного, пригласил пройти в бар. В полутьме зала разглядел туристов, сидевших за столиком. Любопытно, что большинство туристов из Соединенных Штатов и Англии, которых приходилось встречать на всех континентах, были пожилыми людьми, давным-давно перевалившими за пенсионный возраст.

Вернувшись на «Каллисто», поднялся на капитанский мостик, посмотреть, как станем отходить от Раротонги. Вахту нес третий штурман Валерий Петров. Вместе со мной в рубку зашел боцман Юрий Педьков и спросил у Валерия, куда сложить мешки с почтой.

Петров удивленно посмотрел на него:

— Откуда у тебя взялась почта?

— А местный катер еще утром доставил. Катер, на котором приходили карантинные власти, — пояснил боцман и добавил: — Три мешка на Пукапука и два на Суворов.

Услышав последние слова боцмана, я не выдержал и переспросил, точно ли на Суворов адресована почта.

— На мешках ясно написано «Суворов» и еще какое-то имя и фамилия,— несколько обиженно произнес Педьков.

Действительно, пройдя на корму, я увидел стандартные почтовые мешки, и два из них предназначались для передачи на атолле Суворов мистеру Тому Нилу. Это явилось для меня совершенно неожиданным открытием, так как я был почти уверен, что в настоящее время на всех четырех островках атолла Суворов никто не живет.

Юрий Петрович Баденков, слышавший наш разговор, хитро

улыбнувшись, заметил, что не всегда журналисты первыми добывают интересные новости. Оказывается, он еще утром узнал о поступившей почте и за несколько часов пребывания в Аваруа не только успел собрать кое-какие сведения о Томе Ниле, но и познакомился с его дочерью. Первый помощник капитана Олег Климчук добавил, что и ему удалось познакомиться с дочкой Тома Нила, которая вручила письмо для передачи отцу.

Моему профессиональному самолюбию был нанесен жесточайший удар, и горечь проглоченной пилюли не могла подсластить даже беседа с шипшандером, который рассказал мне подробно, как у него в конторе работал сын Тома Нила.

Слабый реванш мне удалось взять, показав купленный в Аваруа экземпляр книги Тома Нила. Но как же я прозевал многочисленных родственников старика! Обидно.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ

Остров Раротонга, когда мы увидели его, выглядел настоящим вулканом, имеющим форму почти правильного конуса. Вулканы островов Рауль и Ниуафооу не имеют конусовидных вершин, они были разрушены во время извержений, и поэтому со стороны моря эти острова не похожи на те вулканы, которые мы привыкли видеть на картинках. А вот Раротонга очень похож, хотя как вулкан он погас гораздо раньше островов Рауля и Ниуафооу.

Вулкан острова Раротонга образовался несколько миллионов лет назад. За этот период во влажном тропическом климате первичный вулканический рельеф острова был достаточно сильно переработан.

Однако самым интересным оказалось подножье вулкана. Он опоясан кольцом кораллового рифа, образующим почти плоскую террасу шириной 300 — 500 метров и высотой до шести метров над уровнем океана. Собственно, на этой террасе сосредоточена вся жизнь населения острова.

Коралловое кольцо вокруг острова образовалось, видимо, довольно давно. Первоначально здесь, так же как у склонов острова Ниуафооу, коралловых колоний не было. Океанские волны вырезали у подножья вулкана волноприбойную площадку. На этой площадке и расселились колонии кораллов.

На примере острова Раротонга мы видим, как на океаническом острове сочетается вулкан с атоллом: ведь

коралловая терраса вокруг острова — это почти атолл, где центральную часть занимает не лагуна, а вулкан. Я писал в комментариях к предыдущим главам, что типично океанические острова бывают или вулканами или коралловыми постройками. Но между этими, казалось бы, совершенно различными природными образованиями существует тесная связь, возникают переходные формы.

В этой книге мы познакомились с двумя вулканическими островами Раулем и Ниуафооу. Они различны по возрасту, по геологическому строению, развитие их происходило по-разному. Например, на острове Рауль центральная кальдера-кратер образовалась в результате взрыва вершины вулкана две тысячи лет назад, а на острове Ниуафооу почти такая же кальдера возникла после оседания купола.

Вокруг двух вулканов нет кораллового рифа. Риф не смог возникнуть у берегов Рауля потому, что он расположен южнее зоны развития кораллов. На острове Ниуафооу отсутствие рифа объясняется, как я рассказывал раньше, молодостью острова. В дальнейшем, через сотни, а может быть, и тысячи лет, у этого острова, так же как и вокруг вулкана Раротонга, должна образоваться кольцевая терраса.

Вместе с различиями на островах-вулканах бросаются в глаза взаимные переходы одних элементов строения в другие. Пример острова Раротонга показывает, что вулканы-острова тропической зоны имеют родство и с атоллами, с которыми мы познакомимся в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отшельник с атолла Суворова

11 февраля

Идем полным ходом к Суворову. От Раротонги до атолла Суворова 513 миль, и при хорошем ходе сможем прибыть на место через двое с половиной суток. Это воскресенье, но если Том Нил в добром здравии, то надеемся, что прогулки Тома Нила ограничены размерами его острова Анкоридж. Согласно данным лоции, атолл Суворова, занимающий площадь сто квадратных акров, состоит из четырех островков. Самый большой — Анкоридж, и еще есть острова Хай-Айленд, Фану и Энтранс.

Надежда Константиновна Христофорова пригласила всех прийти вечером в столовую команды, где она будет показывать диапозитивы, снятые ею во время туристской поездки в Италию. Христофорова хорошо разбирается в искусстве и очень умелый рассказчик, так что заранее предвкушаю удовольствие.

А пока стараюсь использовать свободное время, внимательно читаю записки лейтенанта Унковского о кругосветном плавании Михаила Петровича Лазарева на судне «Суворов» в 1813—1816 годах. Лейтенант Унковский подробно описывал, как был открыт атолл Суворов. Вот выдержка из его дневника.

«28 сентября. При тихом пассате и приятной погоде продолжали наше плавание. К вечеру начали показываться птицы во множестве разных родов, на которых мы обращали свое внимание, полагая, что на далеком расстоянии должен находиться какой-либо неизвестный остров, для чего приказали смотреть прилежнее в наступающую ночь. В 9 часов вечера крик птиц увеличился, и скоро оказалось, что мы в своем мнении не

обманулись: в 11 часов увидели берег к юго-юго-востоку. В скором времени легли в дрейф, бросили лот на 120 сажень, не достали глубины. Убавили все лишние паруса и решились ожидать рассвета. В шесть часов начало рассветать, и виденный нами берег оказался группой из пяти неизвестных островов... Мы скоро уверились, что острова сии необитаемые и как оных не оказалось на картах, то первое открытие оных предоставлено было нам, почему и назвали оные острова Суворова, по имени нашего корабля и в память славному гр. Суворову...»

Юрий Петрович Баденков дал команду Володе Семенову изготовить мемориальную доску в память о нашем посещении атолла. Как-никак, а «Каллисто» — лишь второе российское судно за последние полтора века, посещающее этот атолл. Можно сказать, событие историческое, если не для всей Океании, то по крайней мере для атолла Суворова.

От вечера, подаренного нам Христофоровой, получил истинное удовольствие. Она показывала диапозитивы, снятые в Риме и Ватикане. Мне приходилось неоднократно бывать в этих местах, слушать пояснения римских экскурсоводов и просто бродить по «вечному» городу, но специалисты-экскурсоводы против Надежды Константиновны...

12 февраля

Когда идешь на судне в открытом океане день, два, неделю, месяц, то привыкаешь не только к ритму жизни (побудка, размеренный распорядок дня, объявления по селектору), но и к внешним раздражителям: качке, или же к шуму работающих машин, или плеску волн. Привыкаешь настолько, что просто этого не замечаешь. И вот сегодня в десять часов утра, сидя в каюте и углубившись в чтение мемуаров Тома Нила, я вдруг почувствовал какое-то странное, необъяснимое беспокойство. Что-то было не так, чего-то не хватало, обычного, будничного, неотъемлемого от нашей судовой жизни.

Я обратился с вопросом к Виктору Прондяеву, вот уже который день все свое свободное время расходовавшему на изготовление какой-то катушки трансформатора.

— Виктор, — сказал я, — что-то со мной происходит неладное. А с вами ничего не происходит?

— Ничего не замечаю, — возразил Прондяев. — Все вежливы, обходительны, никто не ругается. Правда, «дед» ворчал за завтраком, мол, придется остановить машины часа на два и заняться мелким ремонтом...

— Эврика! — радостно воскликнул я, так стукнув кулаком по

столу, что Виктор должен был придержать подпрыгнувший моток проволоки: — Машины-то остановлены?

— Конечно, остановлены, раз «дед» ремонтирует их.

— И шума от моторов нет?

— Откуда же будет шум, если машины остановлены?

— Поэтому и необычно: мы же привыкли к шуму. Отсюда и состояние у человека не такое, как всегда!

— У какого человека? — переспросил Прондяев.

— У меня.

— А-а-а, — протянул Виктор. — Так вы не беспокойтесь. В 12 часов ремонт закончат, как раз к обеду. И если вам так нужен шум, то он обязательно будет, когда заработает машина.

Вот что значит привычка к неудобствам. Когда этих неудобств лишаешься, то чего-то человеку не хватает. Так уж он, видимо, устроен.

После обеда пошел в лабораторию познакомиться с подопечными нашего зоолога Романа Злотина. Человек он очень интересный, влюблен в свою профессию и очень нежно относится к своим питомцам, которых у него множество. Это какие-то особые пауки, змеи, ящерицы и всякая другая живность. На островах, где мы побывали, животный мир не так уж богат, но повсюду Злотину удавалось пополнять коллекцию. Например, когда группа ученых несколько часов находилась на острове Ниуэ и мы зашли в конторку владельца фабрики мороженого, то и там Роман, заметив на стене нескольких ящериц, мигом поймал их и спрятал, как мне показалось, к себе за пазуху, а потом я уже видел этих ящериц, сидящих у него в стеклянной банке.

Мне рассказывали, что у Романа Злотина дома небольшой зоопарк. Конечно, быть владельцем зоопарка в московских условиях довольно сложно, и можно предположить, что у Романа изумительная супруга, которая решается делить жилплощадь с разными ужами, жуками и скорпионами.

Когда я пришел в лабораторию, Роман занимался жертвоприношением, спасая жизнь более ценного экспоната за счет существования менее редкой особи: он впустил в большую банку, где сидела змея, маленького мышонка. Этот процесс кормления пресмыкающегося мне, откровенно говоря, эстетического удовольствия не доставил. Но все же делалось ради науки! И потом если рассуждать здраво, то среди нас тоже мало вегетарианцев.

Вечером сделал несколько выписок из книги Тома Нила. Может быть, с некоторыми из этих выдержек будет интересно познакомиться и вам.

«Я родился в Веллингтоне и был еще очень маленьким, когда

мы переехали на новозеландский остров Южный. Достигнув совершеннолетия, я ушел из дома. Отслужив в армии, я направился на острова Океании. Я бродил с острова на остров, иногда на несколько месяцев устраивался кочегаром на один из тех старых и тихоходных грузовых пароходов, что курсировали между островами. Когда же мне это надоедало, я на время оставался на одном месте, занимаясь прореживанием кустарника или выращиванием бананов. Работа находилась всегда, и на кусок хлеба мне хватало. Только тогда я действительно узнал и полюбил острова, разбросанные, как жемчужины от ожерелья, в южной части Тихого океана. Это Манихики на заре, когда шхуна пробирается через проход в рифах; Папеэтэ на закате, когда океан тихо плещется у главной улицы города; легкая дымка на кокосовых пальмах Пукапука; облака над Моореа с его зубчатым силуэтом потухших вулканов; Паго-Паго... Я любил их, а было это за десять лет до того, как в 1931 году я вернулся в Новую Зеландию.

Несколько месяцев я перебивался случайной работой, затем опять отправился в путь, на этот раз уже зная куда, поскольку из всех островов один манил меня больше всего. Это был Моореа — маленький остров возле Таити, владение Франции. Здесь-то я окончательно и обосновался. Или думал, что обосновался. На острове яркой красоты с его зубчатыми пиками синего и серого цветов, поднимающимися от белых отмелей пляжей до внушающих ужас остроконечных скал на фоне голубого неба. Это маленький остров, на котором тем не менее для жизни было всего более чем достаточно. Остров изобилия. Я мог гулять по извилистой узкой дорожке вдоль берега, собирая гуайявы, кокосовые орехи или папайю.

Я был очень счастлив на Моореа. Выучился говорить по-таитянски, Завел одного-двух друзей, много работал, много читал. Единственное, что мне требуется до сих пор, — это интересная книга перед сном.

Именно на Моореа я впервые познакомился с произведениями американского писателя Роберта Дина Фрисби, которому суждено было столь серьезно повлиять на мою жизнь. Фрисби обосновался на островах Тихого океана и написал о них несколько книг, которые я читал и перечитывал, хотя в то время мне никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день мы станем друзьями. Но судьба уготовила мне встречу с Фрисби.

Поскольку этому человеку было суждено оставить глубокий след в моей жизни, я должен описать его. Фрисби был необыкновенным человеком. Задолго до того, как я с ним познакомился, умерла его жена — туземка, настоящая красавица,

оставившая ему четырех маленьких детей. Он был влюблен в острова, его книги об островах получили хороший отзыв критиков, но, насколько я знаю, отнюдь не сделали его богатым. Однако это его не трогало. Целью его жизни было писать, и он обладал счастливой способностью жить сегодняшним днем, не заботясь, очевидно, ни о чем другом.

Однажды вечером, когда мы уже хорошо были знакомы с Фрисби, я заинтересовался его словами. Фрисби сказал мне: «Том Нил, Суворов — самое красивое место на земле, и человек не жил по-настоящему, если он не жил там». Отличные слова, подумалось мне. Но не так-то легко воплотить их в жизнь.

В 1945 году у меня неожиданно возникла возможность на два дня съездить на Суворов. Это было приятное и спокойное путешествие. Не могу себе представить лучшей возможности для знакомства с южной частью Тихого океана, чем та, которую дает палуба маленькой шхуны. Жизнь текла на ней размеренно и неторопливо.

Мои первые впечатления от Суворова: несколько миль рокочущей, трепещущей коралловой цепи рифов, одинокие группы пальм на фоне голубого неба, пальмовые рощи, разбросанные по островкам, как бы пунктиром намечающим огромную, почти круглую петлю рифа.

Я пробыл на Анкоридже два дня и вернулся домой, но еще семь лет предстояло мне ждать осуществления моей мечты — переселиться на Суворов, семь длинных лет до того дня, когда другое судно из Раротонги пройдет где-нибудь вблизи острова. Возможность поселиться на Суворове представилась лишь в 1952 году, когда я совершенно случайно узнал, что небольшое судно «Махуранджи» пойдет на остров Манихика и курс его будет лежать мимо Суворова.

Договорившись с капитаном судна, я стал готовиться к отплытию. У меня оставалось всего две недели на то, чтобы собрать все, что, как мне казалось, необходимо человеку для жизни на необитаемом коралловом атолле.

Мне было пятьдесят лет. Моя мечта была юношеской, и не был ли я теперь слишком стар, чтобы успешно осуществить ее? Я льстил самому себе, считая, что по-прежнему нахожусь в отличной форме, но не вызывало сомнений, что трудности физического характера отразятся на мне тяжелее, чем это могло бы быть, скажем, двадцать лет назад.

Вот и пришел момент отплытия, я покидал Раротонгу, и, возможно, навсегда. Мы прибыли на Суворов 7 октября 1952 года».

Дальше Том Нил подробно говорит о своем пребывании на

атолле Суворова. Сначала он прожил на атолле два года и, заболев артритом, вернулся на Раротонгу. Спустя некоторое время он вернулся на атолл и провел на нем еще около трех лет. Пересказывать содержание книги я, конечно, не стану, потому что гораздо интереснее для вас будет, на мой взгляд, знакомство с Томом Нилом и его рассказ о том, как он живет на атолле Суворова. Но один абзац из послесловия к этой книжке я все же приведу, потому что здесь объясняется, почему он покинул атолл: «Я покинул Суворов 28 декабря 1963 года. Главная причина была проста: я понял, что старею, а перспектива смерти в одиночестве меня не особенно прельщала. Пришло время пробудиться от прекрасного сна, пока он не стал кошмаром».

Итак, Том Нил говорит в своей книге, что он покинул остров, почувствовав приближающуюся старость, но почему же он решил вернуться на атолл? Сейчас ему уже далеко за семьдесят. Возраст не юношеский. Неизвестно, сколько он живет на Суворове в этот заезд, когда он в третий раз прибыл на Анкоридж. Все это предстоит узнать завтра, если мы найдем Тома Нила в добром здравии. В Аваруа последние сведения о Томе Ниле получили месяцев шесть назад, когда атолл посетила шлюпка с одного из кораблей, проходивших мимо Суворова. Тогда Том был жив-здоров, но ведь прошло полгода!

Впрочем, будем надеяться, что за это время с отшельником ничего плохого не случилось. Завтра все станет ясно.

13 февраля

Вчера вечером Баденков вместе с руководителями научных групп детально обсудили работу на атолле Суворова. Решили на Анкоридже — острове Тома Нила — устроить временную базу, конечно, если Том Нил не станет возражать, а все работы производить на остальных островках. Завтра же утром ботик высадит на Анкоридж Баденкова, Ольгу Григорьевну, Володю Семенова, Виктора Бабаева, Олега Климчука и меня. Оставив нас на острове, бот развезет других членов экспедиции по островкам лагуны. Мы же пробудем на Анкоридже до вечера и возвратимся на «Каллисто». Программу работ на оставшиеся два дня пребывания на Суворове определим позднее.

Признаться, когда наша группа спускалась по штормтрапу с «Каллисто» в ботик, все испытывали некоторое беспокойство. Еще раз повторяю, что никто не знал, какие события могли произойти за минувшие полгода на затерянном в океане клочке земли. Согласитесь, что в возрасте Тома Нила, имея за спиной столь солидный груз прожитых лет, быть Робинзоном сможет не всякий.

И вот мы приближаемся к Анкориджу. Матрос Володя Демченко, сидевший на корме с биноклем в руках, закричал:

— Вижу человека на берегу, он машет нам рукой.

У меня отлегло от сердца. Значит, у Тома все в порядке. Проходя через вход в лагуну около бурунов, заметили стаю резвящихся акул. Штук шесть их, выставив над водой верхние плавники, стремительно разрезали воду, устроив настоящую карусель.

Владимир Яковлевич Осинный приказал сбавить скорость, и мы тихонечко стали приближаться к Анкориджу. Том Нил стоял по колено в воде метрах в тридцати от берега, опираясь на сучковатую длинную палку. Высокий, очень худой, он молча делал знаки рукой, показывая, как удобнее провести бот ближе к берегу, минуя коралловые мели. Лицо его, бесстрастное, не выражавшее никаких эмоций, прикрывала видавшая виды потрепанная фетровая шляпа с большими полями.

И вот мы уже почти вплотную приблизились к Тому Нилу. По установившейся у нас традиции первым на остров всегда сходил начальник экспедиции, но Олег Климчук на этот раз нарушил обычай и поспешил раньше всех соскочить в воду, чтобы первым поздороваться со стариком. Виктор Бабаев, я и другие, сидевшие в боте, решительно запротестовали, требуя, как незаконное, не засчитывать «первопроходство» Климчука. Первый помощник капитана нехотя отошел к борту, уступил место Баденкову. Стрекот кинокамеры Виктора Бабаева и щелчки затворов фотоаппаратов прозвучали лишь в тот момент, когда Том Нил обменивался рукопожатием с Юрием Петровичем.

Ритуал был соблюден, и все попрыгали в воду. Вода лагуны до противности теплая. Скользя по покрытым слизью кораллам, устилавшим дно лагуны, медленно побрели к берегу. Еще несколько минут, и вот мы уже шагаем вслед за Томом по дорожке к его обители, расположенной в самом центре острова. Путь не такой уж длинный, так как пересечь остров по тропинке, идущей от лагуны до противоположной стороны, можно за четыре минуты, а если идти быстрым шагом, то и двух хватит вполне. Том Нил идет впереди, показывая дорогу, хотя заблудиться на Анкоридже невозможно. Мы несем грузы, захваченные для Тома Нила на Раротонге, — мешки с почтой и несколько посылок, которые нам передали для Тома власти Островов Кука. Мне достался фанерный ящик.

Я иду и с любопытством оглядываюсь по сторонам. Остров низкий, без каких-либо холмиков или возвышенностей. Куда ни взглянешь — кокосовые пальмы, а под ними — колючий кустарник. Кусты причудливо переплетаются, и, вероятно,

пробраться между ними почти невозможно даже для молодого, полного сил мужчины. В месте нашей высадки берег песчаный, изрытый воронками — жилищами маленьких крабиков. А поближе к стволам кокосовых деревьев видны норы, вероятно, в них живут хорошо знакомые нам большие крабы — «пальмовые воры».

Да, я забыл сказать, что наш бот остановился рядом с сооруженным из крупных камней небольшим пирсом. Этот пирс был построен во время второй мировой войны находившимися здесь новозеландцами и полинезийцами и сохранился до наших дней.

Дойдя до домика Тома Нила, мы сложили почту и посылки, команда и ученые попрощались с отшельником, ботик ушел, а шесть человек остались на Анкоридже, население которого сразу же увеличилось на шестьсот процентов.

Усадьба отшельника состояла из небольшого домика с верандой и трех подсобных помещений — двух хижин, служивших складом, и кухни с печкой. Сбоку на высоких столбах виднелось нечто вроде сторожевой будки. Это на тот случай, если на остров обрушится ураган. Явление довольно частое в этих местах.

Баденков спросил Тома Нила, можно ли нам сегодняшний день провести на его острове. Том ничего не имел против. В свою очередь я попросил Тома дать интервью советскому журналисту в любое удобное для него время.

— Конечно, — ответил Том, — с удовольствием, но, к сожалению, сегодня у меня очень много работы, и если вас не затруднит, то отложим интервью до завтра.

— Наверное, вы начнете отвечать на полученные письма? — сказал я, кивнув на груду конвертов с разноцветными марками разных стран, занявших половину площади колченогого столика, стоявшего на веранде.

— Нет, — равнодушно произнес Том, — Письма меня не интересуют. — Взяв несколько штук, он просмотрел адреса и снова бросил в общую кучу. — Посмотрю, если есть деловые, отвечу попозже, когда ваше судно уйдет. У меня каждый день уйма дел, и все нужно решать по порядку, а я же не знал о вашем приходе. Вот завтра освобожу время с утра, тогда мы с вами поговорим, и, может быть, нарушу свой распорядок дня и завтра же отвечу на деловые письма, если вы согласитесь переправить их на Большую землю.

Мы пояснили, что на Большую землю попадем не скоро, и следующая остановка «Каллисто» будет на Пукапука.

— Пукапука, — назидательным тоном произнес Том, — по

сравнению с Суворовым, также Большая земля.

Итак, интервью мне будет дано лишь завтра. Завтра так завтра. И я с интересом стал смотреть, чем будет заниматься наш герой.

Первым делом он пошел на кухню растапливать печурку. Топлива было достаточно, так как вокруг валялось много сухих листьев кокосовых пальм и хвороста — старых ветвей, колючих кустарников. Растопив печку, Том размолол ручной мельницей горсточку зерен и принялся варить кофе. На эти процедуры ушло немногим более часа. Том угостил и нас кофе. Баденков поинтересовался, правда ли, что у Тома Нила есть персональный почтовый штемпель атолла Суворова. Получив утвердительный ответ, Юрий Петрович спросил, не может ли Том проштемпелевать нам несколько открыток.

— Знаете что, — сказал Том, — я вам принесу штемпель и подушечку, вы сами и штемпелюйте, потому что подошло время кормить моих кур и, если я не приду, они станут волноваться. Обычно после полудня я ложусь отдыхать часа на два-три, но в связи с вашим приездом послеобеденным сном можно пренебречь. Вероятно, я все-таки займусь просмотром полученной почты.

Том ушел к курам, а мы с Юрием Петровичем принялись штемпелевать захваченные с «Каллисто» открытки для наших друзей-филателистов. Думаю, можно по пальцам сосчитать, сколько коллекционеров марок на земном шаре имеет такие редкие открытки со штемпелем атолла Суворова.

Вскоре Том Нил вернулся и взялся за сортировку почты. Большинство из полученных писем он, не читая, бросал в корзинку для мусора. Заметив мой недоуменный взгляд, Том пояснил: филателисты пишут, а зачем я, например, стану ставить свой штемпель на конверт с канадской маркой. С атолла Суворова можно отправлять письма только с марками Островов Кука.

Ольга Григорьевна, относившаяся с полным безразличием к заботам и тревогам филателистов, зато, как все женщины, любознательная, разглядела в глубине комнатки, служившей, видимо, спальней, толстый альбом на небольшой полочке и поинтересовалась, не фамильные ли там фотографий Тома Нила.

— Это, — ответил Том, — альбом для тех, кто посещает атолл Суворова. В нем собраны фотографии яхт, заплывавших на Анкоридж, и автографы экипажей. В последние годы яхтсмены очень мне досаждают. За прошлый год сюда приходили тридцать восемь яхт. Большое беспокойство с ними. Шум от них и гам. Отдохнуть некогда. Чаще всего приходят парочками: на яхте он и она. Бывают и одиночки. Почти все с Папеэтэ, с Таити.

Том еще долго ворчал насчет молодых богатых бездельников, разгуливающих на яхтах по Тихому океану. Заметив, что Нил раскрыл письмо, переданное его дочкой через Климчука, я спросил, что ему пишет дочка и давно ли они виделись.

Старик удивленно посмотрел на меня:

— У меня нет никаких родственников на Раротонге. Дочь Стелла живет в Новой Зеландии, в Окленде, а сын Артур — в Австралии. Жена же моя давным-давно умерла.

— Нам говорили в Аваруа, что там работал ваш сын.

— Это был мой приемный сын, а не родной, — пояснил Том. — Он погиб два года назад.

Вот и полагайся на «рассказы очевидцев» и сведения, полученные из вторых рук! Олег Климчук был обескуражен, да и Баденков, признаться, тоже, зато я торжествовал, припомнив им ехидное замечание в мой адрес, когда они хвастались, что «взяли интервью» у дочки Тома Нила.

Разобрав половину почты и бросив почти все прочитанные письма в корзинку, Том пошел добывать себе пищу, прихватив длинный, метров шесть, тонкий шест с прикрепленным на конце под прямым углом острым ножом. Подойдя к одной из пальм, ловким движением перерезал ножку, связывающую кокосовый орех со стволом, и плод упал к нашим ногам. Таким же образом срезал еще несколько орехов. Ударами большого ножа Нил вскрыл оболочку и предложил нам попробовать молоко его кокосовых пальм.

Приспособление Нила годилось только для невысоких пальм, а их насчитывалось на острове не больше сотни. Том пояснил, что урожая с этих пальм вполне хватает для пропитания, а когда переспелые орехи сами надают с высоких пальм, он их тоже пускает в дело, так как вкус копры молодого кокосового ореха отличается от старого и из каждого сорта блюда готовят по-разному.

Угостив нас кокосовым молоком, Том все же удалился в спальню подремать часик-другой, сказав, что мы можем ходить где пожелаем и смотреть все, что нам хочется.

Откровенно говоря, смотреть было практически нечего. Мы познакомились с двумя петухами и дюжиной кур, сидевших в тени под навесом на площадке, огороженной ржавой железной сеткой. На площадке были разбросаны расколотые орехи и стояло несколько плошек с водой. Воду пили куры, а ели они ту же пищу, что и Том, — копру.

В двух десятках метров от дома набрели на маленький огород, размером не больше двух соток. Приусадебный участок зарос местным атолловым бурьяном, и, видно, к земле уже давно

не прикасалась рука человека.

Недалеко от тропинки я увидел двух кошек. Других зверей на острове Анкоридж не было. Потом мы посидели на скамеечке у берега возле лагуны, но солнце так нещадно жарило, что никто не рискнул высидеть под его лучами свыше пяти минут. Пошли к другой скамеечке на противоположном берегу, но разницы не почувствовали, а больше идти было некуда. Попробовали выкупаться в лагуне, но когда зашли по щиколотку в горячую воду, заметили круживших вокруг нас небольших, размером до полуметра, молодых акул. Шуганули их раз-другой без особого успеха. Очень нахальные акулята упрямо пытались познакомиться с нами. А подальше, метрах в пятидесяти, заметили стремительно разрезавшие гладь лагуны плавники особей значительно больших размеров, вероятно, родителей вертевшихся возле нас детенышей. Выбравшись на сушу, устроились под самыми тенистыми пальмами, предварительно рассчитав, куда могут упасть орехи, гроздьями висевшие метрах в десяти от земли. Трехкилограммовый шар, свалившись на голову с такой высоты, доставил бы любому из нас крупные неприятности.

Лежа под кокосовой пальмой на плащ-палатке и рассматривая проплывавшие по синему небу маленькие белые облака, я думал, сколько может выдержать в таком режиме обычный человек, если ему предложат поселиться одному на острове, подобном Анкориджу? Будто угадав мои мысли, лежавший рядом Баденков произнес:

— Как ухитряется Том Нил годами жить здесь? Я бы продержался максимум неделю.

Я ничего не ответил. Все-таки у Тома Нила есть какая-то работа, какие-то занятия. Наверняка они в значительной степени скрашивают монотонность жизни отшельника. Впрочем, нужно самому хотя бы сутки-двое прожить на Суворове жизнью Тома Нила и уже после этого делать какие-то выводы.

Завтра мы с Виктором Бабаевым будем лишь вдвоем (не считая Тома Нила) работать на Анкоридже, снимая сюжет для «Клуба кинопутешествий». После вторых суток пребывания на Суворове я, конечно, смогу ответить на вопрос, сколько бы дней я смог продержаться на таком островке.

14 февраля

Сегодня утром мы с Виктором высадились вдвоем на Анкоридж. Я прихватил диктофон, решив попытаться разговорить Тома Нила, если, конечно, это удастся. К счастью, Том оказался человеком, выполняющим обещания.

Мы уселись на веранде, и Том начал рассказ. Увидев в моих руках свою книгу, Том заметил:

— Эту книгу я написал в 1965 году, пришлось много поработать, потому что не имел опыта литературной деятельности. Закончив рукопись, послал ее в Англию, а там в издательстве кое-что переделали из того, что я написал, причем переделали не так, как мне хотелось бы. Отдельные события изложили не совсем точно, а кое-что выбросили. Тогда я написал письмо в издательство, заявив, что такие искажения мне не по душе, а они ответили, что им надо сделать книгу, годную к продаже, потому надо публиковать именно тот вариант, который они сочинили. Но в основном в книге все правильно. Признаться, когда уже была готова половина рукописи, я был близок к тому, чтобы прекратить работу над книгой. Все казалось не так. Но потом рассудил, что за книгу же должны заплатить, а я очень хотел вернуться сюда, на Суворов, а без денег это было невозможно.

Мне долго пришлось ждать случая, чтобы вернуться на Суворов. Потому что тогдашние новозеландские власти заявили, что любой корабль, который доставит меня на Суворов, будет отвечать за меня и будет обязан еще и увезти меня с Суворова обратно, если вдруг я здесь заболею. Конечно, на эти условия никто не соглашался, но я думал: что ж, ничего страшного, придет когда-нибудь и мой день. И вот, наконец, Острова Кука стали независимыми, и я уже мог не опасаться, что новозеландские власти станут препятствовать моей третьей поездке на Суворов. Так я и попал сюда в 1967 году и сошел на Анкоридж первого июля. Скоро исполнится ровно десять лет, как я нахожусь здесь безвыездно. Я оставил на Раротонге сына и дочь. Они учились там в школе, и я заплатил вперед за их учебу. Сейчас, вы знаете, дочка в Новой Зеландии, а сын в Австралии. Дочка собирается стать медсестрой, а сын, не знаю, кем будет.

Просыпаюсь я рано и начинаю работать с семи часов утра. Раньше я много лазил по деревьям за кокосовыми орехами, но теперь мне уже не по силам, мне надо быть очень осторожным, следить за своим здоровьем. Здесь же врачей нет, да и я мало смыслю в медицине. Однажды я порезал руку, и кровь текла три дня. Я перевязал рану, но кровь продолжала идти. Вероятно, задел вену. Мне это доставило очень много хлопот.

— Мистер Том, — спросил я, — вот сейчас у вас хорошее настроение, вы шутите, улыбаетесь, а когда мы вчера подошли к острову, мне показалось, что вы были в плохом настроении. Почему?

— Я подумал, вот пришли какие-то люди и сейчас на острове

станет шумно, начнут везде совать свой нос, мешать мне, а потом еще вчера утром у меня случилась маленькая неприятность, и ваше судно виновато в этой неприятности. Рано утром я стал готовить завтрак, разжег печку, поставил на огонь сковородку и собирался сделать яичницу. Дело в том, что мои куры иногда несутся. Они не рекордсменки, но, как правило, все куры за неделю общими усилиями дают одно яйцо. И как раз вчера я нашел это яйцо и собирался сделать яичницу. Я очень люблю яичницу. И вдруг услышал гудок парохода. Это вы на «Каллисто» дали гудок. От неожиданности я уронил яйцо на землю, а мне так хотелось съесть яичницу. Вот почему у меня было плохое настроение.

Ну а потом я убедился, что вы не похожи на туристов, которые, бывает, приходят сюда на своих яхтах. Люди вы не назойливые, деликатные, поэтому и настроение мое улучшилось. Вообще-то яхтам запрещено приходить сюда, но их же не остановить. Я читал инструкцию на Раротонге о том, что все яхты должны сообщать фамилию капитана и команды, и размеры лодки, и цель приезда на Суворов. Но никто не выполняет эту инструкцию. Раз в несколько месяцев, а то и реже, приходят суда с Раротонги, но бывает и так, что несколько лет никого здесь не бывает. Например, с 1960 по 1964 год никто не приходил на Суворов.

— Мистер Том, вот вы варите каждое утро кофе. Вы привезли его с собой или же запасы кофе пополняются время от времени, вам его привозят с Раротонги?

— Нет, мне почти ничего не привозят с Раротонги. А что касается кофе, то когда я приехал сюда десять лет назад, привез шестьдесят килограммов кофейных зерен, и у меня до сих пор еще осталось немножко. Я обычно пью кофе по утрам, это и есть мой завтрак. Раньше я увлекался рыбной ловлей, а в последнее время я очень мало рыбачу. Иногда только ловлю рыбу для кошек, но они и сами справляются.

— Ваш рацион состоит в основном из копры?

— Да. Я умею готовить около тридцати различных блюд из копры. На рождество я ем куриное мясо и за минувшие девять лет съел девять куриц. Но их у меня не стало меньше, потому что на второй год пребывания на Суворове, когда куры еще неслись очень хорошо, одна из них вывела двенадцать цыплят, и они выросли. Раньше я ел «пальмовых воров», ведь эти крабы съедобны. Но сейчас я их больше не ем, их долго варить, и вообще мне они не кажутся вкусными. Раньше я посещал другие острова постоянно, у меня была лодка, я садился в нее и потихоньку, гребя веслом, добирался до других островов, чтобы

собрать там птичьи яйца. А сейчас мне это тяжело.

Кроме того, раньше я выращивал овощи на огороде. Сейчас же сил стало мало, и вскапывать землю я не в состоянии. Вы, наверное, видели, что огород давным-давно зарос травой и разными сорняками.

— Как вы себя чувствуете, мистер Том?

— Недели две назад у меня сильно болело плечо. Я решил, что перенапряг мышцу, не смог спать ночами из-за боли, вертелся, потом садился, вставал. У меня был кодеин, но я его не принимал, потому что за десять лет, конечно, он потерял все свои свойства. Безусловно, сил мало осталось, и в июле этого года, когда исполнится десять лет с того дня, как я вступил на землю атолла Суворова, я думаю вернуться на Раротонгу. Мне будет семьдесят пять лет, из них пятнадцать я прожил на этом острове. Это вполне достаточно. Пятнадцать лет на атолле Суворова — самые счастливые в моей жизни. Вот что я вам могу сказать. Правда, не всякий может выдержать одиночество. Когда я отсутствовал, сюда приехал человек с Таити и пробыл здесь четыре месяца. Он хотел совсем поселиться на Суворове, но больше трех месяцев он не выдержал, заболел, и первая яхта, которая зашла на Суворов, забрала его с собой. Просто этот человек не знал, как можно прокормиться в таком месте.

— Вот вы, мистер Том, сказали, что через несколько месяцев исполнится десять лет вашего пребывания здесь, на Анкоридже. Видимо, это своего рода рекорд. Насколько я знаю, в мире нет и не было человека, который бы так долго жил в одиночестве на маленьком острове. А где вы намереваетесь поселиться, покинув атолл Суворова?

— Могу сказать вам, что принял решение обосноваться на каком-нибудь маленьком островке Океании. На Раротонге оставаться не хочу, там стало неуютно. Говорят, построили аэродром, отель, рестораны, будут приезжать уймы туристов, а от них шум, гвалт.

— Я хочу попросить вас подписать мне вашу книгу на память о нашей встрече. Кстати, не думаете ли вы после возвращения написать еще одну книгу о десяти годах жизни на Суворове?

— Нет, мне это ни к чему. Ту, что у вас в руках, я написал, как вы знаете, лишь в силу необходимости: мне были нужны деньги для этой поездки. А сейчас зачем стану писать? Много ли нужно старику при моих скромных потребностях: кофе, копра и, может быть, немного хлеба для разнообразия.

— Значит, атолл Суворова опять станет необитаемым?

— Кто знает? Вероятно, нет. Возможно, власти примут решение построить здесь какой-нибудь отель для богатых

туристов. Тут только питьевой воды не хватает. Я же пью дождевую воду; которую собираю вон в те два больших резервуара и в этот, что рядом с террасой. Колодца здесь нет, ручьев тоже. Но дельцы что-нибудь придумают, если отель на Суворове будет сулить им прибыль. Может быть, на одном из островов построят опреснитель. Но мне это безразлично, я не хочу дожить до такого времени. Есть еще одна причина. Я что-то стал неважно себя чувствовать. Нога ноет. Повредил ее лет пятнадцать назад, а сейчас стала ныть. И в боку покалывает, когда сплю. Повернусь на другой бок — проходит. Видимо, старость наступает.

Том взял книжку, попросил у меня ручку и на титульном листе, тщательно выводя каждую букву, написал: «Том Нил. Анкоридж. Февраль 1977 года».

...Солнце немного передвинулось в сторону горизонта. Жара чуть спала. Магнитофонная лента с записанной беседой, завернутая в пластиковый мешок, лежала на дне кофра. Виктор Бабаев отснял последние метры пленки и сейчас томился, не зная, куда себя деть. Он уже несколько раз пересек остров поперек по тропинке, попытался пройти его и вдоль, но отказался от своего намерения, потому что дорогу преграждал кустарник с такими большими колючками, пробираться через которые было бы бессмысленно. Виктор сел рядом со мной на песок и глубоко вздохнул.

— Догадываюсь, что означает ваш глубокий вздох, Виктор. Вы, конечно, хотели бы использовать свободное время, надеть маску, ласты и понырять в лагуне, но не уверены, как к этому поступку отнесется назначенный руководителем информационной группы журналист Олег Игнатьев? Прав я или не прав?

— Безусловно, мне хотелось бы посмотреть, что там на дне. Обещаю, что как только увижу первый плавник акулы, то сразу же вернусь на берег.

— А если акула увидит вас раньше, чем вы ее?

— Но я далеко заходить не стану, предельная глубина — полтора метра.

Конечно, можно было понять Виктора, страстного любителя подводного плавания, но, говоря серьезно, риск был немалый.

— Хорошо, Виктор, — с неохотой произнес я. — Но мы с вами, как и остальные члены экспедиции, ознакомились с правилами проведения подводных работ и вообще с порядком, который нужно соблюдать при работах на островах и атоллах. Там сказано черным по белому, что любые подводные экскурсии совершаются с разрешения старшего руководителя и при

обязательной подстраховке. На Анкоридже из состава экспедиции никого, кроме нас с вами, сейчас нет, поэтому я своей властью могу, конечно, разрешить вам поплавать в лагуне. Но инструкцию нарушать мы не станем, поэтому беру на себя функции подстраховщика. Надевайте ласты и маску, зайдем оба по пояс в воду, и вы будете плавать вокруг меня.

Дисциплина есть дисциплина, и Виктор, как человек сугубо положительный, понимал, что нарушать ее нельзя. Прицепив на пояс перочинный нож и внутренне кляня Виктора за его неудержимую тягу к морским купаниям, я побрел за ним по ужасно противной горячей воде лагуны. Мелкие рыбешки лениво отплывали от наших ног, кеды скользили по кораллам, и пришлось пройти около ста метров, прежде чем вода дошла нам до пояса. Я остановился и решительно произнес:

— Дальше не пойдем. Вы будете нырять здесь, а я вас начну охранять.

Ничего не ответив, Виктор натянул маску, и вот уже из воды торчат его ноги в ластах. Зачем ему потребовалось нырять? Вода прозрачная, дно видно прекрасно, и, чтобы полюбоваться красотами дна лагуны, совершенно незачем принимать несвойственное человеку положение, когда голова находится внизу, а ноги болтаются наверху.

Бабаев все нырял и нырял, а мне делать было совершенно нечего. К тому же, хотя солнце стало постепенно сползать вниз, сказать, что близилась прохлада, было нельзя. А попробуйте проторчать на тропическом солнцепеке с непокрытой головой.

Когда Виктор в очередной раз высунул голову из воды, я крикнул ему:

— Быстрее выходите на берег, я видел, как в том конце лагуны мелькнули три акульих плавника!

В таких случаях переспрашивать абсолютно некогда, и Бабаев, тяжело передвигая обутые в ласты ноги, нехотя направился к берегу.

Представьте себе, как только мы вышли на песчаную косу и повернулись к лагуне, то в самом деле увидели совсем неподалеку от нас несколько ходивших кругами акул.

— Видите, Виктор, — менторским тоном произнес я, — если бы не подстраховка...

Вскоре подошел ботик, пора возвращаться на «Каллисто». А завтра заключительный день работы на атолле Суворова.

15 февраля

Сегодня в последний раз побывал на Суворове. Программа

уже исчерпана, но мне хотелось вручить Тому небольшой подарок. Кроме того, вчера забыл записать его почтовый адрес, а Том Нил просил прислать ему фотографии.

Высадившись на Анкоридж, отправился разыскивать Тома. Нашел его на площадке для кур. Он рубил на куски полутораметровые сухие листья кокосовых пальм и бросал их в стоявшую на костре железную бочку без дна. По всему островку стелился дым от горящих листьев.

— Добрый день, мистер Том! — окликнул я старика. — Почему это вы бросаете листья в бездонную бочку? Не проще ли сложить их в кучу и поджечь?

— Нет, это опасно, — возразил Том Нил. — Лет пять назад чуть пожар не устроил, сгорело с десяток пальм. А в этом году дождей уже месяца три не было. Все сухое. Попадет искра, полыхнет, как порох. А оставлять листья нельзя, под гнилью разные паразиты заводятся, вредители пальмы губят. Вдруг кто-нибудь после меня захочет поселиться здесь, приедет, а кокосовые пальмы уже погибли. Что тогда делать?

Том разрубил еще пару веерообразных листьев, бросил в бочку и, держа в руке мачете, вышел с куриной площадки, тщательно закрыв за собой затянутую сеткой дверцу.

— Дама, которая с вами была вчера, сегодня опять приехала или же осталась на судне? — поинтересовался Том Нил.

— Нет, Ольга осталась на «Каллисто» и шлет вам большой привет. У вас к ней какое-нибудь дело?

— Какое может быть дело? Спросил так, для порядка. Когда заходит какое-нибудь судно, то я одеваюсь, чтобы прилично было. Обычно же мой костюм состоит из шляпы и вот этих шлепанцев, а уж когда приходят гости, то волей-неволей положено надевать шорты. Вот и спросил, приехала ли с вами дама, а то в шортах ходить жарко.

Воспользовавшись тем, что разговор зашел об экипировке, я протянул Тому привезенный с «Каллисто» сверток.

— Мистер Том, мне бы хотелось презентовать вам кеды. У нас с вами, кажется, одинаковый размер ноги. А еще, — добавил я, — мистер Баденков намеревается прислать вам с «Каллисто» несколько дюжин яиц. У нас есть запасы. Вы же очень любите яичницу.

— За подарок большое спасибо, — растроганно произнес отшельник. — Признаюсь, у меня последняя пара босоножек, да и те в очень плохом состоянии. Что же касается яиц, то я не только устрою для себя большой праздник. Часть из них попытаюсь положить в гнездо. Может быть, какая-нибудь из куриц выведет цыплят.

Я деликатно промолчал, не желая огорчать старика: хранившиеся у нас в холодильнике куриные яйца были диетические, стерилизованные и при всем старании всех кур острова Анкоридж цыплят из них высидеть невозможно.

Том поманил меня пальцем:

— Пойдемте, молодой человек, я хочу в свою очередь сделать вам маленький презент.

Польщенный тем, что меня назвали «молодым человеком», я двинулся вслед за Томом к его хижине. Покопавшись в рундучке, Том вынул из него какой-то завернутый в тряпку предмет. Это оказалась раковина каури, очень изящная по форме и необычной расцветки. Прекрасный подарок, хороший вклад в мою коллекцию!

Пока мы беседовали с Томом, группа моряков с «Каллисто» соорудила на каменистом участке берега бетонный куб и прикрепила сверху медную доску с надписью: «В память о посещении атолла Суворов, открытого русским мореплавателем Михаилом Лазаревым 27 сентября 1814 года.

Советская экспедиция НИС «Каллисто-6». 14 февраля 1977 года».

Правда, по нашему календарю было уже 15 февраля, но, как вы знаете, атолл Суворова лежит за линией смены дат, Том Нил жил еще вчерашним днем.

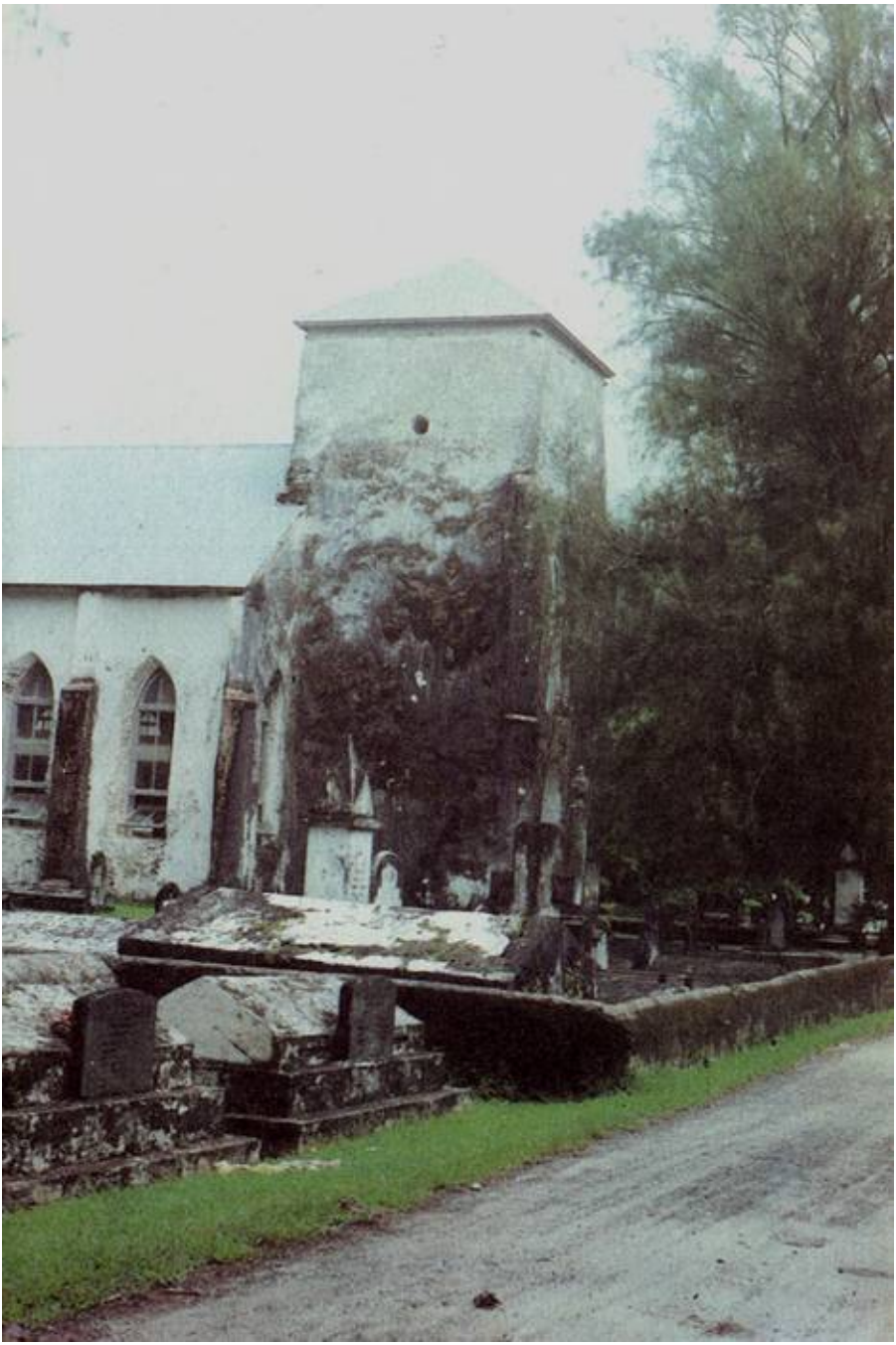
Пора было возвращаться на «Каллисто» Том обещал прийти проститься, но, видимо, закрутился по хозяйству и забыл про нас. В тот час, когда мы отходили от Анкориджа, Том всегда шел кормить своих кур копрой, и ничто не могло отвлечь его от такого серьезного занятия.

...Если случится забрести на атолл Суворова, взгляните на нашу мемориальную доску, она всего лишь метрах в ста от домика, где пятнадцать лет прожил Том Нил.

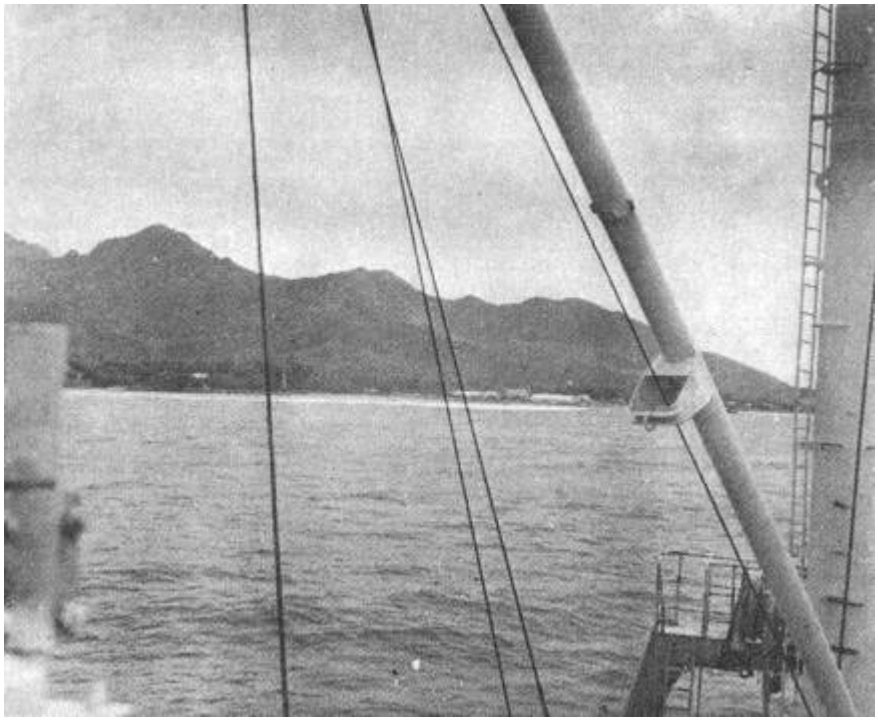
Вечером в дискуссионном клубе на корме разгорелся спор, как назвать Тома Нила — отшельником или Робинзоном.

Конечно, Том Нил — личность необычная. Я бы сказал, что Том Нил — антиробинзон. Помните, Робинзон попал на необитаемый остров вопреки своей воле, а очутившись на нем, прилагал максимум усилий, чтобы вернуться к людям? А Том Нил ушел от людей добровольно, никто его не гнал, не заставлял селиться на атолле Суворова и жить там долгие годы. Тома нельзя считать тунеядцем, он работал на своем острове, и довольно много. Например, когда Том Нил поселился в первый раз на Анкоридже, то на острове росло всего лишь несколько кокосовых пальм, и та роща, которая сейчас покрывает весь Анкоридж, выращена руками Тома Нила. Причем ему

приходилось на лодке возить землю в мешках с других островков. Кроме того, Том числился сторожем птичьего заповедника, коим является атолл Суворова, и за свою работу получал ежемесячно пятнадцать долларов. Нет, Том Нил — просто необычайный любитель одиночества, каких, я в этом уверен, очень мало можно найти на всем земном шаре.



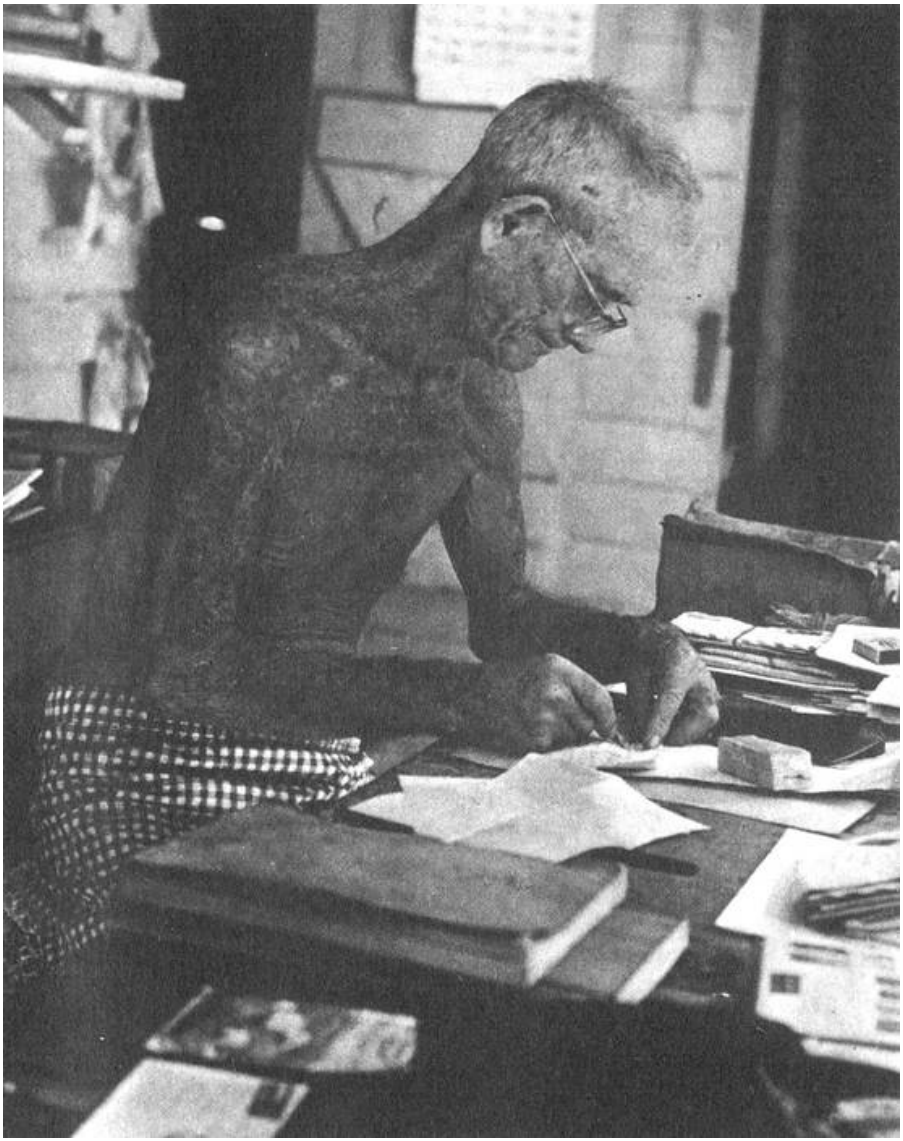
Дом Такомоа.



Остров Раротонга в длину 8 км.

На причале нас встречают дети.

Кинотеатр.



Том Нил за сортировкой почты.

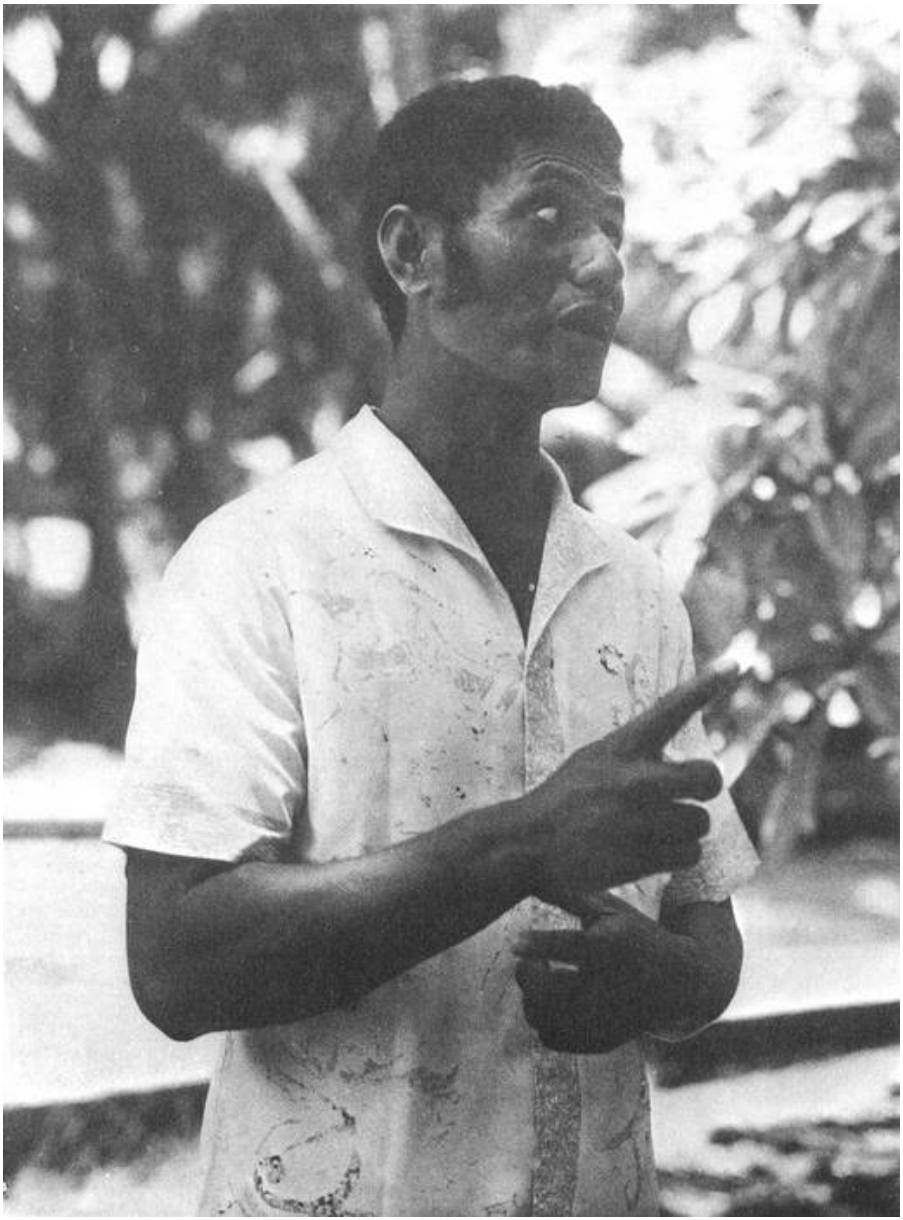
Несколькими ударами ножа Том Нил вскрыл орех.

Отшельник следил за чистотой своего острова.

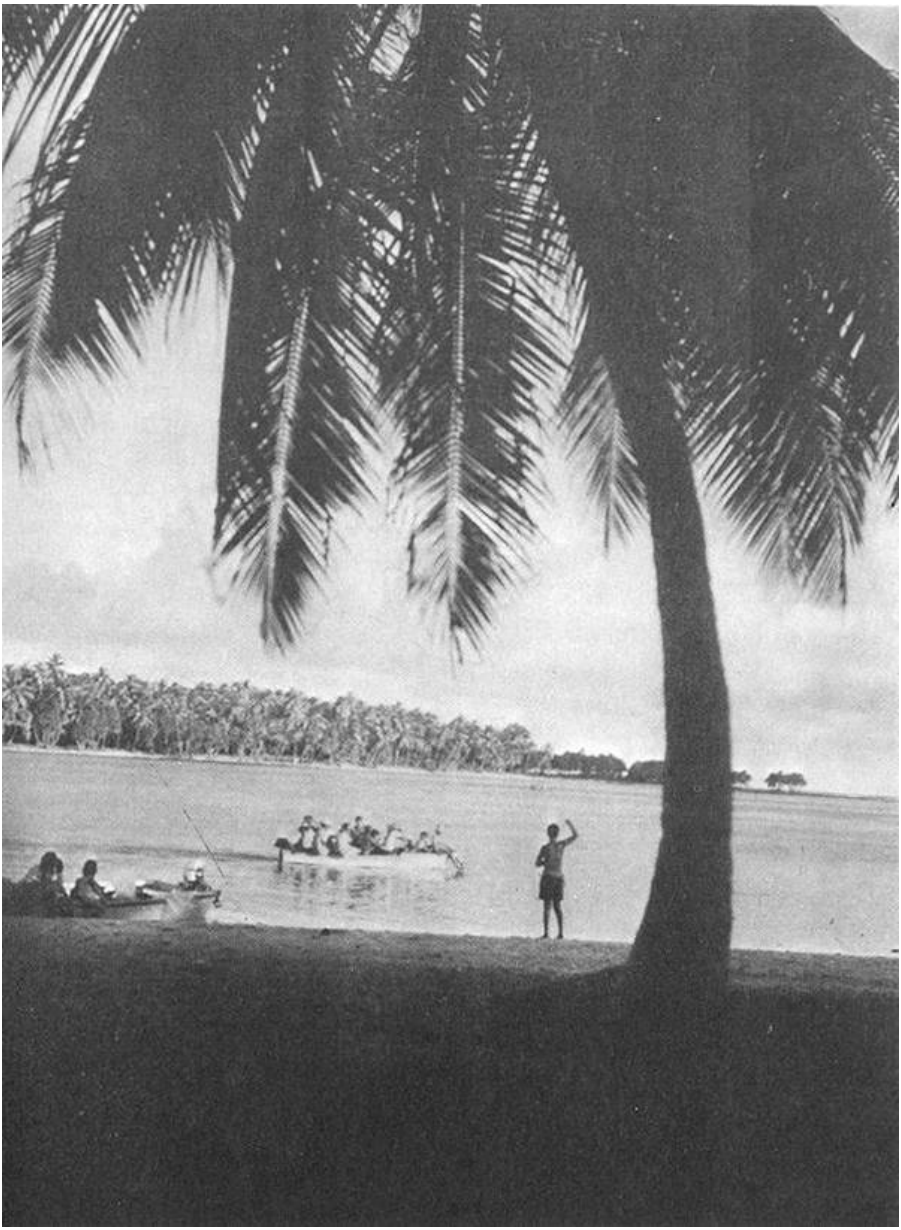
Танцуют дети.

Возраст артистов колеблется от 5 до 12 лет.

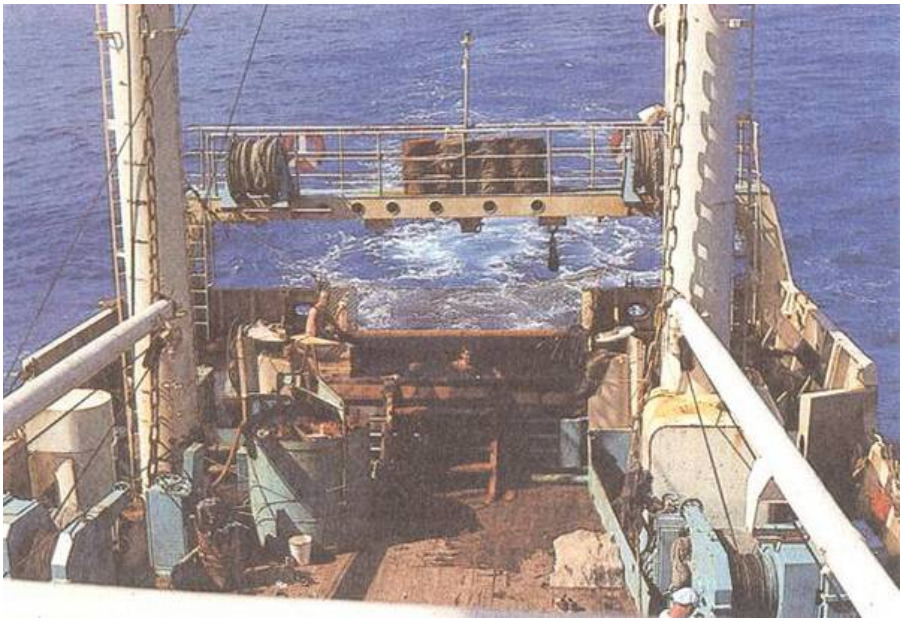
Коралловые рифы.



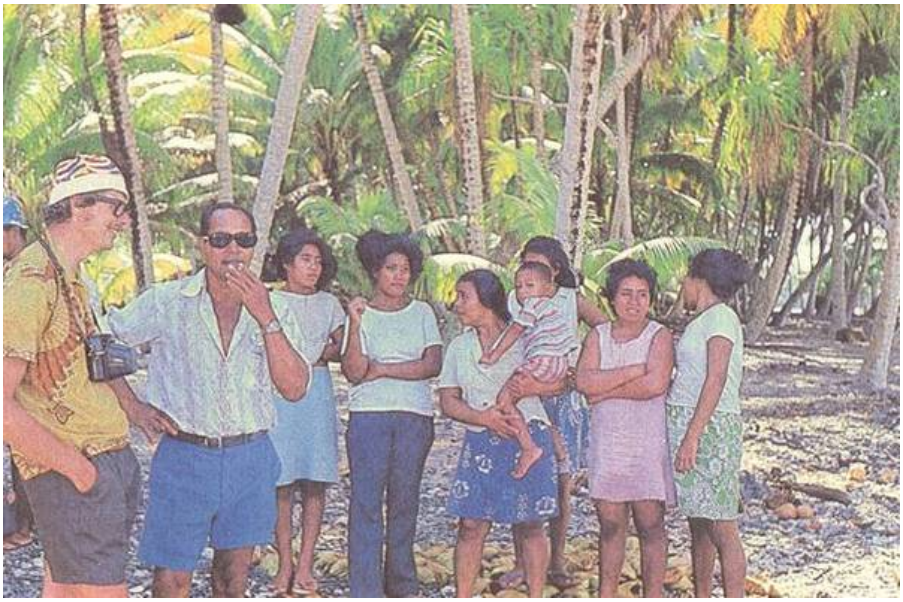
У него была странная фамилия — Маникюр.



Пальмы на побережье.



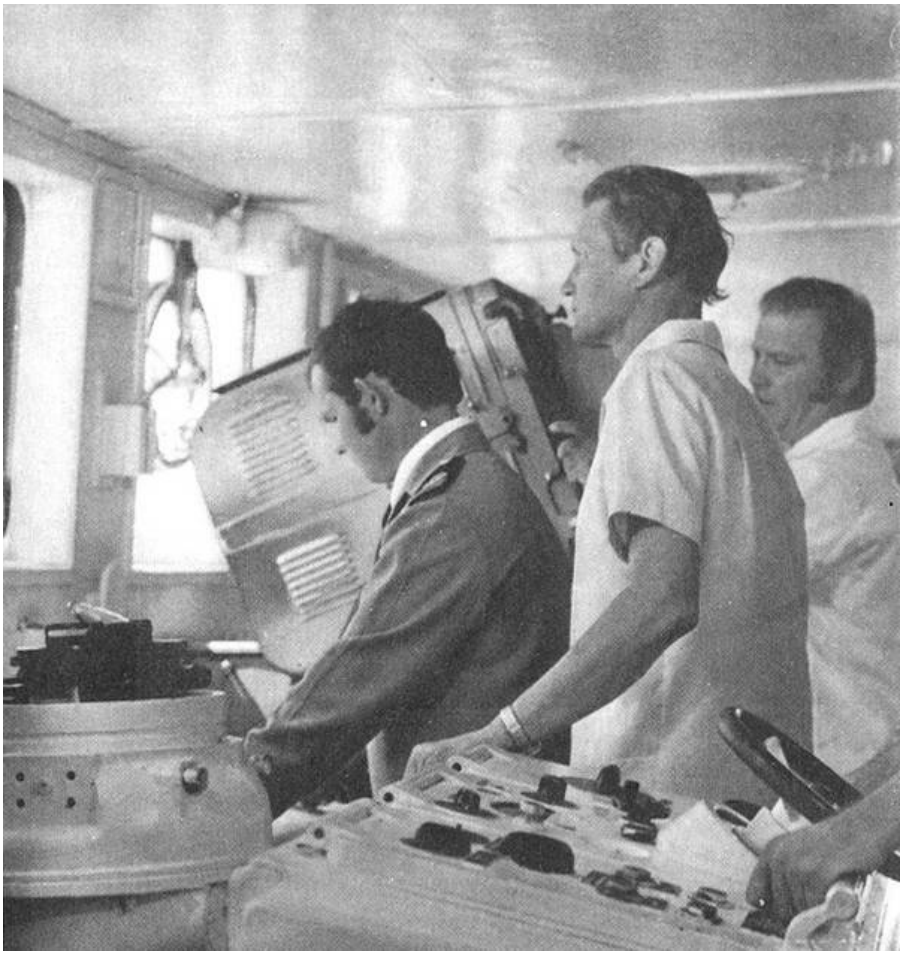
Палуба.



Встреча.

Атолл Пукапука.

Ботик в море.



В штурманской рубке.

"Каллисто" на рейде.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пукапука

16 февраля

Небольшая выдержка из лоции, касающейся атолла Пукапука: «Острова Кука (Северные). Атолл Дейнджер. В лагуне атолла острова Пукапука, Моту-Кавата, Моту-Коэ, Три-Ки, риф Теараи, риф Тема. Копра, бананы, свинина, куры, рыба. Много мух и москитов. Пресная вода в колодцах. На Пукапука в 1951 году жило около 700 человек. Высота примерно 12 метров. Есть почта в селении на южном берегу. Площадь Пукапука 1250 квадратных акров».

А вот выдержка из вышедшей в Австралии книги «Геология островов Кука»: «Пукапука — также известный под названием Дейнджер («Опасный остров»), — возможно, был замечен еще испанским мореплавателем Мендана в 1595 году. Затем на нем побывал капитан Джон Байрон на судне «Дельфин» в 1765 году. Имя Пукапука относится также к одному из трех островов. Два других — Моту-Котава и Моту-Коэ не имеют постоянных жителей. Но там посажены кокосовые пальмы, и острова служат как бы резервными полями. На острове Пукапука три деревни: Ято, Рото и Нгаве. Состоят в основном из небольших домиков с крышами из тростника (или из пальмовых листьев) и хибарок. На Рото имеется также резиденция администратора, почта, амбулатория, церкви, лавки и несколько домов, сложенных из кораллового известняка и дерева, в числе которых находится дом, некогда принадлежавший писателю Роберту Фрисби. Единственный вид транспорта на острове — велосипед, и, конечно, каноэ».

Нужно отметить, что и в нашей лоции, и в книге «Геология

островов Кука» есть неточности. В лоции остров Моту-Котава назван «Моту-Кавата», в 1951 году на атолле жили не 700, а 800 человек, сейчас же население острова уменьшилось и составляет 765 человек. В «Геологии островов Кука» неправильно приведена фамилия первооткрывателя атолла. Им был знаменитый испанский мореплаватель Альваро Менданья де Нейра, который открыл атолл 20 августа 1595 года, назвав его Сан-Бернардо.

Как это часто происходило в те времена, острова были открыты вторично спустя двадцать один год, когда 3 марта 1616 года сюда на корабле «Эндрахт» подошел голландский мореплаватель Биллем Схаутен. Из наших соотечественников первым в воды, окружающие атолл Пукапука, пришел на своем судне Отто Евстрафьевич Коцебу 16 апреля 1816 года. Вероятно, мы будем вторыми.

От Суворова до Пукапука — 200 миль.

Сегодня вечером должны прийти на место.

Утром обнаружил на борту незнакомого человека. Высокий, белокурый мужчина лет двадцати пяти разгуливал в плавках на корме около бассейна. Только когда он обратился ко мне с каким-то вопросом, я вгляделся и ахнул: так это же наш Леня Созинов, подстриженный и сбривший окладистую бороду. Интересно, где же умудрился он отыскать парикмахерскую на «Каллисто»? Оказалось, искусством брадобрея владеет одна из наших ученых дам — Людмила Царева.

В половине десятого утра проходили мимо островка Нассо. Возле него виднелось севшее на рифы небольшое суденышко. Кораблекрушение, видимо, произошло давно.

Когда были на траверзе Нассо, стоявшие у борта Пузаченко, капитан и Скулкин обратили внимание, что с островка подают нам световые сигналы. Может быть, кто-то нуждается в нашей помощи? Капитан дал команду повернуть «Каллисто» к берегу и приказал подготовить «Дору» к спуску. Я тут же отправился к Баденкову, попросить его включить Виктора Бабаева и меня в состав группы, которая пойдет на «Доре». Невозможно было упустить такой случай: вдруг действительно на острове находятся потерпевшие кораблекрушение!

Однако, пока «Дору» готовили к спуску, световые сигналы с острова передавать перестали. Ну и что? Может быть, там заметили, что «Каллисто» разворачивается к берегу, и побежали в деревню или поселок сообщить, что помощь близка. Однако Баденков попросил капитана отменить его распоряжение о высадке группы на Нассо и снова взять курс на Пукапука, объясняя это необходимостью прибыть на Пукапука до наступления темноты. Моему возмущению не было предела. Как

же так? Может быть, действительно на острове Нассо люди нуждались в нашей помощи. Ведь мы же не выяснили, что там случилось, почему нам посылали световые сигналы. Конечно, с таким решением я согласиться не мог. Все равно сегодня высаживаться на Пукапука мы не станем, и «Каллисто» будет лежать в дрейфе до наступления рассвета. Однако на судне оспаривать решение начальника не положено. Поднимать же мятеж среди команды и ученых, захватывать власть на корабле в свои руки и вывешивать пиратский черный флаг я, поразмыслив, отказался, так как, прозондировав настроение окружающих, выяснил, что лишь Виктор Бабаев готов идти со мной до конца...

«Каллисто» развил крейсерскую скорость, и в семь часов вечера мы уже подошли к Пукапука. Если вы станете искать на карте этот атолл, то ищите его под названием «Дейнджер». Я уже рассказывал, что голландский мореплаватель Виллем Корнелис Хорн Схаутен, спустя два десятилетия открыв вновь атолл, назвал его Хонден, а всамделишный первооткрыватель, Альваро Менданья, назвал его Сан-Бернардо. Однако с момента получения Островами Кука самоуправления местные власти во всех документах пользуются только одним, по-настоящему настоящим названием атолла — Пукапука.

Жители атолла никогда не называли свою родину ни Сан-Бернардо, ни Хонден, ни Дейнджер. Для них он был и остается атоллом Пукапука. О Пукапука они слагают песни, из поколения в поколение передают легенды и считают, что прекраснее Пукапука нет места на нашей планете.

Так как «Каллисто» было первым советским судном в прибрежных водах Пукапука, то, как и полагается первопроходцам, никто не знал, как осуществляется здесь высадка на берег, существует ли удобный проход в коралловом рифе, опоясавшем атолл, через который шлюпки могли бы пройти в лагуну. Мы лишь надеялись, что местные жители, увидев приближающееся судно, не преминут сами нанести нам визит. Так оно и получилось. Не успели мы примерно в миле от берега лечь в дрейф, как заметили приближавшиеся к «Каллисто» две моторные лодки. Несмотря на довольно большие волны, моторки сумели подойти к борту, и вот уже человек десять поднимаются по штормтрапу на кормовую палубу. Среди гостей — одна симпатичная женщина в национальной одежде. Мы решили, что она супруга местного администратора. Сам администратор важно выступал на два шага впереди остальной свиты, здороваясь со всеми за руку, и называл свою фамилию. У него была довольно странная, на мой взгляд, фамилия — Маникюр.

Как выяснилось, на Пукапука «Каллисто» ждали давно: еще

месяца три назад из Аваруа сообщили по рации о возможном заходе на остров советского судна. Но вскоре после получения радиограммы с рацией что-то случилось, и по сей день жители Пукапука, по своей натуре гуманитарии и в тонкостях техники не разбирающиеся, починить ее не смогли и, естественно, лишены связи с внешним миром. Мистер Маникюр разъяснил нам, что высадка на остров сопряжена с довольно большими трудностями и возможна лишь с помощью местных жителей. Администратор обещал оказать всяческое содействие успешному выполнению задач, поставленных перед учеными экспедиции.

Гости пробыли на «Каллисто» часа два, и моторные лодки ушли на атолл в полной темноте. После ужина на средней палубе вывесили приказ о порядке работ на завтра. Я и Виктор должны высаживаться на берег с первой группой.

17 февраля

Сразу же после завтрака начали высадку. Волнение около четырех баллов. Решили идти на большом спасательном боте, чтобы не делать несколько рейсов, а взять сразу всех, кто должен сегодня высаживаться на Пукапука. Владимир Яковлевич Осинный повел бот по направлению к рифу и, не доходя метров ста до входа в лагуну, стал курсировать вдоль рифа, как мы вчера договорились с администратором острова. Прошло минут сорок, и мы наконец увидели, как от берега отошли две моторки. В каждой моторке сидело по пять человек. Один моторист, остальные же четверо, видимо, пассажиры, решившие поглазеть на пришельцев. По крайней мере, поначалу мы пришли к такому выводу, и Владимир Яковлевич даже недовольно заворчал:

— Не могли, что ли, нас на берегу встретить? Ведь, если их там в каждой лодке четверо, то, значит, на четырех человек меньше смогут взять наших.

Но, как говорится, в чужой монастырь не нужно соваться со своим уставом. Моторки подошли к выходу из лагуны и остановились, причем пассажиры почему-то выпрыгнули из лодок и оказались стоящими на мели. Вода доходила им лишь до щиколотки.

Волны шли на риф одна за другой, а ребята, не шелохнувшись, стояли в воде. Мы с любопытством наблюдали, что же они станут делать дальше. Вот набежала очередная волна и немного приподняла моторки. Тут четверо мускулистых парней крикнули хором: «Гоу!» — и, схватившись за борта лодки, стремительно протащили ее с десяток метров, стараясь держать нос плоскодонки строго перпендикулярно гребню

откатывающейся волны. В тот миг, когда лодки пересекли невидимую нам границу, где мелководная лагуна обрывалась отвесной скалой, уходившей на несколько сотен метров в глубь океана, юноши рывком перевалились через борт, взревели подвесные моторы, и лодки, проскочив очередную волну, стремительно прорывавшуюся в узкий проход кораллового ожерелья лагуны, закачались, как поплавки, на поверхности открытого океана в полутора кабельтовых от нашего бота, загруженного жаждущими попасть на землю Пукапука учеными и «сопровождающими их лицами» (Виктором и мной).

— Только шесть, только шесть персон! — с нотками ужаса в голосе воскликнули гребцы плоскодонок, когда увидели, как два десятка дюжих молодцов изготовились, словно пираты капитана Дрейка, взять на абордаж первую приблизившуюся к ним посудину.

Приказ есть приказ. Обретя подобающее ученым мужам спокойствие, пассажиры бота стали следовать порядку, заведенному в экспедиции с момента самой первой высадки: право «первоступателя» на неведомую землю предоставляется, как вы знаете, во всех случаях начальнику экспедиции Баденкову, затем следует очередь ученого секретаря и переводчицы Ольги Гусаковой, а вслед за ней право третье- и четвертооткрывателя остается за нами — информационной группой, Бабаевым и мной. Пятым, конечно, был профессор Таргульян — самый энергичный из всех известных мне профессоров, а шестым — профессор Каплин, имеющий неоспоримое преимущество перед всеми другими деятелями отечественной и зарубежной науки, так как, кроме всех прочих достоинств, умеет прекрасно плавать и является аквалангистом высшего класса.

Юноши-перевозчики, заставив нас сесть на дно лодки, подождали, пока подойдет подходящая, на их взгляд, волна, и, точно рассчитав каждое движение, проделали тот же маневр, что и при выходе из бухты, только в обратном порядке. Вся операция заняла несколько секунд. И вот мы плывем по спокойной глади лагуны, приближаясь к берегу, где собралась, по местным масштабам, довольно внушительная толпа (не меньше пятидесяти человек).

Меня удивило, что среди встречавших я не заметил ни одного представителя молодого поколения. То ли в это время в школе шли занятия, то ли, согласно местным обычаям, ребятам не положено встречать иностранные делегации.

Согласно дипломатическому протоколу, глава администрации острова Джон Маникюр стоял в первом ряду толпы встречающих. Он объяснил, что большинства жителей нет

сейчас на острове, многие семьи почти месяц как перебрались на острова Моту-Котава и Моту-Коэ, где занимаются сбором кокосовых орехов и добыванием из них копры. Сейчас как раз сезон сбора копры.

— Но, — добавил Джон Маникюр, — все те, кто находится на острове, от чистого сердца приветствуют вас, как самых дорогих гостей.

Могу сразу же отметить, что слова администратора не были проявлением формальной вежливости. Нас действительно приняли очень радушно.

Переброска всего личного состав группы заняла около часа, и, когда ученые, взвалив на спину рюкзаки с оборудованием, прихватив любимые лопаты и кирки, собрались направиться по намеченным заранее маршрутам, Маникюр торжественно объявил, что гостей ждут ученики местного лицея, которые приготовили для каллистян культурную программу.

Безусловно, наши ученые, у которых, как вы знаете, каждый час пребывания на островах ценится на вес золота, не могли пойти на такую жертву. Но мы уже сталкивались с подобной ситуацией, опыт у нас был, и, так же как и на Ниуафооу, Баденков разъяснил, что на «Каллисто» существует традиция, по которой на все торжественные мероприятия делегируются самые ответственные работники, а также представители прессы и телевидения (так сказать, для создания летописи неповторимых событий).

Ученые пошли брать пробы грунтов, собирать водоросли и замерять все параметры, связанные с ветром, влажностью, соленостью воды, а Баденков, Ольга Григорьевна, Виктор и я пошли за мистером Маникюром на концерт художественной самодеятельности.

Тропинка вела нас через пальмовые рощи. Куда ни кинь взгляд — всюду кокосовые пальмы. Изредка встречались участки, на которых росло таро. Мистер Маникюр по дороге успел рассказать, что сейчас на Пукапука создалось довольно тяжелое положение: кончились почти все привозные продукты — рис, сахар, соль, мука, молочные смеси для малышей. Судно из Аваруа должно было прийти еще пять месяцев назад, но, неизвестно по какой причине, задерживается с выходом, и жители атолла вынуждены обходиться «подножным кормом», тем, что произрастает на острове. В основном копрой и таро. Лишь по большим праздникам лакомятся свининой или курятиной. Он высказал надежду, что судно все же должно скоро прибыть, хотя бы для того, чтобы забрать собранную копру. Ее на складе сейчас около четырехсот тонн.

У одноэтажного здания лицея нас ждали все молодые жители острова. Не меньше двухсот ребят, одетых в простую, но удобную школьную форму. Девочки — в синенькие платьица, а ребята — в синие трусы.

Солнце палило нещадно, и, хотя на термометр мы не смотрели (из-за отсутствия таковых на острове), я, если кто-нибудь осмелился бы поспорить со мной, голову мог дать на отсечение, что любой градусник лопнул бы от такой жары.

Гостей пригласили сесть под навес на террасе школы.

Возле Баденкова с правой стороны примостилась группа ребят с какими-то чурбачками, палочками, барабаном и старыми кастрюлями. Преподаватели выстроили детей в пары, и директор школы начал произносить речь, соответствующую моменту. Выступление показалось мне несколько длинноватым, но, принимая во внимание, что директору наверняка не так часто приходится приветствовать делегации зарубежных гостей, мы терпеливо выслушали получасовой монолог. Хотя мы ничего не поняли, так как он звучал на местном языке, но аплодировали, как нам казалось, в нужных местах.

Наконец директор добрался до заключительной фразы, взмахнул рукой, и тут наш уважаемый начальник экспедиции подскочил очень высоко на своем стуле, потому что буквально над ухом Баденкова раздался многодецибелловый грохот вступительных аккордов оркестра, состоявшего из одних ударных инструментов. Так начался концерт.

Затем нам показали несколько танцев. Возраст артистов колебался от пяти до двенадцати лет, но такой врожденной грации, чувства музыки, изящества мне никогда не приходилось наблюдать.

После концерта нас повели осматривать остров.

Домики в деревне чистенькие, аккуратные. Самое внушительное здание — церковь. В деревне Рото находится резиденция Маникюра, почта и местная торговая точка, на дверях которой висел замок, так как уже два месяца лавка не работает из-за полного отсутствия товаров. Лоция ошиблась еще раз: на атолле не было амбулатории и вообще ни одного врача или даже фельдшера.

Глава острова пригласил нас к себе домой и представил членам экспедиции свою супругу. Имени она своего не сообщила, и мы обращались к ней «леди Маникюр». Резиденция состояла из спальни и столовой и примыкала к почте. Оказывается, по совместительству (оно на атолле официально разрешено) муж и жена Маникюр выполняли также обязанности начальника почты и кассирши. Интересно, что в штатном расписании почтовых

работников числятся три человека — начальник, кассирша и почтмейстер. Я спросил, какие обязанности выполняет почтмейстер. Наш хозяин долго думал, морщил лоб, потом ответил:

— Видимо, ему нужно было бы разносить почту, но за ней, когда раз в полгода прибывает судно из Аваруа, приходят сами жители, поэтому он просто получает заработную плату, достаточную для приобретения форменной фуражки и ремня с форменной бляхой.

Я поинтересовался, где находится дом, который принадлежал когда-то Роберту Фрисби.

— А вот он, — сказал Маникюр, показав на неказистый деревянный домик, отличавшийся от других зданий тем, что наверху была пристроена мансарда.

Места здесь, конечно, изумительно красивые, но жизнь на Пукапука, прямо скажу, трудная. Почтмейстер, о котором я упоминал (оказывается, он по совместительству выполнял на острове обязанности полицейского), пожилой человек, рассказал мне об ураганах, которые почти каждый год обрушиваются на Пукапука, причиняя большой ущерб и без того слабой местной экономике, уничтожая кокосовые деревья, смывая плодородную почву вместе с посевами таро. После таких бедствий люди по нескольку месяцев живут впроголодь.

Я об этом знал и до разговора с почтмейстером — из прочитанных до поездки журналов.

Приведу лишь два коротких сообщения такого рода. «Ураган, шедший с северо-запада на юго-восток, принес Островам Кука неисчислимые бедствия и лишил многих крова. 15 декабря 1967 года ураган достиг Пукапука. Сейчас им требуется неотложная помощь. В противном случае над островитянами нависнет угроза голодной смерти».

Второе сообщение: «Идиллические южные моря, конечно же, не имеют медовых или молочных рек, и еще одним доказательством этому является положение на острове Пукапука, жители которого в очередной раз находятся на грани голода. Ураган в январе этого года, не прекращающиеся ливневые дожди, наступившие раньше обычного времени, наводнили таровые болота, и растения, не успевшие еще глубоко пустить корни, были смыты водой. 1 марта на остров были доставлены две тысячи корней таро, но для его вызревания требуется 14 месяцев, поэтому большая часть населения перебралась на резервные острова Моту-Котава и Моту-Коэ. Население было вынуждено употреблять в пищу те кокосовые орехи, которые рассчитывали использовать для выработки копры на продажу в будущем году.

Премьер Островов Кука сэр Альберт Генри обратился к населению Островов Кука с призывом создать фонд помощи жителям Пукапука для покупки муки, риса и сахара. Эти продукты намереваются доставить на Пукапука судном «Акатере» которое направится на атолл в конце июля 1970 года».

На мой вопрос, какой средний доход жителя Пукапука от копры, мистер Маникюр, произведя несложные подсчеты в блокноте, ответил:

— Пятьдесят долларов в год. Конечно, — добавил он, — климат у нас благодатный, но спичку сахар и чай купить нужно, муку и рис — тоже, рубашку и шорты, платье, босоножки необходимы — босиком по острым как бритва осколкам кораллов много не находишь. А некоторые мужчины курят, табак же в наших местах не растет, и сигареты приходится покупать привозные.

Он попросил у Баденкова прислать с «Каллисто» специалиста, который посмотрел бы их рацию, и еще он попросил одолжить жителям несколько десятков литров бензина и снабдить спичками. Начальник экспедиции обещал выполнить все просьбы.

— А сейчас, — сказал мистер Маникюр, — пойдемте в дом собраний. Там мы приготовили для вас праздничный обед.

Если вас интересует меню, могу сказать, что оно состояло из жареной копры, жареных крабов и кокосового молока, а также аккуратно разложенных на блюдечках кусочков таро. Что у них было, то они и поставили на стол, желая доставить удовольствие гостям.

За обедом наш хозяин обратился к Баденкову еще с одной просьбой: разрешить лучшим ученикам лицея совершить экскурсию на «Каллисто». Баденков поинтересовался, сколько же в лицее лучших учеников. Оказалось, сорок мальчиков и девочек. Баденков пришел в ужас, представив себе, как трудно будет высаживать с бота на борт «Каллисто» сорок ребятишек. Сами они по штормтрапу не поднимутся, а волнение на море достигало четырех-пяти баллов.

— Давайте, — предложил Юрий Петрович, — дошлите одну партию в двадцать человек, и если эксперимент закончится удачно, то на следующий день привезете остальных.

Поколебавшись, мистер Маникюр согласился. Решили, что первая партия экскурсантов прибудет на «Каллисто» завтра.

— И еще, — сказал мистер Маникюр, — хотелось бы, чтобы вы прислали к нам своих спортсменов.

Баденков удивленно вскинул брови и, как мне показалось, собирался уже было ответить, что спортивные команды на «Каллисто» отсутствуют, но, наверное вспомнив недавнюю победу

команды «Наука» над командами «Палуба» и «Машина», спросил:

— Представителей каких видов спорта вы желали бы видеть у себя?

Баденков умышленно не упомянул такой вид спортивных соревнований, как пинг-понг (еще слишком свежо было горькое воспоминание о поражении, нанесенном полицейским с острова Ниуафооу лучшим пингпонгистам), и, зная о силе и ловкости островитян, поднимающихся в считанные секунды на самую высокую пальму, не стал рекламировать наших спортсменов, чемпионов по подтягиванию на турнике.

— Мы бы хотели сыграть с вами в волейбол.

— Волейбол! Превосходно! — воскликнул Баденков, — А какая будет встреча: официальная или товарищеская?

— Я не знаю, что такое «официальная» встреча, просто поиграем в волейбол. Наша команда с вашей командой.

— Превосходно! Товарищеский матч Пукапука — Советский Союз.

На том и порешили. Итак, 19 февраля мы откроем новую страницу побед советского спорта за пределами нашей Родины.

18 февраля

Решение начальника экспедиции принять на «Каллисто» детскую экскурсию в два приема доставило много трудностей учителям и директору школы. Когда мы сегодня высадились на берег лагуны, нас никто из взрослых не встречал. Оказывается, им было не до ученых с «Каллисто». Те, у кого имелись дети (а бездетных на Пукапука не оказалось), стояли около школы в очереди у кабинета директора, который вел прием по личным вопросам. Каждый из ожидавших входил к директору с одной и той же просьбой: включить его сына или дочь обязательно в первую группу экскурсантов. Некоторые папы и мамы, ожидая, когда наступит их черед, стояли группками, что-то взволнованно обсуждая. Я спросил, о чем они говорят. Маникюр махнул рукой:

— Так, пустяки. Обвиняют директора, что тот включил в первую группу своих любимчиков, детей родственников, друзей и приятелей.

Конечно, нежелательно, если приход «Каллисто» явится причиной возникновения на Пукапука семейственности и протекционизма.

— Мистер Маникюр, — предложил я, — мне кажется, было бы целесообразным в первую группу включить лишь ансамбль музыкантов, а также танцоров из старших классов. Все-таки сейчас океан не очень спокойный, волнение не меньше трех

баллов, и малышей посылать не стоит. А завтра пусть отправятся отличники учебы.

Маникюр облегченно вздохнул. Конечно, это самый разумный выход из создавшегося очень трудного положения. Никому не будет обидно.

Благополучно произведя за пределами лагуны пересадку ребят из плоскодонок, наш бот медленно идет к «Каллисто». Океан несколько успокоился, но волны все же большие, а многие из детей еще никогда в жизни не покидали пределов родной лагуны. В первые пять — десять минут все шумели, смеялись, некоторые даже пытались сесть на борт и болтать ногами в воде, но Владимир Яковлевич быстро пресек подобные шалости. Но вот две девчушки с кислым видом сползли с банки на дно бота, прислонились к спасательному кругу и закрыли глаза. Их начало укачивать.

Одним словом, когда мы подошли к «Каллисто», около трети артистов чувствовали себя прескверно, и стало ясно, что никто из ребят не в состоянии самостоятельно подняться по штормтрапу. Но не возвращаться же обратно! Боцман предложил переправлять ребятишек, минуя штормтрап. Два находившихся в боте матроса поднимали по очереди ребят, которые протягивали руки вверх. Когда бот находился на гребне очередной волны, стоявшие у борта «Каллисто» члены экипажа хватали мальчишку или девчонку за протянутые руки и втаскивали на судно. Надо прямо сказать, операция была рискованная. Однако, к счастью, все окончилось благополучно. И вот артисты перекочевали из бота на палубу. Тут же музыканты облюбовали себе местечко около «Доры», танцоры встали в пары, дирижер взмахнул рукой, и концерт начался.

Успех у зрителей был огромный, хотя некоторые исполнители, танцуя, прилагали максимум усилий, чтобы не расплакаться, так скверно они себя чувствовали даже от слабой качки.

Мы не были готовы дать ответный концерт и вместо этого решили показать ребятам кино. Климчук долго спорил с киномехаником, какой фильм показать детям. Киномеханик предлагал пустить две серии «Ну, погоди!», а Климчук настаивал на показе цветного обзорного полнометражного фильма «По Советской стране». Сошлись на компромиссном решении: показать две части документальной ленты и одну серию «Ну, погоди!».

Документальный фильм детишки не восприняли, зато, когда на экране появились Заяц и Волк, ребята ожили и сопровождали весь фильм восторженными возгласами, смехом и

аплодисментами.

В завершение праздника каждому экскурсанту вручили кулек с конфетами.

Посадка на бот проходила в тех же условиях, только в обратном порядке. Баденков, с ужасом наблюдавший за процессом эвакуации, вытер пот со лба и сказал:

— Всё, с меня хватит! Больше никаких экскурсий не примем.

Сегодня с утра наши аквалангисты и матросы на «Доре» и еще одной шлюпке пошли к проходу через риф для проведения несколько необычных работ. Они должны были расширить проход в лагуну, а также убрать оттуда лишние кораллы. Дело в том, что вход в лагуну искусственный. Много лет назад жители Пукапука скололи часть кораллов рифа, окружающего лагуну, чтобы иметь возможность проводить каноэ и моторные лодки, груженные копрой, в океан к судам, прибывающим за товарами. Но, как вы знаете, кораллы растут, и поэтому приходилось раз в несколько лет расширять и чистить проход.

К удивлению жителей Пукапука, наши ребята, отламывая под водой коралловые глыбы, не бросали их в глубину, а грузили в шлюпку и везли на «Каллисто», где вскоре вся корма была завалена большими и малыми кораллами.

Островитяне недоумевали:

— Зачем беспокоитесь? Стоит ли грузить эти обломки на «Каллисто», а потом выбрасывать их в открытом море? Бросьте их. Около прохода глубина большая, все равно они больше не вырастут.

Чудаки, они не понимали, что каллистяне очень довольны представившейся им возможностью добыть обломки кораллов. Во Владивостоке, да и в Москве, члены экспедиции смогут одаривать океанскими сувенирами своих друзей и знакомых, и нет подарка прекраснее, чем коралл с атолла Пукапука! Если бы не подвернулся такой счастливый случай, когда жители сами попросили нас помочь им избавиться от разросшихся кораллов, то другой вряд ли представился бы, так как кораллы в океане охраняются международными соглашениями, и без крайней необходимости ломать их категорически запрещено кому бы то ни было.

К вечеру «Каллисто» пропах гниющими кораллами. Для обитателей кают, расположенных недалеко от кормы, это оказалось настоящей пыткой. Когда стемнело, началась операция промывания кораллов. Заработала помпа, струя морской воды под большим напором забила из шлангов, ребята, надев маски и резиновые перчатки, стали мыть кораллы. Весь состав экспедиции, за исключением, может быть, трех-четырех человек,

охватила «коралловая лихорадка». Кораллами забивали все укромные места, тащили в трюм, наполняли картонные коробки и деревянные ящики из-под продуктов. Один из научных работников, не принимавший непосредственного участия ни в очистке рифового прохода, ни в перевозке и мытье коралловых обломков, время от времени появлялся на кормовой палубе и начинал ходить кругами возле кучек отмытых кораллов. Потом с безразличным видом наклонялся, поднимал облюбованный экземпляр и, как паучок, тащил в свою норку.

19 февраля

Что ж, вот и заканчиваются полевые работы экспедиции «Каллисто». Сегодня последний день пребывания на Пукапука. Попросил Каплина взять меня на ботик, который шел работать в лагуну. Волнение по сравнению со вчерашним днем усилилось, и, конечно, Баденков отказался принять новых экскурсантов на «Каллисто». К тому же наверняка ребятишки, побывавшие у нас в гостях, со всеми подробностями рассказали своим сверстникам, как им пришлось добираться до нашего судна, каких страхов они натерпелись. Когда Юрий Петрович сказал, что из-за усиливающегося волнения океана он не может взять на себя ответственность за перевозку детей, родители и сами ребята приняли это решение без возражений.

Павел Алексеевич Каплин доставал в лагуне образцы кораллов, а я бродил по мелководью, собирая маленькие раковины каури. Время от времени мы переходили от одной отмели к другой. Когда наш бот находился почти посредине лагуны, мимо нас на большой скорости пронеслись две моторные лодки, доверху нагруженные корзинами с копрой. На носу первой моторки стояла девушка в яркой кофте и юбке, с развевающимися черными волосами и венком из ярких цветов на голове. Девушка смеялась, что-то кричала нам, махая рукой. Это возвращались сборщики копры с островов Моту-Котава и Моту-Коэ. И тут я вспомнил, что скоро должен начаться международный волейбольный матч Пукапука — Советский Союз. Павел Алексеевич еще не завершил намеченную программу работ, и я, покинув бот, побрел пешком к берегу. К сожалению, увидеть спортивную встречу не удалось, так как матч уже кончился и наши спортсмены скромно гуляли по берегу лагуны в тени кокосовых пальм. На мой вопрос: «Кто победил?» — они хором ответили: «Победила дружба», из чего я вынес заключение, что наши ребята проиграли. И не ошибся. Жители Пукапука играли в волейбол лучше.

Радисты и механики «Каллисто» отремонтировали островную рацию, и Маникюр сразу же связался с Аваруа, получив из столицы приятную весть: судно с товарами уже вышло из Раротонги.

К семи часам вечера все члены экспедиции прибыли на борт «Каллисто». Научная программа была завершена.

23 февраля

Завтра мы приходим в Суву, и я покину «Каллисто». У членов экспедиции впереди еще месяц пути до родной земли, до Владивостока, а я уже через три дня буду в Москве. Сегодня взял заключительное интервью у Баденкова. Вот что он сказал мне:

— Работы на островах завершены. Надо сказать, что удача сопутствовала нашей экспедиции. Нам удалось почти полностью выполнить все запланированные посещения островов. В исключительно сложных, порой рискованных высадках (даже бывалые моряки с «Каллисто» не знали таких высадок на берег) нам удалось избежать травм и ушибов. В этом безусловно заслуга экипажа судна, и в первую очередь старшего помощника Осинного и старшего механика Смолина.

Впереди у нас более чем месячное плавание к родным берегам. За это время нам предстоит завершение предварительного отчета. Запланированы научные семинары и заседания научно-технического совета. В Суве покинет судно доктор Чарлз Ватт, последний иностранный участник экспедиции. А всего в экспедиции участвовало шесть иностранных ученых: из Папуа — Новой Гвинеи, Австралии, Новой Зеландии и Фиджи. Со всеми из них достигнута договоренность о предоставлении результатов исследований для окончательного отчета экспедиции и о подготовке совместных публикаций.

Наша экспедиция заканчивается, но мы уже думаем о планах и программе следующей островной экспедиции.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность всему научному составу, экипажу судна за хорошо выполненную работу. Также хотелось бы поблагодарить руководство Дальневосточного научного центра Академии наук СССР и руководителя национального проекта «Экосистемы островов», члена-корреспондента Академии наук СССР Андрея Петровича Капицу за организацию этого рейса и помощь при его выполнении.

24 февраля

Эти строки пишу уже в гостинице международного аэропорта острова Вити-Леву. Сегодня утром, пока ходил брать билет от Сувы до Нанди (в Суве нет международного аэропорта, и, чтобы вылететь в другую страну, нужно добираться до противоположного конца острова в аэропорт Нанди), почти все мои друзья ушли в город в увольнение. В каюте на столе увидел записку: «О. К.! Дорогой наш человек! Очень жаль, что мы Вас не дождались. Счастливо лететь, долететь, приземлиться и помнить о нас. Ваши добрые друзья». И три подписи.

Что же, это последняя запись в дневнике. Через сутки уже буду в Москве.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВАМ ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТОЙ

Новички с нетерпением ждут встречи с атоллами и разочаровываются, когда на горизонте появляется лишь узкая полоска кокосовых пальм, торчащих как-будто прямо из океана. Корабль подходит ближе, и опять же ничего примечательного: низкий берег и все те же кокосовые пальмы. Мы, участники рейса на «Дмитрии Менделееве», посетив в 1971 году несколько атоллов островов Эллиса, Джилберта и Феникс, знали, что с первого взгляда все атоллы одинаковы. Но мы знали также, что, после того как судно или бот войдут в центральную лагуну, когда участники экспедиции нырнут в масках под воду и когда они станут разбираться в деталях строения атолла, разочарование сменится восторгами. Действительно, атоллы — замечательное творение природы, созданное колониями мелких беспозвоночных животных — кораллами.

Если барьер возникает у берегов большого острова, то эта стена тянется на многие километры, подобно Большому барьерному рифу Австралии. Если же кораллы поселились на вершине подводного вулкана, по краям кратера, то барьер замыкается в кольцо, которое называют римом. Поверхность рима располагается ниже поверхности океана, и он осушается только при отливе. При постоянном уровне моря наращивание рима происходит только с боков, со стороны океана и со стороны лагуны. Однако со стороны океана происходит и разрушение колоний кораллов. Волны, особенно во время тайфунов, ломая кораллы (в основном отмирающие и отмершие), выбрасывают на поверхность кольца рима обломки, из которых формируются на поверхности рима наносные «нашлепки», которые при

затопленном риме выглядят островами, разбросанными по кольцу атолла. Эти острова, или, как их называют полинезийцы, моту, заселяются растениями, в первую очередь кокосовой пальмой. Здесь же, на обитаемых атоллах, живут люди. Острова-моту бывают довольно большими: до десятка километров в длину (по кольцу рима) и один-два километра в ширину.

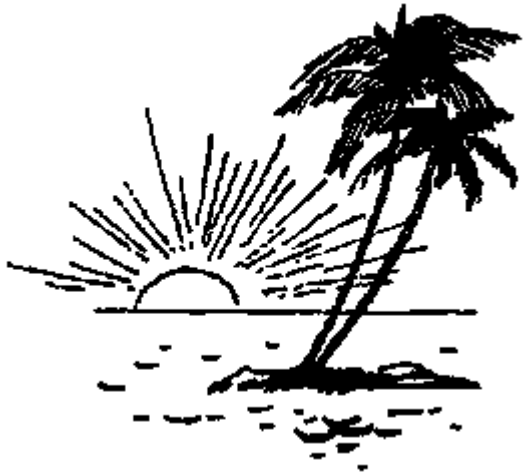
Все, сказанное выше, относится к довольно редко встречающемуся в природе случаю, когда кораллы поселяются на вершине вулкана, находящейся в зоне волнового воздействия океана. При этом вулкан длительное время остается в тектонически стабильном состоянии. Однако читатель уже знает, что вулканы океанического ложа часто испытывают или тектоническое поднятие, или опускание. В случае поднятия образуются острова, подобные острову Ниуэ. Если же вулкан, служащий фундаментом атоллу, тектонически опускается, атолл не исчезает с поверхности океана. При опускании фундамента коралловые колонии растут вверх. По многочисленным определениям, скорость нарастания коралловых рифов достигает от одного до полутора миллиметров в год. Таким образом, если даже вулканическое основание атолла опускается со скоростью, не превышающей скорость роста кораллов, сам атолл продолжает существовать. Сейчас уже на многих атоллах проведено бурение и обнаружено, что толща коралловых известняков атолла может достигать полутора километров! Эти известняки залегают на вулканических основаниях, возраст которых достигает шестидесяти миллионов лет. Из этих данных следует, что атоллы могли возникнуть шестьдесят миллионов лет назад и по мере погружения своего основания все это время надстраивались, поднимаясь и оставаясь на уровне океана.

Хотя атоллы могут существовать миллионы лет, их современная поверхность очень молода. Собранные с островов-моту и с поверхности римов атоллов Суворова и Пукапука образцы имели абсолютный возраст одна-две тысячи лет.

Молодость поверхности атоллов обусловливает и молодость их ландшафтов. Почвы атоллов еще не полностью сформировались, животный мир очень беден, растительный покров, по существу, примитивен. На атоллах доминирующее место среди растений занимает кокосовая пальма. Это не случайно, так как она наиболее приспособлена к расселению по островам. Кокосовый орех, плод пальмы, достаточно прочен и в то же время легок. Он хорошо плавает и разносится течениями по океану на многие сотни километров. Волны выбрасывают орехи на атоллы, чаще всего на пляжи, состоящие из грубых обломков кораллов. В орехе начинает развиваться растение, но оно не

спешит брать питательные вещества из почвы. В крупном орехе достаточно «запасов», чтобы растение развивалось без помощи ресурсов почвы. Только после того как маленькая пальма окрепнет, растение пускает корни в грунт и начинает питаться из земли. Вырастая у самой кромки земли, пальма роняет свои плоды в море, и новые кокосовые орехи пускаются в плавание по океану завоевывать новые земли, новые атоллы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ



Тихий океан, Полинезия, южные моря, острова Фиджи, Тонга, острова Кука — эти слова звучали для меня в детстве волшебной музыкой. Они означали не только и не столько географические понятия — это был сказочный и нереальный мир, открытый книгами Джека Лондона и потертыми (гашеными!) марками, неизвестно каким образом попавшими в мою пеструю филателистическую коллекцию в те суровые послевоенные годы. Мог ли я тогда, в заснеженной и малолюдной Москве, даже подумать, что спустя каких-то тридцать лет сам буду сидеть в тени кокосовых пальм на островке Анкоридж — одном из многочисленных крошечных коралловых моту атолла Суворова, в центре Тихого океана и наблюдать, как современный Робинзон — Том Нил, проживший здесь в одиночестве шестнадцать лет, гасит штемпелем почтового отделения «Атолл Суворова» марки Островов Кука! Но может быть, именно тогда где-то в глубине моего сознания сформировалась дальняя и неясная цель: путешествовать и познавать разнообразие Земли и людей, живущих на ней. И кто знает, может быть, это определило в дальнейшем мой выбор профессии...

Сейчас, в последние десятилетия XX века, благодаря телевидению миллионы ребят (и взрослые), члены «Клуба путешественников», еженедельно «посещают» самые труднодоступные и экзотические уголки Земли. И для этого им не

надо покидать своего обжитого жилища, преодолевать трудности пути и подвергаться опасностям — достаточно вовремя включить «ящик», и искушенные проводники проведут их самыми головокружительными маршрутами. Насколько богаче и шире знания наших детей и насколько пассивнее они стали в достижении отдаленных целей, постоянном преодолении самих себя и внешних трудностей. Насколько легче и... труднее им стало. Впрочем, может быть, я ошибаюсь в своих оценках. К сожалению, брюзжание и поучение свойственны определенному возрасту.

Однако перейдем к путешествию на «Каллисто», о котором рассказывает в своей книге О. К. Игнатьев. Добавим, что он сделал это не только в книге, но и в передачах «Клуба путешественников» на телевидении, в серии, объединенной названием «Каллисто» идет к атоллу Суворова». Олег Константинович Игнатьев — известный советский журналист-международник, объездивший за время своей работы корреспондентом «Правды» весь мир. Его репортажи из горячих точек планеты хорошо известны советскому читателю.

В этой своей книге Игнатьев выступает в новом качестве — участника морской экспедиции и ее летописца. Его наблюдения остры и интересны, и рассказ о работе экспедиции и местах, где она работала, безусловно, заинтересует молодых читателей.

Экспедиция на научно-исследовательском судне АН СССР «Каллисто» длилась с ноября 1976 по март 1977 года — всего 127 суток. Ее маршрут выглядел следующим образом: Владивосток — порт Лаэ (Папуа — Новая Гвинея) — остров Багоман (архипелаг Луизиада) — острова Гуадалканал и Био (Соломоновы острова) — остров Норфолк — (Австралия) — порт Окленд (Новая Зеландия) — острова Кермадек — остров Фиджи — остров Ниуафооу (Тонга) — остров Ниуэ — остров Раротонга, атоллы Суворова и Пукапука (Острова Кука) — Фиджи — Токио — Владивосток. В экспедиции принимало участие 28 советских и 6 иностранных ученых. Состав экипажа 39 человек. Экспедиция проводилась по программе ЮНЕСКО МАБ («Человек и Биосфера»)[1] , Проект «Экосистемы островов».

Таковы анкетные данные экспедиции. Но также как по анкетным данным трудно представить личность человека, так и приведенные выше сведения дают лишь самый общий контур экспедиции.

Идея проведения экспедиции родилась в 1973 году в Тихоокеанском институте географии Дальневосточного научного центра АН СССР, когда на него были возложены обязанности головного центра по исследованию островов в рамках программы

МАБ.

Почему именно исследованию островов в этой программе придается особое значение?

Во-первых, природа островов, ввиду их небольших размеров и изолированности, легко может быть нарушена воздействием человека и его хозяйственной деятельности. Во-вторых, остров представляет собой уникальную природную модель изолированной экологической системы с достаточно четкими границами. Эта экосистема эволюционирует по законам внутреннего саморазвития с ограниченным влиянием внешних факторов. И если учесть, что на огромных пространствах континента мы часто сталкиваемся с подобными «островными экосистемами» — лесной массив в степи, распаханное поле, населенный пункт и т. д., — но границы между ними не так контрастны, как между сушей и морем, то станет понятно теоретическое и практическое значение исследования островов.

Особое значение приобретает изучение островов тропической зоны для понимания общих законов эволюции биосферы: ведь развивались они в сравнительно стабильных климатических условиях.

В тропиках не было оледенения и связанного с этим феномена колебания климата. Поэтому выбор островов — объектов исследования был строго обоснован и подчинялся следующим требованиям: 1) одинаково небольшие размеры острова, что позволяло детально обследовать его за 4 — 6 дней; 2) разнообразие возраста его поверхности; 3) разнообразие генезиса (происхождения) островов — вулканические и биогенные (коралловые атоллы).

Экспедиция готовилась более двух лет группой ученых под руководством доктора географических наук тридцатидвухлетнего в ту пору Юрия Георгиевича Пузаченко, человека своеобразного, яркого и фанатически преданного интересам науки. Его роль в экспедиции была ключевой.

Одновременно с подготовкой программы велась работа и по другим направлениям: согласование с зарубежными странами программы работ на островах и получение соответствующих разрешений, переписка с иностранными учеными, определение состава экспедиции. Последнее — дело непростое и деликатное. Дело в том, что экспедиция носила комплексный характер, и в ее состав необходимо было включить специалистов разного профиля: географов, экологов, ботаников, зоологов, климатологов, почвоведов, геохимиков, геоморфологов, морских биологов. Требования же к участникам экспедиции предъявлялись весьма строгие: высокий профессионализм,

широкая эрудиция, отличное здоровье, коммуникабельность, ответственность, дисциплина... И если учесть, что многие из предлагаемых кандидатов принадлежали к различным научным школам и направлениям, то становится ясным, сколь сложна была задача создания работоспособного творческого коллектива экспедиции на время ее работы и, что не менее важно, в период обобщения результатов.

Вообще следует подчеркнуть дух взаимовыручки, доброжелательность, юмор, который царил в экспедиции «Каллисто-6» (это был шестой рейс судна «Каллисто»), единство научных сотрудников экспедиции и экипажа, что не всегда ведь бывает в длительных морских рейсах. Естественно, возникали и конфликтные ситуации, но где же их не бывает? Но в целом это была атмосфера праздника (так я бы назвал труд в удовольствие).

Моряки копали землю, готовя глубокие почвенные разрезы, налаживали плавсредства, маститые ученые «шкрябали» ржавчину и красили переборки — все это выполнялось без «нажима сверху». Действовал великий закон морского братства! Это естественно, мы к этому привыкли. Но ведь именно благодаря морской дружбе и взаимовыручке удавались рискованнейшие высадки на острова при 4—6-балльном волнении океана, что обеспечило главное — выполнение программы работ.

Экспедиция «Каллисто-6» проходила в исключительно благоприятных условиях. Нам всюду оказывали всемерную и разнообразную помощь местные власти. Всюду мы располагали транспортом, причем он предоставлялся нам совершенно безвозмездно! Так же безвозмездно наши коллеги предоставляли экспедиции карты и аэрофотоснимки, статьи и справочники — для нас это был бесценный материал.

О радушии и доброжелательности простых людей — папуасов и жителей Соломоновых островов, фиджийцев и тонганцев, населения островов Кука — говорить не приходится. Гостеприимство Полинезии известно всем!

Тем же отвечали и участники экспедиции. На всех стоянках на «Каллисто» организовывали день открытых дверей — научные дискуссии с зарубежными коллегами, демонстрация кинофильмов, лекции о Советском Союзе. Все члены экспедиции чувствовали гордость и ответственность — быть представителями советской науки за рубежом.

Несколько слов в добавление к главе «Отшельник с атолла Суворова». Эта глава несколько выделяется из общего хода повествования и имеет, на мой взгляд, роль какого-то внутреннего ядра книги. Шестнадцатилетняя робинзонада Тома

Нила на атолле Суворова — это микрокосм Океании. Здесь, на одиноком атолле, носящем имя прославленного русского полководца (английское написание Suwarrow искажает название до неузнаваемости), как бы сошлись наше детское восприятие южных морей по книгам Джека Лондона, новеллам Сомерсета Моэма, описания путешествий Джеймса Кука и Коцебу — всего того, что ассоциируется у нас с эпохой Великих географических открытий.

Атолл Суворова был открыт лейтенантом Михаилом Лазаревым на корабле «Суворов», принадлежащем Российско-Американской компании, 28 сентября 1813 года[2].

В своей книге О. К. Игнатьев довольно полно описал судьбу Тома Нила, добровольно превратившего себя в современного Робинзона. О причинах же, побудивших Тома к этому шагу, лучше всего рассказал он сам в своей книге «Остров для меня одного»: «... я избрал это потому, что жизнь идет здесь той поступью, когда чувствуешь творца в тот момент, когда он создавал солнце — для тепла, фрукты — для пищи. Эта жизнь — у меня в крови».

Мысль об атолле Суворова Тому Нилу подал человек по имени Роберт Фрисби. На островах Кука он больше был известен как Робатитане [Robatitane] и зарабатывал свой хлеб каботажными перевозками грузов между островами на собственной шхуне. Он написал и издал в США с 1924 по 1948 год шесть книг. Мне удалось прочитать две, и обе они представляют описание жизни автора на атоллах Пукапука и Суворова.

Они пронизаны атмосферой южных морей — романтической, пряной, с замедленным течением времени. Понять ее, вероятно, могут только те, кто ощутил это сам. Но вместе с тем ураганы и штормы органично вписываются в безмятежную картину жизни Океании. В одной из своих книг «Остров желаний» Р. Фрисби описал ураган, пронесшийся через атолл Суворова. Фрисби жил там со своими четырьмя детьми. Ураган был такой силы, что смыл огромными волнами большинство островков-моту с кораллового рима, а Фрисби и его детям удалось спастись, забравшись на стволы пальм и накрепко привязавшись к ним.

Судьба Фрисби была печальной: он окончил свои дни в бедности, на Раротонге. Так же печально закончил свои дни в госпитале на Раротонге и Том Нил. Он умер в ноябре 1977 года (спустя 9 месяцев после нашей встречи на атолле Суворова) и похоронен на кладбище Возвратившихся Моряков.

Атолл Суворова вновь стал необитаемым...

Мне хотелось бы закончить словами, которые я написал в 1982 году своему другу Гордену Соутелу в письме на Раротонгу:

«Если наши дети и внуки смогут больше узнать о том мире, который нас окружает, то они, наверно, будут добрее и лучше. Malo leleo (Всего наилучшего)».

Ю. П. БАДЕНКОВ,
начальник экспедиции «Каллисто-6»

Примечания

Примечания

1

Программа МАБ возникла в 1972 году в результате работы Стокгольмской конференции ООН по проблемам охраны окружающей среды в интересах будущего человечества. Эмблемой программы МАБ был взят древнеегипетский иероглиф — символ жизни.

2

Подробнее об этом можно прочитать в книге Н. Ивашницева «Русские кругосветные путешествия». СПб., 1872.